

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИТИВНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

*Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора
Т. Г. Боргояковой*

Абакан
2018

УДК 811.512.153'42
ББК 81.634.51+81.04
P41

*Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Рецензенты: **Панова Г. И.**, доктор филологических наук, профессор;
Бавуу-Сюрюн М. В., кандидат филологических наук,
доцент

Авторский коллектив: **Боргоякова Т. Г., Абдина Р. П.,
Каксин А. Д., Покоякова К. А.,
Чертыкова М. Д., Чугунекова А. Н.**

Репрезентация оппозитивности в хакасском языке /
P41 Т. Г. Боргоякова, Р. П. Абдина, А. Д. Каксин и др.; под общ.
ред. Т. Г. Боргояковой. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»,
2018. – 196 с.
ISBN 978-5-7810-1780-5

Коллективная монография посвящена проблеме вербальной репрезентации оппозитивности как одного из ключевых способов языковой концептуализации и категоризации окружающего мира. Авторы рассматривают различные способы когнитивно-семантической противоположности, выраженной языковыми единицами, включая их синтетические и аналитические, а также эвиденциальные формы на примере хакасского языка. Универсалии и национально-культурная специфика бинарности изучены также в психолингвистическом аспекте с привлечением примеров ассоциативных стратегий хакасского языкового сознания.

Издание адресовано филологам, лингвистам, всем, кто интересуется актуальными проблемами теории хакасского языка и сопоставительного языкознания.

УДК 811.512.153'42
ББК 81.634.51+81.04

ISBN 978-5-7810-1780-5

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2018.

© Боргоякова Т. Г., Абдина Р. П., Каксин А. Д.,
Покоякова К. А., Чертыкова М. Д., Чугунекова А. Н., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Межсловные и внутрисловные семантические оппозиции в системе эмотивной глагольной лексики в хакасском языке	8
1.1. Семантические оппозиции в лексической системе	8
1.2. Межсловные семантические оппозиции	15
1.2.1. Антонимические отношения лексических единиц	15
1.2.2. Функциональная эквивалентность лексических единиц	16
1.2.3. Многозначность слова	19
1.3. Внутрисловные семантические оппозиции	21
1.4. Антонимические и синонимические оппозиции глаголов со значением эмоции (на примере глаголов со значением смеха и плача)	24
1.5. Лексико-семантическая характеристика лексем, выражающих положительные и отрицательные эмоции (на примере глаголов со значением радости и печали)	32
1.5.1. Глаголы со значением радости в хакасском языке	32
1.5.2. Глаголы со значением печали в хакасском языке	36
Глава II. Оппозитивные особенности традиционного костюма хакасов как проявления этнической и языковой ментальности	45
2.1. Семиотическая оппозиция в контексте традиционного костюма	46
2.2. Лексико-семантическое отражение в оппозиции внешней структуры хакасской традиционной одежды	51
Глава III. Выражение эвиденциальности в разноструктурных языках: внутренние семантические оппозиции	56
3.1. Понятие языковой эвиденциальности	57
3.2. Эвиденциальность в языках разной структуры. Оппозиция «цитирование – приблизительный пересказ»	64
3.3. Оппозиция «очевидность – неочевидность»	69
3.4. Оппозиция «неожиданность действия (свойства) – восхищение якобы неожиданным свойством»	77
3.5. Оппозиция «предположение (по общему мнению) – кажущееся действие»	80
3.6. Оппозиция «результат действия – неожиданное действие»	81
3.7. Оппозиция «обнаружение фактических признаков – констатация по косвенным свидетельствам»	84
3.8. Комбинации эвиденциальных значений (оттенков) в тексте	92
3.9. Историческое развитие эвиденциальных форм в тюркских языках	95
Глава IV. Статическая и динамическая локализация в структуре элементарных простых предложений в хакасском языке	99
4.1. Предикаты статической и динамической пространственной локализации	100
4.2. Статические и динамические типы локализаторов	103

4.3. Статические модели предложений	106
4.3.1. Бытийные модели предложений.....	107
4.3.1.1. Модели существования {Loc _{LOC} N _{Nom} V ^{ex} _{fin} }	108
4.3.1.1.1. Варианты моделей существования	108
4.3.1.2. Количественные модели {Loc _{LOC} N _{Nom} Quant (cop)}	
«Существование некоторого количества объектов в пространстве»	110
4.3.1.2.1. Варианты количественных моделей	111
4.3.1.3. Модели наличия {Loc _{LOC} N _{Nom} пар (cop)}	
«Наличие некоторого субъекта в пространстве»	112
4.3.1.3.1. Варианты моделей наличия	113
4.3.1.4. Модели отсутствия {Loc _{LOC} N _{Nom} чох (cop) / чоҕыл}	
«Отсутствие некоторого субъекта в пространстве»	114
4.3.1.4.1. Варианты моделей отсутствия	114
4.3.1.5. Модель местонахождения {N _{Nom} Loc _{LOC} (пол _{fin})}	
«Местонахождение субъекта в пространстве»	115
4.3.1.5.1. Варианты моделей местонахождения	116
4.4. Динамические модели.....	117
4.4.1. Адлокативные модели движения {NNom NDFDat/Lat V _{дв.} }	
«Направленное движение субъекта в какую-либо определенную точку пространства»	119
4.4.1.1. Варианты моделей движения по направлению к определенной точке пространства.....	120
4.4.2. Делокативные модели движения {NNom NDSabl V _{дв.} }	
«Направленное движение субъекта от/из какого-либо ориентира в пространстве»	123
4.4.2.1. Варианты моделей движения от какого-либо ориентира в пространстве	124
4.4.3. Транслокативные модели движения {N _{Nom} N ^{Trloc} _{Prolat} V _{дв.} }	
«Передвижение субъекта по трассе движения»	126
4.4.3.1. Варианты моделей с семантикой трассы движения	127
4.4.4. Модель преодоления препятствия {N _{Nom} N _{Nom/Acc} V _{дв.} }	
«Преодоление движущимся субъектом какого-либо пространственного объекта»	129
4.4.4.1. Варианты модели преодоления препятствия.....	130
Глава V. Психолингвистическая репрезентация оппозитивности (на материале хакасского, русского и английского языков).....	132
Глава VI. Особенности репрезентации бинарной оппозиции «мужчина/женщина» в хакасском языковом сознании	155
Авторский коллектив.....	176
Библиографический список	177
Приложения.....	190
Приложение 1. Список условных обозначений.....	190
Приложение 2. Список иллюстрационных источников.....	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Репрезентация оппозитивности в хакасском языке» содержит попытку многоаспектного исследования выражения противопоставления в хакасском языке. Несомненным импульсом для ее подготовки послужили актуальные положения современной когнитивной лингвистики о различиях в категоризации и концептуализации мира, отраженных в естественных языках под воздействием разных исторических, политических, климатических, культурных и иных факторов, об универсальности знаковых комплексов, с помощью которых конструируется и классифицируется мир человеком [Кубрякова 2012, Цивьян 2009], а также о важности сопоставительно-языковых исследований, позволяющих выйти на новый уровень в понимании базовых ценностей культур и роли бинарных оппозиций в языке и когниции в целом [Вежбицкая 2001, Carita et al, 2009, 2016].

Цель данной книги – показать, как в хакасском языке отражается бинарность и как это отражение влияет на формирование представлений о человеке и мире. Книга не претендует на полноту раскрытия заявленной темы, открывая перспективы дальнейших исследований хакасской лингвокультуры в данном актуальном направлении. В работе рассматриваются способы и средства семантизации оппозитивности, принадлежащие разным уровням языка. Они представлены как в парадигматическом, так и в синтагматическом измерении с привлечением лексикографических дефиниций, метафорических номинаций, примеров из художественного и фольклорного дискурса хакасского и других языков.

Система бинарных оппозиций в хакасском языке рассмотрена в связи с кодированием и структуриацией пространства, времени, эвиденциальности, социальной организации и гендерных аспектов в ее языковой и ассоциативно-вербальной репрезентации.

В разделе «Межсловные и внутрисловные семантические оппозиции в системе эмотивной глагольной лексики в хакасском языке» предложен семантико-когнитивный и дистрибутивный анализ глаголов со значениями печали и радости, смеха и плача с учётом их синтагматической реализации. Выявлено также наиболее устойчивое представление категории противоположности в рамках функциональной эквивалентности, многозначности слов и лексической антонимии.

Во второй главе рассматривается языковая интерпретация оппозитивных особенностей национального костюма в традиционной культуре хакасов. Мировоззренческие маркеры выявлены в двух семиотических оппозициях, противопоставляющих мир умерших в мир живых людей: *устунсархы – алтынсархы* (верхний – нижний), *пүдін – талалых*, (целый – порванный). Костюмная терминология в хакасском языке представлена также в визуальных и социальных оппозитивных парах, характеризующих длину и цвет одежды, а также социальную дифференциацию по категориям богатства/бедности и гендерной принадлежности.

В разделе «Выражение эвиденциальности в разноструктурных языках: внутренние семантические оппозиции» рассматриваются значения, выражающие указание на источник сведений относительно сообщаемой ситуации, на материале хакасского, русского и хантыйского языков. Эвиденциальные системы указанных языков представляют три основных типа репрезентации соответствующей категории. Формальные (грамматические, лексические, интонационные) средства хакасского, русского, хантыйского языков в разной степени задействованы для выражения эвиденциальных значений, внутренне членимых на оппозитивные пары. С помощью различных языковых средств выражаются семантически противопоставленные коннотации: цитирование – приблизительный пересказ, очевидность – неочевидность, неожиданное действие – восхищение якобы неожиданным свойством и др.

В четвертой главе монографии характеризуются структура и семантика оппозитивных пространственных моделей элементарных простых предложений статической и динамической локализации в хакасском языке. Основу рассматриваемых моделей составляют пропозиции, репрезентирующие существование, местонахождение и движение субъекта в пространстве. Категории существования и местонахождения выделяются в статических моделях, в то время как движение в определенном направлении (от/из исходной точки, к определенной точке, через препятствие) – в динамических.

В пятой главе монографии рассматриваются универсалии и особенности концептуализации контрастивного мышления и его отражения в ядре языкового сознания представителей трех разных лингвокультур – хакасской, русской и английской – с привлечением данных современных ассоциативных полей. Анализ количественных и содержательных параметров ассоциативной оппозитивности в ядре трех языковых сознаний выявляет общую направленность вектора оппозитивной категоризации на семантические универсалии, отражающие антропоцентричность восприятия образа мира, и разницу в «весовой» значимости и количестве оппозитивных пар.

Шестая глава монографии посвящена анализу ассоциативных полей компонентов универсальной бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в хакасском языковом сознании с привлечением контрастивного материала русского и английского языков. Динамика репрезентации образов мужчины и женщины в языковом сознании исследована на примере ассоциативных полей (АП), сформированных в разные периоды: АП-1 (2002) и тезаурус (1972) и АП-2 (2009–2013 гг.).

Авторы глав и разделов книги:

Т. Г. Боргоякова – Предисловие, Психолингвистическая репрезентация оппозитивности (на материале хакасского, русского и английского языков);

М. Д. Чертыкова – Межсловные и внутрисловные семантические оппозиции в системе эмотивной глагольной лексики в хакасском языке;

Р. П. Абдина – Лексико-семантическая и семиотическая репрезентация оппозитивности в традиционной одежде хакасов;

А. Д. Каксин – Выражение эвиденциальности в хакасском языке: внутренние семантические оппозиции;

А. Н. Чугунекова – Статическая и динамическая локализация в структуре элементарных простых предложений в хакасском языке;

К. А. Покоякова – Особенности репрезентации бинарной оппозиции «мужчина/женщина» в хакасском языковом сознании.

ГЛАВА I. МЕЖСЛОВНЫЕ И ВНУТРИСЛОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ЭМОТИВНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Семантические оппозиции в лексической системе

Изучение семантических оппозиций (противопоставлений) является одной из важных проблем внутренней структуры и закономерностей семантических процессов на различных уровнях значения лексических единиц. Термин «оппозиция» мы понимаем как противопоставленные взаимоотношения любых двух языковых явлений. Вместе с тем, лексические единицы, входящие в оппозицию, должны содержать в своем значении помимо общих признаков и отличительные признаки, которые являются основаниями для сравнения. Л. А. Новиков использует термин «оппозиции значений» применительно к явлениям антонимии как синоним термина «противоположность» [Новиков 2001: 126]. Ю. Н. Караулов выделяет четыре типа таких оппозиций: нулевая оппозиция (отношения тождества), привативная оппозиция (отношения строгого включения), эквивалентная оппозиция (отношения пересечения множеств), дизъюнктивная оппозиция (отношения при отсутствии у множеств общих элементов) [Караулов 1976: 106]. Из перечисленных словесных семантических оппозиций наиболее важными для лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) являются привативные. Они конструируют структуру группы и придают ей иерархический характер [Попова, Стернин 1984: 62], «так как все элементы группы – слова – привативно связаны с базовыми, опорными словами» [Кузнецова 1982: 76].

Системность языка проявляется в совокупности элементов, связанных внутренними семантическими отношениями, которые равносильны отношениям, существующим между явлениями действительности. Словарный состав любого языка представляется как система лексических единиц, в рамках которых исследуются различные аспекты лексических единиц в их взаимосвязи, как части единого целого. В лингвистике известны разные виды лексических объединений: семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа, синонимический ряд и другие, внутри которых лексемы вступают в парадигматические отношения, т. е. они могут быть связаны прямыми оппозициями, а могут соотноситься

ся только ассоциативно. В парадигматические отношения могут вступать отдельные группировки слов в системе языка, «основой которых выступает оппозиция, – синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов – поле» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 438].

На современном этапе развития языкознания представления о том, как человек в своем языке классифицирует, оформляет в виде категорий окружающую действительность, существенно изменились. Основная идея такова: и сам окружающий человека мир не хаотичен, он определенным образом структурирован, соответственно – восприятие и отражение человеком действительности носит упорядоченный характер [Моисеева 2005: 78]. Одним из элементов культуры и наиболее ярких человеческих факторов, эксплицируемых в языке, являются эмоции, которые, как считают психологи, составляют ядро личности. Каждый человек, как носитель конкретного языка, вступает в различные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающей действительности. При этом он может испытывать различные эмоциональные переживания. С семантической и морфологической точек зрения наиболее сложной частью дискурсивной семантики и центром предложения является глагольное выражение данного явления. Семантическая структура глагола более емкая и гибкая, чем все другие грамматические категории. Глагольная лексика, как системная группировка языка, в последнее время привлекает внимание исследователей во всех разноструктурных языках, поскольку они более структурированы, что делает их «благоприятным материалом» для изучения их системных отношений в лексике. «Исследование глагольных лексико-семантических групп оказывается важным не только с чисто лексикологической точки зрения. Многие явления грамматики глагола, его словообразования невозможно убедительно объяснить без обращения к типовой лексической семантике, которая воплощена в базовых единицах отдельных лексико-семантических групп» [Кузнецова 1989: 13].

Глагольные ЛСГ в разных языках имеют схожую структуру, что подчеркивает универсальность человеческого восприятия, эмоций и мышления. Однако нет абсолютной и четкой системности в их построении, объеме и конфигурации, что объясняется тем, что, являясь незамкнутой, подвижной системой, лексика в полной мере отражает обусловленность языковой структуры человеческим фактором. Трудность построения внутренней структуры в том, что у лексических единиц очень много свойств, которые переплетаются, поэтому четко и однозначно упорядочить единицы довольно сложно. Большинство классификаций ЛСГ в исследовательских работах сопровождается особыми оговорками, примечаниями и т. п.

Вопрос о том, какие единицы находятся в ядерной части ЛСГ глаголов эмоции, а какие на периферии, разными исследователями решается по-разному. Хакасская глагольная лексика (к ней мы относим собственно глаголы, глагольные фразеосочетания и идиомы), в значении которой закреплены основные характеристики процесса эмоциональной деятельности, расположена в центральной (ядерной) части ЛСГ [более подробно см.: Чертыкова 2015]. Это глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой, обозначающие базовые эмоции: **хын-** ‘любить’, **хорых-** ‘бояться’, **брін-** ‘радоваться’, **пу харахтаң кӱрбе-** ‘ненавидеть’ и др. Содержательная природа таких слов, закрепленная в лексической семантике, соответствует их семантико-синтаксической функции в речи. Малоупотребительные глаголы (**чархан-** ‘тяготиться чем-л.’, **чидік-** употр. чаще в отриц. форме – ‘быть в нетерпении’ и др.), а также глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных лексико-семантических вариантах (ЛСВ) (**хырт хылын-** букв. ‘вести себя раздраженно, относиться к кому-л. с раздражением, недолюбливать’, **сағын-** в ЛСВ ‘хотеть’), оказываются на периферии.

Как и всякая системная группировка ЛСГ глаголов эмоции имеет иерархическую структуру, построенную по принципу градации (уточнения) категориально-лексической семы, которая определяется, в первую очередь, характером значений составляющих их единиц. Глаголы эмоции объединяются в одну ЛСГ на основе общности лексико-категориальной семы «чувствовать» или же «испытывать, переживать какое-либо чувство или эмоцию», составляющей семантическую основу группы и уточняющейся в каждом отдельном слове с помощью дифференциальных сем. Полным выразителем этой семы является базовый, ведущий глагол – идентификатор с наиболее общим отвлеченным значением, который находится во главе группы, остальные члены группы составляют привативные оппозиции по отношению к базовому слову. Если, например, в русском языке таким базовым словом – идентификатором ЛСГ глаголов эмоции – является малосодержательный глагол *чувствовать*, с которым привативно связаны более содержательные, не уступающие ему по частотности глаголы эмоции. Объединившись вокруг глагола *чувствовать*, по сути – идентификатора, другие базовые глаголы со значением эмоции составляют ядро лексико-семантической группы. Это такие глаголы, как *радоваться, злиться, веселиться, печалиться* и т. д. Также специфика русского языка позволяет обозначать эмоцию глагольно-именным образованием вроде *чувствовать радость, чувствовать раздражение, чувствовать тоску* и т. д. Однако иную картину мы видим в хакасском языке, как, впрочем, и в других тюркских языках. Здесь специфичной особенностью ЛСГ глаголов эмоции является отсутствие идентификатора, поэтому на ее вершине представлены наиболее частотные глаголы – вы-

разители базовых эмоций радости и печали, любви и ненависти, раздражения и т. д., о которых речь пойдет в нижеследующих тезисах. По семантическому признаку «форма эмоционального явления» мы вслед за Л. М. Васильевым [Васильев 1981: 97] все глаголы распределили по трем основным подгруппам. Внутри каждого разряда глаголы делятся на несколько подгрупп в соответствии с общностью их инвариантного значения:

1) глаголы эмоционального состояния (настроения) (**пичелен-** ‘печалиться, горевать’, **иреелен-** ‘мучиться’, **кӱблен-** ‘любить кого-л.; испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола’). Эти глаголы обладают ядерной семемой «находиться в каком-либо эмоциональном состоянии» и обозначают процессы, при которых переживаются те или иные продолжительные чувства, вызванные реакцией субъекта на какие-либо эмоциональные раздражители. Т. П. Болотина считает, что от близких к ним глаголов эмоционального переживания они отличаются главным образом тем, что их семантическая структура и синтаксические свойства указывают, прежде всего, на определенное эмоциональное состояние, оставляя как бы в тени переживаемые при этом состоянии чувства [Болотина 2012: 23]. Л. М. Васильев глаголы, обозначающие разнообразные эмоциональные состояния, включает в одну подгруппу с глаголами, выражающими внешнее их проявление;

2) глаголы эмоционального переживания с ядерной семемой «испытывать, переживать какое-либо чувство»: **ӱрӱн-** ‘радоваться’, **хорых-** ‘бояться’, **морсын-** ‘восхищаться’, **ӱкпелен-** ‘гневаться, сердиться, горячиться, негодовать’, **кӱӱнӱне кӱр-** ‘нравиться’ и др. Глаголы эмоционального переживания очень близки по своим семантическим и по формальным признакам к предшествующей подгруппе. Вслед за Т. П. Болотиной мы выделяем следующие признаки глаголов эмоционального переживания, отличающие их от глаголов эмоционального состояния:

а) глаголы эмоционального переживания обычно не содержат в своей семантике указаний на состояние и его выражение;

б) глаголы эмоционального переживания не являются, как правило, членами оппозиций по семам бытийности (становления);

в) глаголы эмоционального переживания в большинстве своем требуют объектных позиций, глаголы эмоционального состояния лишь допускают их при себе [Болотина 2012: 23];

3) глаголы эмоционального отношения: **сағын-** в ЛСВ ‘скупать’, **хын-** в ЛСВ ‘любить’, **кӱблен-** ‘влюбляться’, **пу харахтаң кӱрбе-** ‘ненавидеть’, **айа-** ‘жалеть’ и т. д. Глаголы эмоционального отношения не однородны по своему характеру, одни из них (например, **хын-** в ЛСВ ‘любить’, **пу харахтаң кӱрбе-** ‘ненавидеть’ и т. д.) выражают преимущественно переживание какого-либо чувства, вызванного отношением

к кому-, чему-либо. Рассматриваемые глаголы по значениям перекрещиваются с глаголами эмоционального переживания и состояния. Инвариантное значение глаголов данной подгруппы – «чувствовать, испытывать какие-либо эмоции в отношении кого-, чего-либо». Эти глаголы можно разделить на две подгруппы:

а) глаголы, выражающие позитивные отношения: **хын-** ‘1) любить; 2) испытывать сердечные чувства к кому-, чему-л.’; **ачын-** ‘1) жалеть; 2) щадить; 3) испытывать нежные сердечные чувства’;

б) глаголы, выражающие негативное отношение: **хазырлан-** ‘свирепеть, злиться на кого-л.’; **хыргыстан-** ‘раздражаться’ и др.;

4) внешнее (физическое) проявление эмоций: **хатхыр-** ‘смеяться (громко), хохотать’, **охсан-** ‘целовать’, **мөңсире-** ‘унывать, быть грустным’, **ылға-** ‘плакать’, **сыгыдын-** ‘тихо, беззвучно плакать’ и т. д. В связи с тем, что семантика этих глаголов осложнена выражением накладывающихся друг на друга процессов, некоторые авторы [напр., Усманова 2002] относят их к глаголам звучания, а также к классу номинаций физиологических реакций или состояний. Сложность семантики этих слов создается сочетанием двух равноправных категориально-лексических сем. «В предикате могут быть так тесно объединены указания на психическую и физическую реакции человека, а физическая реакция оказывается столь комплексной, что создаются лексикографические трудности, связанные с выбором родового понятия» [Иорданская 1972: 23]. Мы склоняемся к выделению этих глаголов в категорию эмотивной лексики, так как считаем, что первичное эмоциональное значение в их семантике коммуникативно весомее. «А семантика глаголов со значением эмоции включает позицию причины (стимула) эмоционального переживания, что дает возможность проследить связь между человеком (или живым существом) и окружающей его действительностью, реакцию субъекта на определенные стимуляторы» [Чертыкова 2016: 6].

Как уже отмечалось, внутренняя структура ЛСГ глаголов имеет сложную организацию и включает в себя следующие парадигматические группировки более низкого разряда – подгруппы, микрогруппы, синонимические ряды. В начальной ступени семантической классификации глаголы эмоции хакасского языка делятся на три тематические категории:

а) глаголы, выражающие *положительные* эмоции (**хын-** ‘любить’, **өрин-** ‘радоваться’, **хатхыр-** ‘смеяться’ и т. д.);

б) глаголы, выражающие *отрицательные* эмоции (**хорых-** ‘бояться’, **тарын-** ‘сердиться’, **пу харахтаң көрбе-** ‘ненавидеть’ и т. д.);

в) глаголы, выражающие *полярные* эмоции: **хайха-**, **чапсы-** ‘удивляться’, **үрүк-** в ЛСВ ‘удивляться, поражаться’. Особенность выражения таких эмоций заключается в том, что их источником могут быть как от-

рицательные, так и положительные объекты: удивляться можно при виде и хорошего, и плохого [Чертыкова 2015].

Далее структура ЛСГ глаголов эмоции представляет веерный тип организации, когда на одной ступени конкретизации расположены семантические объединения, называемые подгруппами (подпарадигмами), которые, помимо указания на общую категориальную сему всей ЛСГ, включают в свою семную структуру еще и инвариантную сему всей группы. Наиболее многочисленными подгруппами являются подгруппы глаголов, выражающих такие базовые эмоции, как злость, радость, печаль, раздражение, любовь и т. д. Выразителем общей инвариантной семы подгруппы является базовый глагол или реже – базовое глагольно-именное сочетание, представляющее собой ее системообразующее качество, которое «сообщает» «семантическую тему» всей парадигме. А. М. Кузнецов называет основные признаки, характерные для базовых лексем, перспективных для выявления большого лексико-семантического поля: 1) центральные слова просты по своему морфемному составу; 2) они обладают широкой сочетаемостью; 3) обладают психологической важностью для носителя языка; 4) не должны быть недавними заимствованиями; 5) значение лексемы не может быть уже какого-либо другого слова группы [Кузнецов 1980: 77]. Например, подгруппа глаголов со значением злости с доминантой **тарын-** в ЛСВ ‘сердиться’ находится на четвертой ступени конкретизации структуры ЛСГ глаголов эмоции. Все эти глаголы на этой ступени обладают общим категориально-лексическим значением «испытывать какие-либо отрицательные эмоции» и инвариантным значением «испытывать, проявлять чувство гнева, неудовлетворения», которые далее дифференцируются на общие значения синонимических рядов. Подобная многоступенчатость парадигматических отношений, реализующаяся в гипонимических связях глаголов, пронизывает всю лексическую систему и является основным принципом организации ЛСГ.

Далее пятую ступень в ЛСГ глаголов занимают синонимические ряды. В качестве основополагающих видов отношений, связывающих элементы одной ЛСГ, являются такие отношения, как включенность, подчинение, синонимия, гиперонимия, антонимия.

Следует отметить, что границы между подгруппами подвижны так же, как и между ЛСГ. Один и тот же глагол может входить в две или более подгрупп в силу специфики семантических особенностей или по наличию в его значении дифференциальной семы. Например, глагол **ўрўк-** в ЛСВ ‘сильно напугаться’ состоит в подгруппе глаголов страха, а в ЛСВ ‘удивляться, поражаться’ – в подгруппе глаголов удивления. Глагол **ачын-** ‘жалеть; щадить; испытывать нежные сердечные чувства’: если описывается конкретная ситуация, то данный глагол является глаголом эмоционального переживания, а если же он обозначает постоянный ха-

рактёр действия, то выражает эмоциональное состояние. Глагол **уйат** – ‘стыдиться’. *Оолах, ўргенизин тоозын, мундир кизибискенде, ичезинең хада чўрерге уйадын пастабысхан* (Ксо, 6) ‘Мальчик, закончив учебу, надел мундир, и тогда он стал стыдиться появляться на людях с матерью’. В данном предложении глагол **уйат** – ‘стыдиться’ в сочетании с вспомогательным глаголом **паста-** ‘начинать’ – обозначен оттенком «постоянно», в силу чего он относится к глаголам эмоционального состояния. *Алыгбын мин. Оприс, сым полба, хырыс мині, сѳкле, уйаттыр* (П, 132) ‘Дурак я. Оприс, только не молчи, ругай меня, оскорбляй, заставляй стыдиться’. В данном случае наблюдаем функционирование глагола **уйат** – ‘стыдиться’ в качестве глагола эмоционального переживания.

ЛСГ рассматриваемых глаголов может соприкасаться на уровне полисемии с ЛСГ глаголов речи, поведения, глаголами интеллектуальной деятельности и др. В целом иерархическую структуру ЛСГ глаголов со значением эмоции можно отразить таким образом:

- 1) идентификатор (отсутствует);
- 2) микрогруппы глаголов со значением положительной, отрицательной и нейтральной эмоции;
- 3) семантические подгруппы внутри каждой микрогруппы;
- 4) синонимические ряды внутри каждой подгруппы;
- 5) глагол со значением эмоции.

Таким образом, выявление семантических оппозиций (противопоставлений) является одним из аспектов изучения внутренней структуры и закономерностей семантических процессов на различных уровнях значения глагольных единиц. Под *семантической оппозицией* мы понимаем противопоставленные взаимоотношения двух языковых явлений или же внутрисловных дифференциальных признаков. Противопоставление лексических единиц, состоящих в семантической оппозиции, подразумевает наличие в их значениях не только общих, но и отличительных признаков, которые являются основаниями для их сравнения, таким образом противопоставляются, в первую очередь, антонимы. Ю. Н. Караулов выделяет четыре типа таких оппозиций: нулевая оппозиция (отношения тождества), привативная оппозиция (отношения строгого включения), эквивалентная оппозиция (отношения пересечения множеств), дизъюнктивная оппозиция (отношения при отсутствии у множеств общих элементов) [Караулов 1976: 106]. Из перечисленных словесных семантических оппозиций мы, вслед за З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, считаем наиболее важными для глагольных лексико-семантических групп (ЛСГ) привативные оппозиции, поскольку «они конструируют структуру группы и придают ей иерархический характер» [Попова, Стернин 1984: 62]. Как отмечает Э. В. Кузнецова, «все элементы группы – слова – привативно связаны с базовыми, опорными словами» [Кузнецова 1982: 76].

1.2. Межсловные семантические оппозиции

1.2.1. Антонимические отношения лексических единиц

Межсловные семантические оппозиции проявляются, прежде всего, в антонимических отношениях. Антонимы – семантически соотносительные слова, противопоставленные «по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку» [Шмелев 1977: 202]. Классическое определение антонимов гласит, что это слова одной части речи, разные по звучанию и написанию, противопоставленные друг другу по наиболее существенному для их значения смысловому признаку. При изучении смысловых связей глаголов в сфере ЛСГ также приходится рассматривать антонимические отношения глаголов, например, в ЛСГ глаголов говорения можно выделить такие антонимы на уровне базовых глаголов (доминант) антонимических рядов: **сыбыхта**- ‘шептать’ – **хысхыр**- ‘кричать’, **махта**- ‘хвалить’ – **хомайла**- ‘хаять’ и т. д.; в ЛСГ глаголов движения – **сых**- ‘подниматься’ – **түс**- ‘спускаться’, **чызынахта**- ‘ползать’ – **чүгүр**- ‘бежать’ и т. д. В рамках ЛСГ глаголов эмоции в антонимических отношениях находятся глаголы, выражающие протинаправленность эмоциональных действий и состояний. Например, антонимами являются отдельные лексемы (**өрін**- ‘радоваться’ = **пичеллен**- ‘печалиться’, **махта**- ‘хвалить’ = **хырыс**- ‘ругать’, **хатхыр**- ‘смеяться’ = **ылга**- ‘плакать»), **хорых**- ‘бояться’ = **махачылан**- ‘храбриться’ и др.). Следует также отметить, что антонимы обладают общей категориальной семой, объединяющей эти слова, и специфическими семами, которые противопоставляют их друг другу. Например, глаголы **хатхыр**- ‘смеяться’ – **ылга**- ‘плакать’ объединены общей семой «проявлять какие-л. эмоции», но противопоставлены друг другу свойственными для каждого семами: «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции».

В отношениях антонимии могут находиться отдельно взятые семантические подгруппы (глаголы смеха = глаголы плача, глаголы радости = глаголы печали и др.). Также семантически могут противопоставляться целые антонимические ряды. Явление антонимии так же, как и явление синонимии, тесно связано с многозначностью слова. В разных значениях одно и то же слово может иметь разные антонимы.

В лексикологии принято рассматривать антонимию так же, как и синонимию, как крайние, предельные случаи, с одной стороны, взаимозаменяемости, с другой – противопоставленности слов по содержанию. Если для синонимических отношений характерно семантическое сходство, то для антонимических – семантическое различие.

Подобные оппозиции проявляются во взаимоотношениях лексических единиц, выражающих категорию противоположностей ядерных или периферийных сем. В отношениях семантической оппозиции состоят как отдельные глаголы (**örin-** ‘радоваться’ = **пичелен-** ‘печалиться’, **хатхыр-** ‘смеяться’ = **ылга-** ‘плакать’ и др.), так и семантические подгруппы и синонимические ряды глаголов, например, глаголов со значениями любви (базовый глагол **хын-** ‘любить’) и ненависти (базовое фразеосочетание **пу харахтаң көрбе-** ‘ненавидеть; букв. этими глазами не видеть’). Следует отметить, что отношения антонимии в ЛСГ глаголов эмоции развиты лишь постольку, поскольку позволяют качественные характеристики выражаемых эмоций. Явление антонимии, как и явление синонимии, тесно связано с многозначностью слова. В разных значениях одно и то же слово имеет разные антонимы. «Анализ антонимических корреляций с точки зрения характера противопоставления антонимов, антонимической парадигмы многозначного слова и особенностей построения антонимических рядов позволяет выявить сходства в структурном построении данного вида корреляций и отличий, в основе которых лежат различия в семантике лексических единиц сопоставляемых языков» [Обвинцева 2010: 20]. В силу тесной связи с внеязыковыми реалиями (в частности, с устоявшимися представлениями о характере того или иного действия, процесса, состояния) все вышеуказанные лексико-семантические объединения являются открытыми образованиями лексической системы и поэтому существенно отличаются от систем других языковых уровней (фонологического, морфологического).

1.2.2. Функциональная эквивалентность лексических единиц

Межсловные семантические оппозиции присутствуют также в одном из видов вариантных отношений слов – функциональной эквивалентности. Под функциональной эквивалентностью (или синонимией в широком смысле слова) обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [Кузнецова 1989: 123]. Некоторые исследователи в пользу широкого понимания синонимии отказываются от неоднозначного термина «синоним», предпочитая называть слова, выполняющие в предложении одинаковые функции, функциональными эквивалентами. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами.

«В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными» [Кузнецова, Боровикова 1989: 113]. Понятое таким образом явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование в предложении слова – синтагмы. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования. Например, для глагола **чохсын-** ‘1) чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-л., чего-л.’; **паламны чохсынчам** ‘чувствовать отсутствие своего ребенка; 2) чувствовать потерю кого-л., чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-л., о чем-л.’; *характерно наличие вторичного значения* ‘тосковать о ком-л., о чем-л.’. В хакасском языке нет отдельного глагола, репрезентирующего значение ‘скучать, тосковать’. Но в контекстах это значение вполне могут реализовать (и взаимозаменяться) глаголы **чохсын-** и **сағын-** в своих вторичных ЛСВ ‘скучать’, ‘тосковать’, однако имеет место разница их падежного управления: глагол **чохсын-** требует в качестве объекта имени в вин. п., а глагол **сағын-** в дат.п. Например, *Арокка паза Хыспинчаа удаа сағынадырбын (Арокты паза Хыспинчаны чохсынадырбын), олар минің харындастарым ноза* (Тко, 21) ‘Я часто скучаю по Ароку и Хыспинче, они же мои братья’. *Мин айланганча, алган чахсым, чахсы чуртап чөрчет, магаа сағынма (мині чохсынма)* (Хчк, 20) ‘До моего возвращения, моя суженая, живи хорошо, не скучай по мне’. *Ол чиріме хайда-хайдар сағын парчам теең* (Хч, 4) ‘Он сказал, мол, сильно скучает по своей родине’. В последнем предложении взаимозамена данных глаголов невозможна, поскольку глагол **чохсын-** в роли объекта предполагает только одушевленное имя.

Таковыми взаимозаменяющимися вариантами слов могут быть и родо-видовые оппозиции, например, между идентификатором и одним из членов ЛСГ, обычно периферийной ее части. Такие члены предложения выполняют одну и ту же функцию взаимозаменяемости. В структуре ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке возможны отношения функциональной эквивалентности в родо-видовых связях между доминантой семантической подгруппы и одним из ее членов. Например, между глаголами – представителями разных семантических подгрупп в ЛСГ глаголов эмоции: **хомзын-** ‘переживать, печалиться’ – **түген-** ‘1) кончаться, иссякать, истощаться; 2) *перен.* ‘страдать, скорбеть’, **паарса-** ‘относиться доброжелательно к кому-л.’ – **паар хайыл-** ‘жалеть’, **хатхыр-** ‘смеяться’ – **кідіре-** ‘смеяться раскатисто, гоготать’; **ылға-** ‘плакать» – **сүркүңне-** ‘всхлипывать»; **хыргыстан-** ‘1) раздражаться; 2) злиться’, и **пу харахтаң көрбе-**

‘ненавидеть’ или **тарын-** ‘сердиться’ и т. д. Примеры: *Андаг оох-теек нимее хомзынмачаң (түгөнмечең), харындас!* (П, 192) ‘Из-за таких мелочей не стоит страдать, брат!’ *Көрзең чахсы! Нёёс таныбадың – хатхырча (кідірепче) ол ‘Смотри-ка хорошенько! Неужели не узнал?’ Хайран санычы, ол хапха түңдере чадып, чоо ылгаан (сүркүңнеен)* (У, 17) ‘Бедный учетчик, упав лицом вниз на мешок, так сильно плакал (всхлипывал)’. *Пегас теен атха хулахтарын саңай тундыра тептірген Нашиванов осхас «пасчатхан күлүктөр» аны ну харахнаң көрбинчелер (хыртыстанчалар)* (Хч, 9) ‘Такие «пишущие молодцы», как Нашиванов, которого конь Пегас пнул так, что он оглох, его ненавидят’. *Пу сөстөр үчүн Күдет агаа хыртыстанган (тарынган), аннаңар пір дее ниме тапсабаан* (Птн, 36) ‘За эти слова Кудет на него злился, поэтому ничего не ответил’.

В этих предложениях при замене глаголов, как функциональных эквивалентов, общий смысл сохраняется. Однако глаголы с дифференцированным значением **кідіре-** ‘смеяться раскатисто, гоготать’, **сүркүңне-** ‘всхлипывать’, **хыртыстан-** ‘1) раздражаться; 2) злиться’ привносят в семантику предложения специфический оттенок. Поскольку функциональные эквиваленты выполняют одну и ту же функцию в предложениях, для них характерна однотипная сочетаемость. Но могут быть и исключения из правил, как, например, в последнем предложении, падежные управления глаголов **хыртыстан-** ‘1) раздражаться; 2) злиться’, и **пу харахтаң көрбе-** ‘ненавидеть’ не совпадают: раздражаться, злиться + на кого, ненавидеть + кого. Нейтрализация семантических различий базового глагола и глагола со специализированным значением происходит двумя путями, во-первых, в контексте у базового глагола может возникнуть дополнительный семантический признак, часто поддержанный соответствующими конкретизаторами; во-вторых, в контексте у маркированного глагола может стереться различительный семантический признак.

Э. В. Кузнецова отмечает, что нейтрализация их семантических различий осуществляется через посредство строго определенных контекстных позиций двумя путями:

- 1) путем возникновения дополнительного семантического признака у базового глагола, когда его обобщенное значение конкретизируется в контексте...;
- 2) путем исчезновения, погашения различительного семантического признака у маркированного глагола, когда его конкретное значение обобщается благодаря отсутствию в контексте семантических оппозиций, поддерживающих данный семантический признак глагола.... [Кузнецова, Боровикова 1989: 113].

Мы согласны с положением Э. В. Кузнецовой о сходстве функциональной эквивалентности слов с многозначностью, поскольку оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются только на

уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и синонимии неодинаковы, даже противоположны. «При семантическом варьировании слова контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. При функциональной эквивалентности, напротив, контекст должен быть одинаковым. Сходство контекста снимает частично формальное несходство лексем, выполняющих одну и ту же функцию» [Кузнецова 1982: 123-124].

1.2.3. Многозначность слова

В своей статье «О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов» Э. В. Кузнецова более детально описывает соотношение этих двух видов вариантных отношений слов: многозначности и функциональной эквивалентности. «При многозначности инвариантным, неизменным является форма слова, а варьируется его значение. При функциональной эквивалентности инвариантом является семантическая функция слова в предложении, а вариантами – чередующиеся слова – синонимы» [Кузнецова 1978: 100]. Например, многозначный глагол **кӧр** имеет следующие ЛСВ: 1) ‘видеть’ – *Мин ол малларны иртен чазыда кӧргем* ‘Я этих коров видел утром в поле’; 2) ‘решать’ – *Позың кӧр, ну киректе хайди поларзың* ‘Сам решай, как ты будешь выкручиваться в данной ситуации’; 3) ‘присматривать, ухаживать за кем-л.’ – *Кирі пабамны кӧрчем* ‘Ухаживаю за пожилым отцом’; 4) ‘испытывать, переносить, переживать’ – *Улуг кизи чуртаста чахсыны даа, хомайны даа кӧрген* ‘Старый человек в жизни видел и хорошее, и плохое’; 5) ‘считать, иметь какое-л. мнение’ – *Пу статьяны син хайди кӧрчезиң, хайди пазыльтыр?* ‘Как ты смотришь на эту статью, как она написана?’; 6) в качестве вспомогательного глагола обозначает ‘пробовать’ – *Ол, үр агырган соонда, тӧзектең турып алып, пастагы хаалаглар ит кӧрген* ‘После долгой болезни он, встав с кровати, пробовал делать первые шаги’.

Как видим, совокупность всех перечисленных ЛСВ представлена в одной семантической структуре глагола **кӧр**, основным, первичным значением которого является «смотреть». Каждое значение данного глагола варьируется в отдельном контексте. За счет этих своих значений глагол **кӧр** обладает подвижностью, которая и обеспечивает словам достаточную функциональную гибкость в составе предложения.

Как известно, многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, приобретает значение другого предмета или явления.

вительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Причины возникновения многозначных слов находим в объяснениях известных ученых. «Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество самостоятельных языковых единиц для их отображения средствами языка. Следует отметить и то, что количество звуковых комбинаций, которые может воспроизвести речевой аппарат человека, также ограничено» [Смирницкий 1998: 156].

В. В. Виноградов пишет: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным различать бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Виноградов 1947: 15].

Многозначное слово имеет несколько равноценных значений, за счет которых оно представляет собой целую микросистему, в которой ЛСВ значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый ЛСВ слова обозначает отдельное понятие, может входить в разные типы значений, в отдельную антонимическую пару, может синонимизироваться с другими словами, иметь различную лексическую сочетаемость и различные словообразовательные возможности. «Лексико-семантический вариант является двусторонним языковым знаком, занимающим промежуточное положение между словом в языке и словом в речи, вычленяемым на пути реализации многозначного слова в речи и состоящим из форматива и фрагмента единого смыслового содержания данного слова, словоупотребления которого создают его лексическое значение, принимающего наряду с формой лексико-семантического варианта участие в формировании многозначного слова» [Яковлюк 2009: 162].

Развитию экспрессивных оттенков в семантике слова способствует и его метафоризация. Метафора является одним из основных средств, с помощью которых создается образность, экспрессивность, оценочность и на основании этого выявляется индивидуально-оценочное отношение субъекта к предмету мысли. Стилистически нейтральные слова, используемые как метафоры, получают яркую экспрессию, например, **орла** – ‘1) реветь (о животных), орать (о людях); 2) громко плакать’; **у́гза** – ‘1) мять, комкать; 2) бить кого-л.’ и т. д. Часто многозначные слова в своем прямом значении являются стилистически нейтральными, однако

в переносном наделяются яркой эмоциональностью. Таким образом, многозначный глагол представляет собой сложную структурную систему, внутри которой его различные ЛСВ соединяются или противопоставляются дифференциальными оттенками. Семантическая структура слова – это совокупность ЛСВ в его значении. «Определить семантическую структуру слова означает, прежде всего, выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения неоднородных смысловых элементов в слове, определить тот дифференциальный признак, по которому один ЛСВ противопоставляется другому, установить какими языковыми средствами осуществляется внутрисловное разграничение семантики слова, а также место и роль каждого значения во всей лексико-семантической системе языка» [Саналова 2007: 36]. При выявлении ЛСВ и дифференциальных оттенков семантики глагола значительную роль играет контекст. Тот или иной ЛСВ глагола определяется в условиях реализации в тексте, тем самым распознаются дифференциальные синтагматические семы – обязательные и факультативные позиции актантов. Реализация ЛСВ одного глагола, связанных типовыми дифференциальными признаками, позволяет также выделить их типовую сочетаемость, т. е. дать определенную характеристику тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте. Тот факт, что между семантикой глагола и его сочетаемостью существует двусторонняя взаимозависимость (т. е. сочетаемостные возможности глагола зависят от его семной структуры), в последние десятилетия сближает интересы лексикологов и синтаксистов.

1.3. Внутрисловные семантические оппозиции

Внутрисловные семантические оппозиции, или энантиосемия, содержатся в семантической структуре одной лексической единицы. В отличие от антонимических структур, где «противопоставление осуществляется, как правило, по ядерным семам, а энантиосемия же допускают противопоставление и по периферийным семам» [Махмутова 2009]. Энантиосемия может присутствовать на разных уровнях языка. И, как правило, такие противопоставления проявляются внутри одной сущности, например, в словообразовательной системе, поскольку могут развиваться под воздействием аффиксов. В данной категории можно выделить внутрисловные семантические оппозиции по длительности/краткости испытываемых субъектом эмоциональных переживаний.

Следует отметить, что термины «чувство» и «эмоция» не равнозначны, а различаются именно по продолжительности испытываемых эмоций. В подгруппе глаголов со значением любви и доброжелательного отношения сему продолжительности испытываемого чувства имплицитно в

своем значении следующие глаголы: **хын-** ‘любить’, **кӧӧлен-** ‘1) любить кого-л.; 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола’; **кӧӧӧне кӧр-** ‘(букв. входит в душу), нравиться’; **чӧрөккө чат-** ‘(букв. ложиться на сердце), нравиться’; **паарса-** ‘1) относиться доброжелательно к кому-л.; 2) относиться хорошо к кому-л.; 3) проявлять хорошее расположение; 4) относиться к кому-л. с вниманием; 5) относиться с нежностью, лаской’.

Глаголы **айа-** ‘1) жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.; 2) жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию; 3) щадить; 4) сожалеть по поводу чего-л.; 5) скупиться, неохотно расходовать; 6) сочувствовать; 7) беречь’; **ачын-** ‘1) жалеть; 2) щадить; 3) испытывать нежные сердечные чувства’; **иркеле-** ‘1) ласкать; 2) нежить; 3) баловать’ характеризуются кратковременностью эмоционального действия.

В зависимости от контекста в одном глаголе данные семы продолжительности или кратковременности действия могут быть привнесены морфологическими способами. Например, глагол **уйат-** ‘стыдиться’ в разных контекстах имеет различные грамматические значения. *Че хакас полчатханынаң пос тӱлінең уйатчатхан кӱзӱлерге сӧстөрӱм читпес* (Хч, 8) ‘Но у меня не хватает слов для тех, кто стесняется своей национальностью и своего языка’. *Ол поэзың сагыстарына саңай уйат парыбысхан* (Хч, 4) ‘Он сильно застенялся из-за своих мыслей’. В первом случае в глаголе *уйатчатхан*, представленном в форме причастия, длительность действия маркирована аффиксом **-чатхан**. Во втором предложении глагол **уйат парыбысхан** выражает кратковременность, мгновенность действия, что обусловлено значением вспомогательного глагола **пар-** и аффикса совершенного вида **-ыбыс-**. Таким образом, внутрисловные семантические отношения являются распространенным явлением в семантической структуре как отдельного глагола, так и представителей отдельных подгрупп и синонимических рядов, например, **айа-** в ЛСВ ‘1) жалеть; 2) щадить (постоянно)’ и **айабыс-** ‘пожалеть, пощадить в определенной ситуации’.

В семантике некоторых глаголов заложена сема постоянства переживаемых чувств. Мы говорим чувств, поскольку термины «чувство» и «эмоция» не равнозначны, а различаются именно по продолжительности испытываемых внутренних переживаний субъекта. Для глаголов и фразеосочетаний со значением любви к лицу противоположного пола: **хын-** в ЛСВ ‘любить кого-л.’, **кӧӧлен-** ‘1) любить кого-л.; 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола’; **кӧӧӧне кӧр-** ‘(букв. входит в душу), нравиться’; **чӧрөккө чат-** ‘нравиться; букв. ложиться на сердце’ характерна сема продолжительности чувства. *Ол сагаа хара кӱчӱгӱдең сығара хынча* (Хч, 167) ‘Он любит тебя с самого детства’. *Алып кӱзі. Андаг ирге ноо даа ипчи хынар* (Хч, 7) ‘Мужчина-богатырь. Такого

любая женщина полюбит'. *Хыс чаксы пилче Курдейнің ипчилиин, нога андагда позы иренге кӧӧленче* (Сс, 9) – 'Красавица-девушка знает, что Курдей женат, тогда почему же любит его'.

К внутрисловным семантическим оппозициям относим также направленность/ненаправленность эмоционального переживания. По данному принципу глаголы со значением эмоции делятся на «направленные на объект» и «ненаправленные на объект» или интенциональные и безынтенциональные: *чиңиске брин-* 'радоваться победе' = *пабам бринче* '[мой] отец радуется?'; *палаа кӱлин-* 'улыбаться ребенку' = *Катя бкерек кӱлинче* 'Катя красиво улыбается' и т. д.

Также существует третья группа глаголов, занимающих промежуточное положение, их большинство. Однако, сразу оговоримся, что круг глаголов, относящихся ко второй группе невелик, например, *мӧнӧсире-* 'унывать, быть грустным», *изӱ чохтан-* '1) чувствовать себя плохо, не по себе; 2) расстраиваться; 3) недомогать; 4) не давать покоя', *ирелен-* в ЛСВ 'испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения' и др. В семантике этих глаголов доминирует сема внутреннего психофизиологического состояния (самочувствия) субъекта.

В синтаксическом окружении глаголов со значением эмоции объектная позиция обязательна. Имена или зависимые придаточные предложения с семантикой причины или каузатора эмоционального переживания в конструкциях присутствуют в различных формальных выражениях: при помощи связки *тӱп*, формы дат. п., послелога *ӱчӱн* 'из-за; за' и т. д. Если целью высказывания является обозначение самого процесса эмоционального переживания, характер его протекания или состояния субъекта, то глагол может обойтись без указания на объект. *Магаа ол кӱлинмеен дее, миннең чоохтаспаан даа* (Д, 36) 'Он мне даже и не улыбался и не разговаривал со мной'. *Рабият Икеновна сӱӱлде ылгабысхан* (Хт, 38) 'Рабият Икеновна заплакала навзрыд'. *Пире ниме кирек полза, син сур тур, уйатпа* (Сс, 187) 'Если что нужно, ты спрашивай, не стесняйся'. В таких предложениях акцентируется внимание, прежде всего, на настроении субъекта. Как отмечает С. Е. Мельникова, существование безынтенциональных и промежуточных групп глаголов чувств обусловлено тем, что к эмоциональной жизни человека относятся не только чувства, но и настроения, аффекты, которые представляют собой эмоциональное самочувствие человека и не направлены специально на какой-то определенный объект [Мельникова 1969: 64].

Рассмотренные здесь семантические оппозиции в семантике хакасских глаголов эмоции являются наиболее устойчивыми, в меньшей мере зависимыми от грамматических процессов.

1.4. Антонимические и синонимические оппозиции глаголов со значением эмоции (на примере глаголов со значением смеха и плача)

В системе глагольных единиц со значением эмоции можно выделить немало подгрупп глаголов, состоящих в бинарной оппозиции. Наиболее актуальными и ключевыми в любой этнической сфере, характеризующей внутренний мир человека, являются оппозитивные глагольные фреймы. В хакасском языке нами выявлены и описаны синонимические ряды глагольных единиц с доминантами **örin-** ‘радоваться’ [Чертыкова 2013а; 2013б] и **пичелен-** ‘печалиться’ [Чертыкова 2005]; **хын-** ‘любить’ [Чертыкова 2013в; 2014а] и **пу харахтаң көрбеске-** [Чертыкова 2014б] и др.

В рамках данного исследования намечаются определение и описание структур эмотивных бинарных оппозиций на примере хакасских глагольных фреймов смеха и плача, выявление особенностей их семантики и функционирования.

Глаголы со значением смеха, как и глаголы со значением плача, по признаку воспроизведения звуков приближены к ЛСГ глаголов звучания. М. Г. Усманова глаголы смеха в башкирском языке относит к ЛСГ глаголов звучания, выделяя их в особую подгруппу глаголов звучания, издаваемых человеком (не связанных с его речью) [Усманова 2002: 32]. Ю. А. Кузнецов лексические единицы русского языка, обозначающие смех, выводит в отдельное лексико-семантическое поле, при этом отмечает, что они находятся на пересечении нескольких семантических группировок – эмоций, звукообозначений, мимики, жестов, межличностных отношений [Кузнецов 2005: 6]. Мы же глаголы смеха и плача включаем в отдельные подгруппы в составе ЛСГ глаголов эмоции. На наш взгляд, смех и плач – это яркие эмоции, проявляющиеся издаванием звуков, свойственных для еще более конкретных проявлений этих эмоций. Отличительная особенность глаголов смеха и плача в том, что они обозначают не пребывание субъекта в каком-либо эмоциональном состоянии (переживании), а внешнее проявление эмоционального состояния (глаголы смеха – положительного, а глаголы плача – отрицательного). Однако, деление эмоций на положительные и отрицательные требует некоторого уточнения, поскольку в некоторых ситуациях негативные эмоции могут быть направлены на хороший, справедливый результат или же такая противоречивая эмоция, как, например, злорадство, от которого сам субъект получает удовольствие, оценивается как негативная. По этому поводу американский психолог К. Э. Изард пишет: «...вспышка гнева может способствовать выживанию индивида или чаще – защите личного достоинства, сохранению личностной целостности, исправлению социальной несправедливости. Полезным для выживания может стать и страх; он, как

и стыд, выступает регулятором агрессивности и служит утверждению социального порядка...» [Изард 1999: 3]. В нашем случае также отмечается выражение глаголами смеха отрицательных эмоций, когда причиной смеха (или улыбки) может быть, например, растерянность, страх, злость и т. д. *Ол, аргызын үдөзип, хомзыныстыг ла кўлимзиреен* ‘Он, провозжая друга, только грустно улыбался’; *Кўлiнче, позы ылганча* (Хх, 50) ‘Улыбається, а сам плачет’; *Ол, хатхырза даа, мин кўргем: аның iстiнде изi чох полган.* (Д, 26) ‘Она, **хоть и улыбалась**, я видел: в душе ей было тяжело’. Также плач может быть вызван положительной эмоцией, например, от радости, восхищения, гордости и т. д. *Кўн тооза чўскiннеп, ибзер айланганда, Ян ёрингенiне ылгамзырабысхан – стол кистiнде харибдең позыдылган пабазы одырчатхан* (Тс, 6) ‘Ян шатался где-то целый день, а когда вернулся домой, **прослезился** от радости – за столом сидел отец, вернувшийся из тюрьмы’.

Ю. Д. Апресян к внешним, физиологическим проявлениям эмоций субъекта относит две основные формы: «а) неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, или на самую эмоцию; ср. поднятие бровей (расширение глаз) в случае удивления, сужение глаз в случае злости и гнева, бледность в случае *страха*, пот в случае *смущения*, покраснение в случае *стыда* и т. п.; б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку; ср. отступление в случае *страха*, наступление в случае *гнева*, восклицания в случае *ликования*, рычания в случае *ярости*» [Апресян 1995: 53]. Рассматривая целую систему эмоций с точки зрения их возникновения, развития и проявления, автор не упоминает о таких проявлениях, как смех и плач, хотя они, на наш взгляд, представляют наиболее актуальную и ярко выраженную подсистему в сфере эмоции. В плане глагольного выражения они также являются одной из наиболее богатых и разнообразных синонимических рядов в любом языке.

С точки зрения физиологии, «...при смехе после вдоха следует не один, а целый ряд продолжающихся иногда долго, коротких спазматических выдыханий при открытой голосовой щели; если голосовые связки приводятся при этом в колебательные движения, то получается громкий, звонкий смех – *хохот*; если же связки остаются в покое, то смех бывает тихим, беззвучным... Что касается мимики при смехе, то она обуславливается сокращением определённых групп лицевых мышц, придающих лицу известное выражение, свойственное смеющемуся человеку. Есть много общего в изменениях дыхания и мимики при смехе и плаче или рыданиях, вследствие чего эти состояния, с внешней стороны, могут быть смешаны между собой, а у детей эти состояния даже легко переходят друг в друга...» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Смех>]. Плач представляет

«ряд видоизмененных дыхательных движений с сопровождающей их особой мимикой и слезотечением. Характерны изменения дыхания – что вслед за вдохом следует не одно выдыхание, а ряд то коротких, то протяжных выдыханий с весьма изменчивым ритмом, то отличным, то напоминающим ритм при смехе; и так как дыхательная щель в течение всего времени бывает открыта и голосовые связки приводятся в характеристичные колебательные движения, то плач, подобно смеху, сопровождается рядом весьма разнообразных голосовых звуков, то протяжных, то отрывочных, свойственных данному акту» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Плач>]. Поскольку с физиологической точки зрения звуки плача и смеха близки, то можно ожидать в лексических микросистемах, описывающих эти явления, значительные сходства и пытаться описывать их вместе.

Ядро подгруппы глаголов смеха представляют наиболее употребительные нейтральные глаголы: **хатхыр-** ‘смеяться (громко), хохотать’ [ХРС 2006: 824], **күлүн-**, который соответствует русскому ‘улыбаться’ [ХРС 2006: 824], семантики которых характерны для всех языков. Производный от корня **күл-** глагол **күлүмзире-** ‘улыбаться слегка, чуть заметно’ является также частотным и обозначает улыбку в своем основном ЛСВ. Однокоренные глаголы **хатхырачна-** ‘посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.’ [ХРС 2006: 824] и **күл-** ‘1) улыбаться, смеяться, усмехаться; 2) высмеивать кого-л., насмехаться над кем-л; позорить кого-л.’ [ХРС 2006: 213] синонимизируются по признаку «подвергать кого-л. насмешкам, издевательствам, насмехаться над кем-л. или чем-л.» и характеризуются негативным отношением к реципиенту. Например, «совершая действие: вербальное устное, письменное (добродушно, дружелюбно, зло и т. д.), кинетическое, субъект хочет, чтоб объект предстал смешным в глазах людей. Субъект также может испытывать от своего действия удовольствие, унижая объект.... Смех... может считаться неуместным, грубым или даже кощунственным» [Сисалиева 2009: 789]. В данном значении **хатхырачна-** и **күл-** актуализируется негативное отношение к объекту насмешки и они находятся на пограничной зоне глаголов смеха и поведения. *Улуг тарыхта даа полза, хан, чалгана, күлген хысха* ‘Царь, умоляя, **улыбался** девушке, хоть и был сильно разгневан’. При реализации этих глаголов в ЛСВ ‘насмехаться’ в контексте обычно процесс направлен на адресата насмешки, выраженного именем в дат. п. Хотя процесс насмешки с этической точки зрения оценивается как отрицательный, но для субъекта (насмехающегося) он является стимулом для его положительной эмоции – удовольствия.

Глаголы **хатхырачна-** и **күл-** во вторичных ЛСВ обозначают улыбку. Глагол **хатхырачна-** образован от корня **хатхыр-** ‘смеяться’ при помощи аффикса **-ачна**, который привносит в его семантику сему «слегка, чуть-чуть». Реализация семы «пытаться улыбаться в неловкой ситуации» гла-

гола **хатхыраңна-** выявляется из актуального смысла предложения. *Ол ниме дее нандырчаан пілбин, хатхыраңнаан* ‘Он, не зная, что и ответить, делал вид, что улыбается’.

Фонетические варианты стилистически окрашенных глаголов **ырсай-** ‘разг., груб. 1) выступать, выдаваться, торчать (напр. о верхних зубах, о нитках при шитье); 2) оскаливать, скалить (зубы); 3) улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться’ [ХРС 2006: 1046], **ырчай-** то же, что и **ырсай-** [ХРС 2006, с. 1047] обозначают смех также во вторичном ЛСВ.

Глаголы **ээрэ-** ‘1) закатываться (смехом, кашлем, слезами); 2) хохотать, смеяться’ [ХРС 2006: 1060] и **талчых-** обозначают высокую степень интенсивности смеха. Словарная статья глагола **талчых-** ‘лишаться чувств, терять сознание’; *ізігдең талчыгарга* ‘а) изнемогать (обессилеть) от жары; б) задохнуться от жары’ [ХРС 2006: 584] не отражает его семантическую связь с процессом смеха, но она обеспечивается за счет наличия дифференциальной семы смеха, выявляющейся в контексте: *Ниме іди талчыхчазың?* ‘Что ты так закатываешься смехом?’ Также контекстуальное значение смеха имеет глагол **чалбай-** ‘1) сплющиваться, делаться плоским; 2) быть широким; 3) перен., разг. широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке’; *Кемге піди чалбайбыстың?* ‘Перед кем это ты расплываешься?’ *Палачах чалбайча* ‘[грудной] ребёнок проявляет радость, улыбаясь’ [ХРС 2006, с. 932]. Признак смеха глаголу **чалбай-** придает его синтагматическая связь с производителем процесса, т. е. одушевленным субъектом. Стилистически нейтральные глаголы **талчых-** и **чалбай-** при реализации в ЛСВ ‘смеяться’ приобретают эмоционально-экспрессивную окраску.

Глаголы **ырчанна-** ‘разг., груб. хихикать, смеяться (*развязно*), смеяться (*по поводу и без повода*)’ [ХРС 2006: 1048], и **кідіре-** ‘смеяться раскатисто, гоготать’ экспрессивны. Глагола **кідіре-** нет в ХРС, есть его каузативная форма **кідірет-** ‘производит раскатистые (дробные) звуки’; *кідіреде хатхырага* ‘раскатисто смеяться’; *кідіреде сегіреге* ‘плясать, выбивая дробь’ [ХРС 2006: 175]. Второй иллюстративный пример выбран неудачно: глагол **кідіре-** больше связан с процессом смеха. Более правильным переводом выражения «плясать, выбивая дробь» на хакасский язык считаем *тычырада сегіреге* (глагол **тычыра-** ‘трещать, потрескивать, хрустеть’; *сынган салаалар тычырап түсче* – ‘сломанные ветки падают с треском’; *одың тычырап койче* – ‘дрова горят, потрескивая’ [ХРС 2006: 710]).

Нами зафиксированы малоупотребительные и отсутствующие в ХРС глаголы **ииде-** ‘закатываться смехом, смеяться беззвучно’, (близкий по значению глаголу **талчых-** в ЛСВ ‘закатываться смехом’) и **кимзей-** ‘слегка улыбаться беззубым ртом’, значения которых выведены из анали-

за нашего материала. Возможно, значение глагола ассоциативно связано с глаголом **кимзій-** ‘выступить вперед (о челюсти)’ [ХРС 2006: 164].

В ХРС обнаружены также глаголы **кізеңне-** ‘чуть-чуть улыбаться’; *кізеңнеп чоохтанарга* ‘говорить улыбаясь (с улыбкой)’ [ХРС 2006:175] и **мызай-** ‘слегка улыбаться (одними губами)’; *ир кізі мызай салган* «мужчина слегка улыбнулся» [ХРС 2006: 260]. Однако, в современном хакасском языке эти глаголы не используются, мы не обнаружили примеров их употребления. Возможно, они вытеснены из речи ныне действующими глаголами со значением улыбки и перешли в разряд архаизмов.

Итак, мы насчитываем всего 16 глаголов смеха. Все они объединяются по общему признаку «издавать смех при переживании чувств радости, веселья, злости, злорадства и др.» и выражают положительные, реже отрицательные, эмоции определенным способом (в виде смеха).

Базовым глаголом в подгруппе глаголов смеха является глагол **хатхыр-** ‘смеяться’. Все глаголы смеха по семе «интенсивность воспроизведения смеха» распределены на три синонимических ряда:

а) смех высокой интенсивности: **ээр-** ‘1) закатываться (смехом, кашлем, слезами), 2) хохотать, смеяться’. *Мойнына читіре хызарып, сымтууххан чоо ээреен Кабрүс* (Кх, 131) ‘Краснея до шеи, Кабрус закатывался смехом украдкой’. – *Палых чирзің ме алай чох па, тимір чох ир ползаң, ипчиң дее хынмас, – тибізіп, чоогына морсынып, Тохчын ээреен* (Пт, 28) ‘– Будешь рыбу есть или нет? Если ты будешь как мужчина без железа, то тебя даже твоя жена не полюбит, – довольный своими словами, захохотал Тохчын’; **талчых-** в ЛСВ ‘закатываться смехом’. *Кабрис, чоогын тоос полбин, чоо талчыхча* ‘Кабрис так закатывается смехом, что не может закончить свой рассказ’. *Пірде піреэзін кистінең хат парган тобырахнаң ызыладыбысчалар, анаң на паарлары көскенче талчыхчалар* (А, 33) ‘Иногда закидают кого-нибудь в спину затвердевшей грязью и закатываются смехом’; **ииде-** ‘закатываться смехом, смеяться беззвучно’. *Катя, иидеп парыбызып, аның көксінзер пазын салча* (Хх, 45) ‘Катя, давясь от смеха, кладет [свою] голову ему на плечо’.

Доминанта синонимического ряда – глагол **ээр-**: 1) ‘закатывался смехом украдкой, 2) ‘хохотать, смеяться’;

б) смех обычной интенсивности: **хатхыр-** ‘смеяться, хохотать’. – *Амды Девяткин чойлап сыгар, – хатхырыбысхан Степа* (О, 45) ‘Сейчас Девяткин начнет врать, – засмеялся Степа’; **ырчаңна-** ‘хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)’. *Пабам трактор күүлэзінең тыңох иде күзүреде ырчаңнабысхан* (Ткө, 27) ‘[Мой] отец захохотал, заглущая гул трактора’; **кідіре-** ‘смеяться громко, раскатисто’. *Хамаанаң тирін чысхлап, прайзынаң хада кідірепче Кимовна* (Ат, 140) ‘Вытирая пот со лба, вместе со всеми смеётся Кимовна’. *Ол Пасекты көр*

салып, тогылах сырайына толдыра кидіребіскен (КМ, 22) ‘Он, увидев Пасека, засмеялся (букв. на все свое широкое лицо)’.

Доминанта синонимического ряда – глагол **хатхыр-** ‘смеяться’. Эти глаголы обозначают также смех высокой интенсивности в сочетании с соответствующими конкретизаторами, выражающими усиление действия, например, **чоо хатхыр-** ‘сильно смеяться’, **хайдадар ырчанна-** ‘человек хохотать’, **матап кидіре-** ‘сильно смеяться’.

в) смех низкой интенсивности: **күлін-** ‘улыбаться’. *Андада Сарыг Пазычах, көблче ырын тохтадып, сылтаг чох күлін салча* (Кх, 11) ‘Тогда Сарыг Пазычах, перестав петь, **улыбається** беспричинно; **күл-** ‘насмехаться, улыбаться’. *Хызычах, хара харагастарынаң минзер көріп, наарсах күлген* ‘Девочка, глядя на меня своими черными глазками, улыбалась дружелюбно’; **күлімзіре-** ‘улыбаться слегка, чуть заметно’. *Шишкин күлімзіребіскен:* – *Син андаг махачы полган ползаң, нога тискезің немеңтердең?* ‘Шишкин **заулыбался:** – Если ты такой смелый, почему сбежал от немцев?’; **ырсай- / ырчай-** в ЛСВ ‘улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться’. – *Чарир, чарир, – ипчизи сырайына толдыра ырсайча* (Хо, 8) ‘– Хватит, хватит, – [его] жена **широко улыбается** (букв. на все лицо)’.
Ол хара чүзіне толдыра тістерінең чалтырап ырчайча (Хт, 42) ‘Он широко (букв. блестя зубами на все своё черное лицо) улыбается’; **чалбай-** в ЛСВ ‘широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке’. *Наа чаап парган аппагас харны көр салып, ол таң брінгеніне бе, таң хайхаанына ба сырайына толдыра чалбайыбысхан* ‘Он **улыбнулся** (букв. на все лицо) то ли от радости, то ли от удивления широко, увидев выпавший белый пушистый снег’. Глаголы **ырсай-/ырчай-** и **чалбай-** выделяются по мимическому критерию «широкое раскрытие рта»; **кимзей-** – по критерию «улыбаться слегка беззубым ртом». *Улуг кизилер, айнаның чоо агырганын кем көрдү ни тп, кимзейіс салганнар* (Хч, 7) ‘Пожилые люди **улыбнулись,** говоря, кто видел, как болеет черт’; **хатхыраңна-** ‘посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.’. *Пычон, наа килген кизе чойырхан, хатхыраңнаан* ‘Пычон улыбался, заискивая перед незнакомцем’.

Доминанта данного ряда – глагол **күлін-** ‘улыбаться’.

Глаголов со значением плача, по нашим сведениям, семь. Их объединяет интегральная сема «издавать плач, выражая горе, боль, страдание, реже радость, восторг и т. д.». Базовый глагол – **ылға-** ‘плакать’. «Глагол *плакать* в поэтических текстах выражает не только реакцию на негативные чувства, но и способность, которая присуща человеку уже при рождении, ибо это первый звук, издаваемый человеком и воспринимаемый окружающими как свидетельство его жизнеспособности» [Самойлова 2011: 14]. Глагол **ылға-**, как и в русском языке, обозначает первый звук человека при рождении.

Глаголы данной подгруппы по степени воспроизведения плача, как и глаголы смеха, образуют три синонимических ряда:

а) плач высокой интенсивности: **марла-** '1) реветь (о животных); 2) *разг.* реветь; громко плакать (о людях)' [ХРС 2006: 235] и **орла-** 'реветь (о животных); *разг.* орать (о людях)' [ХРС 2006: 307] в первичных ЛСВ обозначают рев животных, во вторичных ЛСВ – громкий плач. *Аба чили орланча* 'Орет (ревет) как медведь'. Исходя из контекстов, где субъект – «человек», мы выводим ЛСВ данного глагола 'громко плакать, реветь, рыдать; орать'. Глаголы **марла-** и **орла-** в первичных ЛСВ относятся к ЛСГ глаголов звучания, а к разряду глаголов плача они переходят с пометой «громко плакать». *Кем анда марланча? 'Кто там ревет?'* *Тун хараада Коланың ипчизінің ачыг орлааны истілген* 'В тёмную ночь слышно, как **горько рыдает** жена Колы'. В отношении людей возможно употребление данного глагола, если человек орет громко, но чаще он применим в случае плача. К этим двум глаголам по семе «громко плакать» приближается глагол **сарла-** '1) громко, с визгом плакать; 2) громко, с визгом кричать, орать', не зафиксированный в ХРС. *Зойка, немец позынзар чагдапчатханда, тың хысхырып, сарлаан* 'Зойка громко и **сильно плакала** (букв. сильно крича), когда немец подходил к ней'. Все три глагола одинаково частотны, поэтому выделить доминанту среди них представляется затруднительным. Как глаголы плача, они приобретают экспрессивный оттенок;

б) плач средней интенсивности. Доминанта подгруппы глаголов плача – **ылға-** 'плакать', соответствующий русскому глаголу *плакать*. *Сынап ол тее халзаң, сагаа нір дее кізі ылғабас* (Хх, 138) 'Если даже и помрешь, над тобой никто **не будет плакать**'. *Ылғабыхсан Хара хан, малына айабызып* (Ах, 69) 'Заплакал Черный царь, пожалев свой скот'. Следующий по частотности – глагол **сыхта-** 'горько плакать, рыдать, причитать' [ХРС 2006, с. 562]. *Прайзы ол хызычахха сыхтаан* 'Все **рыдали** об этой девочке'. *Син сыхтапчазың ма? Мині харах частыг үдезерге чарабас* (Кх, 188) 'Ты **плачешь** что ли? Меня нельзя провожать со слезами'. *Ичемні ирге тудыбох хондыртырлар. Амга теере сыхтапча* (Кх, 24) 'Мою маму, оказывается, украли и выдали замуж. До сих пор **плачет**'. Глаголы **ылға-** и **сыхта-**, как и глаголы обычной интенсивности смеха, обозначают процесс высокой интенсивности, сочетаясь с соответствующими обстоятельственными словами, например, **хайдадар, матап ылға-(сыхта-)** 'сильно плакать';

в) плач низкой интенсивности: **сүркүңне-** 'всхлипывать' [ХРС 2006: 533]. – *Джамиля! Джамия! – сүркүңнеем мин, харах частарыма нурулугып* '– Джамия! Джамия! – всхлипывал я, захлебываясь слезами'. Производный глагол от **ылға-** – **ылғамзыра-** '1) прослезиться; захныкать; 2) делать вид, что плачешь, притворяться плачущим' [ХРС 2006:

1039]. *Ол тылаасты ис салып, пичем ылгамзырабысхан* ‘[Моя] сестра прослезилась, услышав такую новость’.

В ХРС зафиксирован малоупотребительный глагол **сығыт-** ‘прост. заливаться слезами’ [ХРС 2006: 544]. Зафиксирован лишь производный от него глагол **сығыдын-**, значение которого, исходя из текста, толкуется нами как «тихо, беззвучно плакать». *Ол, иезине кўрлеткен олган чили, сығыдынча* ‘Он плачет тихо, как ребенок, наказанный матерью’.

Доминанта данного синонимического ряда – **сўркўңне** ‘всхлипывать’.

Ю. А. Кузнецов синонимический ряд глаголов со значением смеха в русском языке различает по следующим смысловым признакам: «1) характер звука и мимика субъекта; 2) каузатор эмоционального состояния; 3) характер манифестируемого чувства; 4) интенсивность внешнего проявления эмоционального состояния и наличие самоконтроля; 5) длительность состояния; 6) тип субъекта; 7) обозначение свойственной субъекту манеры смеяться; 8) оценка обозначаемого состояния» [Кузнецов 2005: 17]. Данные семантические параметры глаголов смеха отмечены с учетом синтагматического окружения глаголов смеха и они являются релевантными для более полного описания рассматриваемых глаголов.

Основными общими признаками противоположных по семантике подгрупп глаголов смеха и плача являются разные степени интенсивности проявления эмоций, что обеспечивает данным подгруппам градуальный тип внутренней организации. Наряду со степенями интенсивности проявления эмоций также является основанием внутрисистемных отношений глаголов и характер звучания. Глаголы смеха и плача находятся в семантической оппозиции, опирающейся на такие качественные характеристики, как интенсивность и звучание. Внутренне противопоставленными по данным признакам являются не только отдельные синонимические ряды глаголов внутри подгрупп глаголов смеха и плача, но и отдельные лексемы. Семы «широкое раскрытие рта», «наличие слез» и «обнажая зубы» характерны для семантики отдельных глаголов. Выявленные общие семы в семантике исследуемых глаголов обеспечивают синонимические и антонимические отношения как между отдельными глаголами, так и между подгруппами. По признаку «интенсивность» три синонимических ряда глаголов со значением смеха находятся в антонимических отношениях с тремя синонимическими рядами глаголов со значением плача, т. е. противопоставление данных синонимических рядов производится по степени интенсивности выражения эмоций. Например, глаголы высокой интенсивности смеха: **эре-** ‘закатываться (смехом, кашлем, слезами) 2) хохотать, смеяться’, **талчых-** в ЛСВ ‘закатываться смехом’, **инде-** ‘закатываться смехом, смеяться беззвучно’ антонимически противопоставлены глаголам высокой интенсивности плача **марла-** в

ЛСВ 'реветь; громко плакать (о людях)', **орла-** в ЛСВ 'громко плакать; выть; орать, рыдая', **сарла-** в ЛСВ 'громко, с визгом плакать'.

Итак, рассмотрены 13 глаголов со значениями смеха и 9 глаголов со значением плача, синонимические и антонимические отношения которых выявлены в пределах иерархической структуры одной ЛСГ. Наиболее релевантными признаками, по которым дифференцируется семантика глаголов смеха и плача, являются: интенсивность эмоции, наличие и громкость звучания, а также семы, доминирующие в семантике отдельных глаголов: «широкое раскрытие рта», «наличие слез» и «обнажение зубов».

1.5. Лексико-семантическая характеристика лексем, выражающих положительные и отрицательные эмоции (на примере глаголов со значением радости и печали)

1.5.1. Глаголы со значением радости в хакасском языке

Глаголы радости обозначают приподнятое душевное состояние и эмоциональное переживание субъекта. Как правило, в словарных статьях для толкования понятия «радость» используют термины «удовольствие» и «удовлетворение», часто отождествляя эти два понятия. Также между радостью и весельем находят довольно много общего, однако, очевиден тот факт, что радость может быть спокойной и тихой, в то время как веселье – нет. Наряду с возбуждённой радостью (радостью – восторгом, ликованием), существует радость спокойная (растроганная радость, радость – умиление) и напряжённая радость, исполненная устремлённости (радость страстной надежды и трепетного ожидания) [Психология эмоций...1984: 87].

А. Б. Пеньковский в своей статье «Радость и удовольствие в представлении русского языка» с когнитивной точки зрения описывает аспекты, разделяющие эти две эмоции: «...удовольствие – это всегда удовольствие от чего-либо, и этим оно отличается от радости, которая может быть ни от чего...» [Пеньковский 2003: 376], «радость абсолютно бесплотна и тем, не менее, для языка она – абсолютная реальность. Удовольствие имеет несомненную материальную – физическую и физиологическую – основу и, тем не менее, для языка она – фикция» [Пеньковский 2003: 380], радость «межличностна», «надличностна», «удовольствие всенародным не бывает» и т. д. [Пеньковский 2003: 382–383].

Вслед за Л. В. Васильевым мы идентифицируем значение глаголов радости как «быть в приподнятом (радостном) душевном состоянии (на-

строении, испытывая какое-л. бодрящее чувство, удовлетворение чем-л.» [Васильев 1981: 80]. Если в русском языке процесс радости передается множеством глаголов: *радоваться, веселиться, ликовать* и др., то в хакасском языке это понятие покрывается семантикой одного глагола **өрін-** ‘радоваться, веселиться, ликовать’ [ХРС 2006: 328]. *Прайзы өрінче чиңске* ‘Все радуются победе’. *Пис палабыс поларын піл салып, тың өрінгебіс* (Зп, 14) ‘Узнав о том, что у нас будет ребенок, мы сильно радовались’.

Доминантой синонимического ряда глаголов со значением радости является нейтральный глагол **өрін-** ‘радоваться’. В ходе анализа материала нами выделены следующие способы выражения причины при данном глаголе:

а) прямая речь. При сочетании с прямой речью глагол радости обычно заменяет глагол говорения. Ясное и четкое представление о прямой речи дает М. К. Милых: это форма чужой речи, которая вводится в текст авторской ремаркой и воспроизводит высказывание (или мысль) от того лица, которому оно принадлежит, сохраняя грамматические, личные, интонационные особенности. Формами прямой речи свободно передаётся индивидуальный стиль каждого говорящего, и она производит впечатление восстановленной буквально [Милых 1961: 57]. Структура конструкций с прямой речью складывается из авторской ремарки, где указан субъект речи, и полной дословной передачи его речи. – *Амды чаксы род малым полар, – өрін парир Мондай хан* – ‘Сейчас у меня будет хороший род скота, – радуется (радуясь, едет) хан Мондай’. – *А што есть? – өрінче бич* – ‘А что есть? – радуется бич’;

б) придаточное предложение со связкой **тіп**. При глаголе радости **өрін-** придаточное предложение передает основное содержание мыслей субъекта, испытывающего чувство радости. *Ханның килні полам тіп өрін турғам* ‘Я радовалась, мол, буду невесткой хана’. *Мин, улуг кізі чиит хыс магаа хыныбысты тіп өрін парғам* ‘Я, старый человек, обрадовался, мол, молодая девушка меня полюбила’;

в) распространённое имя в дат. п., которое не раскрывает, а только называет причину радости. *Прайзы өрінче чиңске* ‘Все радуются победе’. *Пу тонга чоо өрінчеткем* ‘Я этой шубе так сильно радовалась’;

г) субстантивированное распространённое причастие в дат. п. дает более подробное представление о причине. В отличие от имени в вин. п., они представляют собой более развёрнутую информацию. *Хазых-амыр айланганыңа өрінчем* ‘Радуюсь, что ты вернулся живым и здоровым’. *Айана өрінген дее полар Күрдейнің поэның алнын алчатханына* ‘Айана наверно радовалась, что Курдей за неё заступался’;

д) имя + **үчүн** «за». Так же, как и имя в дат. п., не раскрывает, а только называет то, что является причиной радости. *Синің үчүн өрінчем, пабам*

‘Я радуюсь за тебя, отец’. *Өрінчем чайачы устың тогызы үчүн* ‘Радуюсь за работы творческого мастера’;

е) субстантивированное распространённое причастие + *үчүн* ‘из-за; за’. *Ол минің аалзар парчатханым үчүн тың өрінген* ‘Она сильно радовалась тому, что я поехала в деревню’. *Султан минің айланганым үчүн өрінген* ‘Султан радовался за то, что я вернулся’. На наш взгляд, в отличие от распространённого имени в дательном падеже и субстантивированного распространённого причастия в дательном падеже, данные способы выражения причины показывают отдалённость причины радости от субъекта. Можно радоваться «за что-либо» или же «за кого-либо», если объект или же явление, представленные как причина радости, принадлежат третьему лицу, а не самому субъекту;

ж) инфинитив. В отличие от других способов выражения объектный инфинитив является наименее распространённым и характеризуется строго определённой семантикой: он обозначает действие, которое было бы желательно субъекту. Обычно он соотносится с будущим временем. *Пире студенттер общежитие орнына анда даа чуртирга өрinerчктер* ‘Некоторые студенты были бы рады жить и там, вместо общежития’. *Өрinerчкпіс андаг сыйыктарны аларга* ‘Мы были бы рады получать такие подарки’;

з) деепричастный оборот. Причина радости, оформленная в виде деепричастного оборота, выражает действие, предшествующее процессу радости. *Кізі чобаана махалары ханып, өрінчең кізілер көп ноза* ‘Ведь много людей, которые радуются, злорадствуя беде человека’. *Ипкізі, хазых-тіріг ирін көріп, өрін парган* ‘Жена, увидев мужа живым и здоровым, обрадовалась’.

Часто наблюдается такое явление, как незамещенность позиции причины в конструкциях глагола **өрін-**, которая компенсируется внешними конкретизаторами, характеризующими сам процесс радости. В таких случаях факультативные позиции становятся актуально значимыми. Это может быть:

а) интенсивность. *Төреен чирімзер чиде түстім. Пабам – ічем оңныг ла өрінминчелер* ‘Я приехал на родину. Мои родители сильно радуются’. *Аттарны көр салзалар, ну чир өрінминчелер* (Хч, 1996, 141, 8) ‘Если увидят лошадей, как только не радуются’;

б) время. *Угаа өрінген ол, хачан Айгах учух сыххан көк тигірче* ‘Очень обрадовался он, когда Айгах стал летать по синему небу’.

Также причина может в скрытом виде содержаться в конструкциях, формируемых глаголом **өрін-**. Она может выявляться из актуального смысла предложения. Таким образом, причина радости обнаруживается:

а) в актуальном смысле соседней конструкции: *Сині хоных хонган тіп искем. Өрінчем угаа* ‘Я слышал, что ты женился. Радуюсь очень’.

Öрiнмин зе! Чаадаң тайызы айлан килген! ‘Как не радоваться! С войны дядя вернулся!’

б) в актуальном смысле второй части сложносочинённого предложения или же придаточного предложения: *Öрiнiңер миннең хада, мин чiт парған хойымны таап алгам* ‘Радуйтесь вместе со мной, я нашел свою потерянную овцу’. *Эдбтке Ористі сагаа худалапчабыс тiп сөлееннерiнде, ол öрiне түскен* ‘Когда Эдоту сообщили, что ему сватают Орис, он обрадовался’.

Глагол **öрiн-**, как доминирующий глагол радости в хакасском языке, обладает широкими возможностями сочетаемости. Он отвечает требованиям базового глагола: это малосодержательность семантики и широкая сочетаемость. Остальные же глаголы со значением радости, по сравнению с глаголом **öрiн-**, менее употребительны в языке и, соответственно, их семантика более специализирована и сочетаемость ограничена.

Остальные глаголы менее употребительны в языке и, соответственно, их семантика более специализирована и сочетаемость ограничена. Глагол **öрчiлен-** отсутствует в ХРС, он образован от существительного **öрчi-** «радость, жизнерадостность, веселье» при помощи аффикса **-лен-**. – *Саба хармахтапчазар, палыхчылар! – тiп öрчiленген Девяткин* (Стож, 63) ‘– Неправильно рыбачите, рыбаки! – **веселился** Девяткин’. В отличие от глагола **öрiн-**, семантика глагола **öрчiлен-** акцентирована на кратковременное проявление радости субъекта. Для уточнения дифференциальных сем в семантике глагола мы использовали принцип взаимозаменяемости глаголов. Глагол **öрчiлен-** не проходит в тех конструкциях глагола **öрiн-**, где говорится о постоянной радости. *Чурта, öрiн чуртасха!* (Хч, 1998, 97, 4) ‘Живи, радуйся жизни!’ Нельзя сказать: *Чурта, öрчiлен чуртасха!*

Глаголу **чалахайлан-** ‘проявлять приветливость, радушие’ [ХРС 2006: 932], помимо представленного в ХРС значения, также характерен признак радости, о чём свидетельствуют примеры: *Вераның азағы чирге теңминчеткен. Нимее-де тың чалахайланчатхан* ‘Ноги Веры не касались земли, она сильно радовалась чему-то’. *Мындаг кичичек нимені ал пиргеніне ле хайди чалахайланча* ‘Как радуется тому, что [ему] купили такую мелочь’. В семантике глагола **чалахайлан-** доминирует сема «внешнее проявление радости»: процесс радости, выражаемый данным глаголом, определяется наблюдающим, когда субъект всем своим видом (глаза, поведение, улыбка) показывает, что ему хорошо, весело. Он не употребляется в первом лице, нельзя сказать *мин чалахайланчам* или *тiс чалахайланчабыс*, поскольку субъект сам не может видеть проявления своей радости. *Ол кистінең китеп килген чыланнаң ос халганына öрiнген* ‘Он радовался тому, что спасся от змеи, которая подкараулила его сзади’. Здесь невозможна замена глагола **öрiн-** глаголом **чалахайлан-**. Также семантически невозможно употребление глагола

чалахайлан в первом лице, поскольку субъект сам не может видеть проявления своей радости.

ЛСВ радости в семантике глагола **чары-** соответствует русскому выражению «светиться от радости»: 1) светить, светиться; 2) *прям.* и *перен.* (о детенышах некоторых животных) прозреть; 3) *перен.* светлеть, просветлеть; *кiзi кoңнi чарыпча* ‘на душе становится светлее’; *сагызым чарып парчых* ‘в голове [у меня] прояснилось’ [ХРС 2006: 946]. Как видим, первый ЛСВ данного толкования в переносном значении служит проводником для реализации семы радости. В этом ЛСВ глагол **чары-** употребляется в форме **чарыпла-**: к деепричастной форме глагола присоединяется частица **ла**. *Тай ичем, мин килгенде, чарыплача* ‘[Моя] бабушка моему приезду очень рада (*букв.* светится от радости)’. *Оолгы, поэзын аңнап апарчатханда, чарыплача* ‘[Его] сын так и светится (радуется), когда его берут с собой на охоту’. Глагол **чарыпла-**, как и глагол **чалахайлан-**, обозначает внешнее проявление радости и его функционирование ограничивается ситуативным описанием процесса радости, а также этот глагол не употребляется в первом лице.

Итак, нами выявлены 4 глагола со значением радости в хакасском языке: основной базовый глагол **өрiн-** и малоупотребительные глаголы **чалахайлан-**, **өрчiлен-** и **чарыпла-**. Обязательной позицией в конструкциях этих глаголов является позиция причины или стимула радости. Широкими возможностями валентности обладает глагол **өрiн-**. В общей формуле сочетаемости данного глагола отмечаются различные способы раскрытия позиции причины радости: прямая речь, придаточное предложение со связкой **тiп**, распространенное имя в дат. п., субстантивированное распространенное причастие в дат. п., имя + **үчүн** ‘из-за; за’, субстантивированное распространенное причастие + **үчүн** ‘из-за; за’, инфинитив. Глаголы **чалахайлан-**, **өрчiлен-** и **чарыпла-** менее употребительны и их семантика дифференцирована, поэтому их реализация в тексте ограничена.

1.5.2. Глаголы со значением печали в хакасском языке

Говоря об эмоции печали, нужно всегда учитывать, как субъект воспринимает и оценивает себя таким, каким он видит этот мир и свое будущее в нем. «Грусть – отрицательная эмоция, не связанная ни с плохим отношением к кому-либо, ни с самоосуждением, расположена примерно посередине. С одной стороны, выражение «грусти» в целом не говорит об эксприенцере плохо; с другой стороны, «грусть», во-первых, иногда требует какого-то участия, хотя бы вербального, со стороны адресата, т. е. ее открытое выражение может восприниматься как нескромная просьба

о сочувствии, во-вторых, «грусть» может восприниматься как «нытье», говорящее о слабости эксприенцера (особенно открытое выражение некоторых видов «грусти» – *уныния, тоски, депрессии*)» [Апресян 2010: 52]. Также эмоция печали может оказывать весьма пагубное воздействие на человека, она характеризуется меньшим уровнем напряжения, чем другие негативные эмоции. В печали человек много размышляет и в результате оценки происходящего воспринимает мир угрюмым и хмурым. Также эмоция печали может оказывать весьма пагубное воздействие на человека, она характеризуется меньшим уровнем напряжения, чем другие негативные эмоции: человек чувствует себя разбитым, расслабленным, не способным на какие-либо действия. Из этого следует, что эмоция печали взаимодействует с другими физиологическими состояниями, такими как уныние, хандра, грусть, чувство одиночества и изоляции от внешнего мира. Учитывая такое протекание переживания печали и тот факт, что язык – есть прямое отражение действительности, считаем, что глаголы со значением печали соприкасаются с глаголами физиологического состояния типа *страдать, мучиться* и т. д.

Синонимический ряд глаголов печали составляют семь глаголов и четыре фразеологические единицы (далее – ФЕ), объединенные по общему семантическому признаку «испытывать чувство печали, грусти». Доминантой ряда является наиболее распространенный многозначный глагол **хомзын-** ‘1) печалиться, грустить; 2) переживать; 3) жалеть, сожалеть о чем-л.; 4) огорчаться; 5) обижаться’. В данный синонимический ряд входят глаголы **чобал-** ‘печалиться, переживать’, **ачырган-** ‘сокрушаться, огорчаться, расстраиваться’, **пичелен-** ‘тосковать, унывать, печалиться’, **пузух-** ‘убиваться, переживать, унывать’, **мõннõсире-** ‘1) быть в подавленном настроении, иметь грустный вид; 2) грустить, печалиться, унывать’, **инел-** ‘грустить, тосковать’. Все эти глаголы выражают эмоцию печали, за исключением глагола **хомзын-**, который в ЛСВ ‘обижаться’ переходит в синонимический ряд глаголов со значением обиды.

Все глаголы со значением печали, кроме **ачырган-** и **мõннõсире-**, характеризуются длительностью эмоционального переживания, а также в своей семантике (кроме глагола **мõннõсире-**) содержат оттенок размышления об объекте грусти и печали. Процесс размышления протекает под воздействием эмоционального переживания и, следовательно, субъект видит действительный мир в негативном свете.

В семантике глагола **хомзын-** выделены следующие ЛСВ:

1) ‘грустить, печалиться’. *Пулуттыг кун ноо осхассың? Хомзынчазың син нога?* ‘Почему ты (выглядишь) как пасмурный день? Почему ты грустишь?’ Переживая такие эмоции, как печаль и грусть, субъект ведет себя пассивно, меланхолично, видит мир в тусклом цвете и все время находится в размышлении об объекте печали и связанных с ним явлениях;

2) 'переживать'. *Мин аның агырчатханына тың хомзынчам* 'Я сильно переживаю из-за его болезни'. Семантика переживания указывает на нервное состояние субъекта. Объект переживания может выражать:

а) какое-либо негативное, с точки зрения субъекта, событие, происходящее в настоящем времени: – *Эк, күннер, күннер! – хомзынган Манон Петрович. – Хысхы чагдапча, азыбыс ам даа чазыда турча* (Чх, 178) '– Эх, дни, дни! – переживал Манон Петрович. – Зима приближается, а наш урожай все еще находится в поле';

б) неопределенное будущее: *Гчезі хайди ла өзін алар ни палам тіп хомзынчаң* (Хч, 4) '[Его] мама переживала о том, как вырастет [ее] ребенок';

в) просьба не переживать: *Че, чазыл табырах. Хомзынма, таңда килербінөк* (Хт, 52) 'Ну, поправляйся быстрее. Не переживай, завтра снова приду'. *Саня, син хомзынма. Пабаң пічік наспинчатханнаңар пір дее хоммай сағыс сағынма* (Сс, 88) 'Саня, ты не переживай. Не бери себе в голову плохие мысли из-за того, что [твой] отец не пишет письма';

3) 'жалеть, сожалеть о чем-л.'. Объектом сожаления при глаголе **хомзын-** обычно является жизненно важный факт (например, несбывшаяся мечта, неудавшаяся жизнь, впустую растраченное время и т. п.). При реализации данного ЛСВ наиболее ярко проявляются семы размышления и оценки объекта. Субъект размышляет, анализирует произошедшее событие, оценивает его с позиции настоящего времени и делает выводы, что что-то сделано не так. *Хоосчы полбааныма хомзынчам* (Хч, 3) 'Я жалею, что не стал художником'. *Палаларын хазых өскір полбаанына хомзынчалар* (Хч, 7) 'Они жалеют о том, что не смогли вырастить детей здоровыми'. *Харындазы поэзының ипчизи, пір ле хыс таап, тохтадыбысханына тың хомзынчаң* (Хч, 7) '[Его] брат жалел о том, что [его] жена родила только одну дочь'.

Сожаление о жизненно важном событии может соотноситься и с будущим временем: *Амды ээрінмезең, соонда хомзынмассың* [посл.] 'Если сейчас не будешь лениться, потом не будешь жалеть'. *Ічем пархазын көр полбазына хомзынчаң* (Хч, 3) '[Моя] мама обычно жалела о том, что не увидит своего внука'. *Піс өскіріп алған пала туган-чазыным чоғыл тіп хомзынмазын* (Хч, 3) 'Пусть дети, которых мы вырастим, не жалеют о том, что у них нет родственников';

4) 'огорчаться'. В реализации данного значения глагол **хомзын-** принимает аффикс понудительного залога **-дыр-**. *Пір ле ниме аны хомзындырчаң: поэзының көгілбей түстерін чоохтачаң, аны исчең харындас-туңмазы чох полган* 'Только одно его огорчало: у него не было братьев и сестер, которым он мог бы рассказывать свои голубые сны'. *Школадаң парыбызып, син ічеңні хомзындыр салгазың* (С, 185) 'Бросив школу, ты огорчил свою маму'. *Чииттернің арага ісметкені, тамкы*

тартчатханы Александрны хомзындырча (Хч, 3) ‘Александра огорчает то, что молодежь пьет водку и курит’. *Пүүлгі чылда класс мині хомзындырды* (С, 84) ‘В этом году класс меня огорчил (разочаровал)’. В таких предложениях субъект, испытывающий огорчение, представляется пассивным, безвольным, зависимым от влияния негативных событий и явлений;

5) ‘обижаться’. В данном ЛСВ глагол **хомзын-** переходит в синонимический ряд глаголов со значением обиды.

Второй по употребительности глагол **пичелен-** в ЛСВ ‘тосковать, унывать, печалиться’ синонимичен глаголу **хомзын-** и в контекстах, описывающих процесс печали, грусти и переживания они могут быть взаимозаменяемы. Основу анного глагола составляет существительное **пичел** ‘печаль’, заимствованное с русского языка. *Камзарга андаг нимелер үчүн пичеленерге дее маң чоғыл* ‘Камзару из-за таких вещей даже некогда унывать’. – *Ахчаларым хайда ни? – пичеллен сыхты ол* (Хо, 50) ‘Где же мои деньги? – стал унывать он’.

В бельтирском говоре хакасского языка данный глагол функционирует без аффикса возвратного залога **-н-: пичелле-**. – *Минің гараж чоғыл. – Пичеллебе, нүдир пирербіс* (Хо, 61) ‘–У меня нет гаража. – Не унывай, построим’. *Пөһибистің устагчызын тогыстаң сыгара сазыбысханнар. Пис агаа пичеллебинчөбіс* (Хо, 57) ‘Начальника нашего двоюродного брата выгнали с работы. А мы и не расстраиваемся’.

Глагол **пичеллен-**, как и **хомзын-**, обозначает просьбу не переживать, не печалиться: – *Пичеленме, – часхарча аны Жаров, – Көрдек, пістің мында нинче сибиряктар. Немецтерні нандыра сүрербіс* ‘Не переживай, – успокаивает его Жаров, – Смотри-ка, сколько у нас тут сибиряков. Немцев обратно погоним’. *Хачан даа пичеленме, ічечеем* ‘Никогда не унывай, [моя] мамочка’. *Пичеленме, Саня, пилотқаң синің нүдінінең минің ибімде* (С, 106) ‘Не переживай, Саня, твоя пилотка у меня дома в целостности и сохранности’.

Существительное **пичел** ‘печаль’ участвует в образовании частотных ФЕ: **пичелге пастыр-** ‘букв. быть придавленным печалью, печалиться». *Азыраан палаңар чох полып, эміскен оолгыңар чох полып, піди пичелге пастыр турзар ба, алай өлер күннерің чит киліп, агаа ачырганып одырчазар ба?* (Хп, 67) ‘Вы так печалитесь из-за того, что у вас нет ребенка, которого вы вырастили, нет сына, которого вскормили грудью, или же вы расстроены тем, что пришел день вашей смерти?’ **Пичелге түс-** ‘печалиться; букв. спуститься к печали’. *Нимее пазох пичелге түзібістің?* ‘Что же ты опять опечалился? – *Син анда хайдаг тогысха чарирзың? – пичелге түсче іче-набазы, – үгредішің дее чоғыл* (Хо, 74) – ‘Где ты там будешь работать, – печалются родители, – У тебя нет даже образования’.

Глагол **чобал-** многозначен, но его ЛСВ не выходят за пределы обозначения негативного переживания субъекта: '1) печалиться, переживать; 2) скорбеть о тяжелой утрате; 3) страдать, мучиться, бедствовать, переживать тяготы жизни'. Глагол **чобал-** реализуясь в ЛСВ 'печалиться, переживать», может взаимозаменяться с глаголами **пичеллен-** и **хомзын-**. – *Хомай кирек, оол, угаа хомай, – чобалган [хомзынган, пичелленген] апсах* (Ыа, 22) 'Плохо дело, парень, очень плохо, – печалился старик'. *Сагынгам, Алиман ол чабаннаң чараспаан, аннаңар чобалча* (Д, 119) '[Я] думал, что Алиман не соглашался с этим чабаном, поэтому переживает'. Только в данном ЛСВ глагол **чобал-** может выражать просьбу не печалиться, не переживать. *Пистің үчүн тың чобалба* (Хч, 4) 'За нас сильно не переживай'. *Хыныс оды ус парды тiп чобалба* (Хч, 8) 'Не печалься из-за того, что погас огонь любви'. *Чуртурбыс ам даа, нанчым, чобалба* (В. Майнашев) 'Будем еще жить, [мой] друг, не печалься'. *Иди тың чобалба. Пай пір дее ниме ит полбас* (Ах, 63) 'Ты так сильно не переживай. Богач нам ничего не сможет сделать'.

Глагол **чобал-** в ЛСВ 'скорбеть' отличается от глаголов **хомзын-** и **пичелен-** глубиной и тяжестью переживаемого чувства печали. Только глагол **чобал-** может быть применен для обозначения эмоционального состояния человека, перенесшего самую тяжелую утрату – близкого человека. *Сидік киліскен өкіс халганнарға. Ічезі төрөміл чобалчатчаң* (Тс, 46) 'Тяжело пришлось сиротам. Мама скорбела все время'.

Этот глагол в разных фонетических вариантах действует и в других тюркских языках Южной Сибири и, по сведениям О. Ю. Шагдуровой, заимствован из монгольского языка с сохранением семантики: «...шор. шобал- 'мучиться', хак. чобал- 'изнемогать, устать, мучиться, горевать, хлопотать', тув. чова- ЛСВ1 'уоставать', ЛСВ2 'беспокоиться, заботиться' – монг. чоба- 'мучиться, терзаться, беспокоиться, тревожиться, скорбеть, страдать'» [Шагдурова 2012: 52]. Значение данного глагола в других языках приближается к ЛСВ «страдать, мучиться, бедствовать, переживать тяготы жизни» в хакасском языке. В данном ЛСВ глагол **чобал-** употребляется чаще и синонимичен глаголам **иреелен-**, **хыйаллан-**, **иле-** с общим значением страдания, описанным ранее. *Чон хыйалланча, чобалча, а олар, пайыт, чырганчалар* (Хч, 2) 'Народ бедствует, мучается, а они, богатея, довольствуются'. *Өбрдең чарылган мал пүүрге чидіртедір, чоннаң чарылган кізі чобаладыр* (П, 112) 'Отбившаяся от стада корова съедается волками, человек, отлучившийся от людей, страдает'. *Аның кирегі уйан. Төзектең дее турбинча. Тың чобалча ол кізі* (Чх, 186) 'У него дела плохи. Даже с кровати не встает. Сильно мучается'. *Пай пазыннадыр, чох чобаладыр* (Хчс, 16) 'Богач эксплуатирует [обычно], бедняк бедствует [обычно]'.

Зафиксированы ФЕ, в образовании которых участвует существительное **чобағ** 'мука, горе, страдание, печаль, скорбь, мучение' – **чобаға кір-**

‘попасть в беду; букв. войти в горе, страдание, беду’. *Тана чit парганына Торгы иней улуг чобага кip парган* (Чх, 41) ‘То, что Тана исчезла, стало причиной большого горя бабушки Торгы’; **чобаг кöр-** ‘букв. видеть страдания, горе, муку; переносить, испытывать невзгоды, несчастья, невзгоды, горе’. *Оолах паарсас таа, сагыссырас таа пiлбин, чобаг ла кöрген* ‘Мальчик не знал ни доброты, ни заботы, переносил только невзгоды’.

Глагол **ачырған-** обозначает сильную степень сокрушения, огорчения, сожаления, раскаянья и обычно в короткий промежуток времени. В его семантике мы выделяем ЛСВ: ‘1) сокрушаться, расстраиваться, огорчаться; 2) жалеть, сожалеть; 4) раскаиваться’. Образован от исторического корня **ачы-**, в семантической структуре которого О.Ю. Кокошникова отмечает метафорический перенос значения: **ачы-** ЛСВ1 ‘киснуть, прокисать»; ЛСВ3 *перен.* ‘испытывать боль, чувствовать разъедающую боль; саднить’ [Кокошникова 2004: 42]. Реализацию переносного значения данного глагола подтверждает пример: *Позымның паза пасхалырының ачин ачааньма, чоньмнаң хада öзöгiстi, соохты, прай хыйалларны үлескенiме погдарханчам* (Д, 83) ‘Я горжусь тем, что я вместе с другими испытывал боль, с моим народом делил голод, холод и все мучения’. Глагол **ачырған-** часто строит конструкции, где придаточная часть заключается глаголом в условном наклонении: *Иб ээзи столга пар нимезин салчаң, аалчыларны позынзар хыгыр полбаза, ачырганчаң* (Хч, 5) ‘Хозяйка ставила на стол все, что есть, и жалела, если не могла пригласить гостей’. Здесь действует последственность событий: акт сокрушения и расстройства субъекта наступает после каких-либо «неправильных» с его точки зрения событий.

В отличие от вышерассмотренных глаголов **хомзын-, пичелен-, чобал-**, которые выражают эмоции печаль и грусть, как равномерную (и потому долговременную) реакцию субъекта на негативные, с его точки зрения, события, в семантике глагола **ачырған-** ярко выражен признак интенсивности переживаемого чувства: *Ачырганчатханын пазын полбин, ол пазох амзабысты* (Хч, 2001,4,7) ‘Не сумев подавить своего расстройства, он опять глотнул вина’. *Ичем, арыг полбаста ла, пiрее тустарда ачырганып, харах частарын тöкче* (Хч, 4) ‘[Моя] мама, когда уже невмоготу, иногда, огорчаясь, проливает слезы’. В этих предложениях замена глагола **ачырған-** глаголами **хомзын-, пичелен-, чобал-** недопустима. Как глагол со значением раскаяния и сожаления, **ачырған-** переходит в подгруппу глаголов отрицательной эмоционально-этической оценки.

Глагол **пузух-** ‘убиваться, сокрушаться до слез, переживать, унывать» менее распространен в хакасском языке. В его семантике доминирует сема «внутреннее эмоциональное переживание, обычно не проявляемое внешне». *Ох, Хан-Худайымай, пиди ээн-кöөн тудынза, хачан пүтчең тура полчаң пу тiп пузухчам* (Кч, 31) ‘Я переживаю, мол, если так медлить,

когда же построят этот дом'. *Ол чалгызан халганына пузуххан* 'Он убивался из-за того, что остался один'. *Ачыда тидірткеніне чоо пузугып, ибіне читкен* (Ба, 174) 'Он пришел домой, переживая из-за обидных слов'. *Пулан чортпаан таг чогул, пузухпин өскен ир чогул* (Хс, 8) 'Нет горы, где бы не пробежал марал, нет мужчины, который не рос, переживая'. В силу своей семантики, данный глагол не может употребляться с прямой речью.

Глагол **мөңіссіре-** '1) быть в подавленном настроении, иметь грустный вид; 2) грустить, печалиться, унывать» состоит в ЛСГ глаголов поведения, к глаголам со значением эмоции мы относим его по признаку «грусть, печаль». Данный глагол составляет оппозицию предыдущему глаголу, обозначая внешнее проявление эмоционального переживания. Глагол образован путем присоединения к прилагательному **мөңіс** 'грустный» глаголообразовательного аффикса **-сіре-**. При помощи различных фонетических вариантов данного аффикса образованы в основном глаголы со значением поведения, напр., **постанзыра-** 'стремиться выглядеть взрослым', **улуғыра-** в ЛСВ 'стремиться быть старше', **пастыхсыра-** '1) иметь склонность к карьеризму; 2) вести себя высокомерно, властно, важно' и т. д. Глагол **мөңіссіре-** выражает эмоциональное состояние субъекта с позиции наблюдателя: по внешнему грустному виду субъекта определяется его состояние. Субъект не может быть оформлен первым лицом, так как нельзя сказать, например, *Мин мөңіссірепчем* 'Я унываю (я не в настроении)'. Примеры: *Ол пөришн чідіргенге матап мөңіссіреен* 'Он сильно расстроился, что потерял шапку'. *Мачай мөңіссіреп көрген, хайди аның аргыстары харлыг пораанда піреердең чіткелп парыбысханнар* (Т, 27) 'Мачай с печалью смотрел, как его друзья по одному исчезали в снежной буре'. *Торчых, аны искенде, мөңіссіребіскен* (По, 60) 'Когда это услышал, Торчых опечалился'. *Оолахтың көб түс парган. Пазох өдік чох халдым тп, мөңіссіребіскен* (Птн, 82) 'У мальчика испортилось настроение. Он загрустил, что опять остался без обуви'.

Все рассмотренные глаголы и ФЕ, кроме **ачырган-** и **мөңіссіре-**, характеризуются длительностью эмоционального переживания, а также в своей семантике (кроме глагола **мөңіссіре-**) содержат оттенок размышления об объекте грусти и печали, через которое субъект видит весь мир в унылом и негативном свете. В состоянии печали субъект размышляет, вспоминает печальные события, воспринимает мир в печальных образах. В значении данных глаголов также имплицитруется сема негативной оценки объекта. Многозначные глаголы **мөңіссіре-**, **хомзын-** и **чобал-** по своим соответствующим ЛСВ переходят в другие семантические подгруппы ЛСГ глаголов эмоции.

Как видим, способы выражения причины в конструкциях глаголов печали разнообразны, их можно разделить на два типа:

а) распространенный (придаточное предложение со связкой **тiп**, придаточное предложение в дательном падеже, прямая речь, делиберативный объект, выявление причины из актуального смысла предложения (контекста), зависимой части сложноподчиненного предложения);

б) называющий (имя в дательном падеже, имя с послелогом **ўчўн** 'из-за, за', имя в винительном падеже, имя в местном падеже). Наиболее распространенными способами выражения причины являются имя или придаточное предложение в дательном падеже, придаточное предложение со связкой **тiп**, имя с послелогом **ўчўн** 'из-за, за'.

Итак, глаголы со значениями радости и печали, как и многие глаголы со значением эмоции, строят конструкции по типу: субъект, испытывающий эмоции + стимул, вызывающий эмоции или же причина, являющаяся источником эмоции + глагол эмоции. Особыми разновидностями выражения отличаются, конечно же, стимул или же причина эмоции, которые варьируются в зависимости от особенностей его семантики.

Заключение

1. Каждая система организована и разбивается на подсистемы, которые между собой пересекаются, сближаются и где-то отдаляются. Лексическая система языка состоит из пересекающихся и взаимодействующих подсистем, объединяющих лексические единицы на основании определенных парадигматических и синтагматических связей и отношений между ними. Система эта открытая, тесно связанная, в отличие от других систем, с внешними, экстралингвистическими факторами. Изучение семантических особенностей и системных отношений в лексике целесообразнее вести на примере глагола, что обусловлено его сложностью, значимостью, центральной ролью в предложении и тексте. Рассмотренные в данной главе семантические оппозиции в семантике хакасских глаголов эмоции являются наиболее устойчивыми, в некоторой степени зависимыми от грамматических процессов. Глаголы со значением эмоции включают позицию причины (стимула) эмоционального переживания, что дает возможность проследить связь между человеком (или живым существом) и окружающей его действительностью, т. е. реакцию субъекта на определенные стимуляторы.

2. Выражение семантической оппозитивности наиболее ярко проявляются в таких эмоциях, как радость и печаль, любовь и ненависть, страх и бесстрашие. Данные эмоции психологи называют базовыми, основными. Однако, в хакасском языке глаголов, выражающих положительные эмоции, гораздо меньше, чем глаголов со значением отрицательных эмоций.

3. Понятие противоположностей является ключевым для различных лексических типов, находящихся в семантической оппозиции в плане выражения и в плане содержания. В системе исследуемой нами ЛСГ эмо-

тивной глагольной лексики преобладают явления функциональной эквивалентности, многозначности, одним из основных аспектов которых являются условия их синтагматической реализации, но мало развито явление антонимии. В антонимические отношения обычно вступают глаголы с качественной характеристикой. Явление многозначности в основном характерно для частотных и базовых глаголов с обширной и стилистически нейтральной семантикой, которые в зависимости от количества и характера дифференциальных признаков одновременно состоят в двух или нескольких семантических подгруппах одной ЛСГ, а иногда и в разных ЛСГ. Явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование слова в предложении. Основным условием такой нейтрализации, создающей значимостную эквивалентность слов, является наличие в контексте позиций, содержательно связанных с теми дифференциальными семантическими признаками, которые различают основные значения соответствующих слов.

ГЛАВА II. ОППОЗИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ХАКАСОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Характерные особенности духовной и материальной культуры любого народа так или иначе выражаются в национальной ментальности этноса. С этнической ментальностью связана идея картины мира, которая составлена из концептов и связей между ними. Картины мира, по мнению исследователей, структурированы категориальными, классификационными схемами и должны изучаться историей ментальности. Предметом истории ментальности является анализ поведения, ценностных ориентаций, особенностей быта, нравов, обычаев, форм жилища и пр. Понятия «ментальность» и «картина мира» разграничиваются по степени осознанности: картина мира – осознанное представление, а ментальность сознанием не рефлексивируется [Хроленко 2009: 55]. Через картину мира ментальность связана с культурой. Картина мира носителей конкретного языка отражается структурой смыслов слов и определяется культурой и ментальностью эпохи [Фрумкина 1999: 7]. Полагают, что основной единицей ментальности является концепт данной культуры, реализуемый в границах словесного знака, в частности, и языка, в целом, и предстающий в содержательных формах как образ, как понятие и как символ [Никитина 1999: 36]. В связи с этим на сегодняшний день слово рассматривается не только как основная структурно-семантическая единица, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, но и как инструмент мысли, аккумулятор и транслятор культуры. Оно несет основную информационную нагрузку. При освоении любого языка в первую очередь слова соотносятся с денотатами и референтами. Процесс наложения словесной оболочки на ментальные репрезентации, существующие в мозгу человека, представляет собой богатую почву для лингвистических исследований [Павлова 2007: 169].

Языковое своеобразие культуры и менталитета конкретного народа учеными рассматривается через различные уровни языка (синтаксис, морфология, словообразование), но чаще всего эти работы связаны с лексикой, при этом описание возможно: через ментальные слова, обозначающие специфические элементы культуры; через так называемые «мелкие» слова (модальные слова, частицы, междометия); через лексическую коннотацию (эмоционально-экспрессивное значение слов, закрепленное в

национальном сознании); через «лакунарность» – отсутствие в языке некоторых концептов, имеющих в других языках; через заимствования и т. д. [Самотик 2011: 188].

Выбор участка лексикона, подвергаемого изучению, зависит от представлений о каком-либо фрагменте действительности, стоящих за языковыми единицами. Значимой с точки зрения культурного содержания, воплощённого в семантике и внутренней форме слов, можно считать лексику, относящуюся к тематической группе традиционной одежды. Одежда является своеобразной визитной карточкой народа, в которой находят отражения достижения как материальной, так и духовной культуры, а лексические единицы этой тематической группы реагируют на малейшие изменения в жизни народа, связанные с условиями среды обитания, климата, духовной жизни.

История костюма с древнейших времён до наших дней – зеркало, в котором отражается вся история человечества. Народный костюм не просто сообщает о национальной и региональной принадлежности человека, а является носителем и хранителем смыслов и значений традиционной культуры конкретного этноса. В связи с этим необходимо рассмотреть как внешние факторы, повлиявшие на формирование и развитие традиционного костюма (исторические, природно-климатические условия, формы хозяйствования), так и факторы внутренние (содержание вещи, отражение в ней мировоззренческих представлений, картина мира этноса), нашедшие отражение в языке. С целью разграничения и выявления отношений лексических единиц данной тематической группы считаем целесообразным обратиться к оппозиции как к способу языковой интерпретации действительности. К внешним факторам мы отнесем словарные дефиниции лексем традиционной одежды, являющихся репрезентантами оппозиций, характеризующих длину одежды, цвет, пол, сезон, а также контексты, содержащие исследуемые лексические единицы. К внутренним факторам – семиотические оппозиции «верхний / нижний», «целый / порванный», отражающие мировоззрение этноса.

2.1. Семиотическая оппозиция в контексте традиционного костюма

Основы семиотического подхода к изучению культуры были заложены американским философом и логиком Ч. Пирсом и швейцарским учёным Ф. де Соссюром ещё в XIX в. Они предлагали рассмотрение и трактовку знаковых средств культуры как тексты, составленные с помощью кода и несущие определенную информацию, понятную для членов общества. С семиотической точки зрения, культура – это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество или данный народ под-

держивает свою сплоченность, оберегает ценности и своеобразие своей культуры и её связи с окружающим миром [Мечковская 2007: 394]. Развитие семиотики как науки о знаках и знаковых системах позволяет применить ее положения и в области изучения костюма, так как в народном костюме закодирована информация этноса и информация об этносе. В традиционном костюме любого этноса каждый элемент, являясь знаком и символом, расположен в соответствии с системой, отражающей традиционное мировоззрение. Целью информационно-знаковой системы костюма является разъяснение сущности и принципов существования, изменения или развития народного костюма, передача определенной информации от этноса в окружающую среду, а сам костюм – способом установления коммуникации между знаками и источником информации, благодаря чему создаётся определённое мнение о носителе костюма.

В мировоззренческих представлениях хакасов трехчастная модель мира, состоящая из верхнего, среднего, нижнего миров, лежит в образе «мирового древа». В традиционном костюме хакасов эта трёхчастность проявляется в орнаментальной композиции отдельных предметов, в декоре некоторых элементов, а также в костюме в целом. Так, например, в декоре спинки верхней одежды чётко выделяется вертикальная ось, которая является стволом образа мирового дерева. Трёхчастное деление этой вертикальной оси появилось в результате двукратной процедуры разделения орнамента спинки с использованием соответствующей терминологии. В названии таких узоров костюма в хакасском языке существуют понятия *үстүнсархы хоос* – верхний узор, и *алтынзархы хоос* – нижний узор [Кидиекова 1997: 27], подтверждающие пространственные оппозиции вдоль вертикальной оси, которых вдоль горизонтали мы не наблюдаем, поскольку в хакасском языке нет понятий, характеризующих, например, левые, правые узоры.

В хакасском традиционном костюме трехчастная модель нашла отражение в следующем: головной убор – верхний мир, пояс – средний, подол и обувь – нижний мир [Львова 1988: 23]. Особенно ярко оппозиция верха и низа была выражена в шаманском костюме, где головной убор, воротник являлись элементами защиты шамана. Головной убор шамана украшался перьями крупных хищных птиц, перья также прикреплялись к плечам костюма, которые тоже принадлежали верху, на ленты к шаманским костюмам пришивались антропоморфные фигуры и изображения животных, принадлежавших среднему миру, сами ленты изображали духов-помощников шамана [Иванов 1979: 155]. Подол одежды, к которому пришивались подвески с изображением змей, ящериц, драконов, относился к нижнему миру и связывался с земным началом. Наличие перьев в «верхнем мире» костюма объясняется широко распространенной в тюркоязычной среде семантикой птичьего образа как образа сверхъестест-

венных существ. Например, в хакасском героическом эпосе главных героев нередко сравнивают с птицей:

*Хан-тигірнің паарында
Ханат хаалап килчададыр.*

*Хайзы-хайзы чирде
Хургун күүлеп киледір –
Алты хулас сунны*

Теерпек ханаттыг Ах хооро ат.
[Майногашева 1997: 348]

В лоне неба-хана
Крылья взмахивают,
В далёком-далёком краю
Крылышки гудят –
То летит шестисаженный
Светло-каурый конь с округлыми
крыльями

Кроме того в хакасском мифе о сотворении мира присутствует утка – птица, которая может путешествовать по трём мирам: верхнему (летая по воздуху), среднему (устраивая гнездо на земле) и нижнему (плавая и ныряя в воде). В хакасском эпосе данная модель происхождения мира отражена в известной легенде о двух утках. Одна из них (Ўльген) посылает другую, Эрлик, за песком на дно реки. Песок, который первая утка получила от второй, она взбивает колотушкой девять дней, в результате образуется земля. Утка-Эрлик утаивает часть песка. И он превращается в высокие горы. В наказание за обман первая утка не даёт ей земли. Провинившаяся утка выпрашивает землю размером со след трости, протыкает землю и уходит в отверстие. Так были разграничены места обитания и сферы влияния.

Хакасская и, шире, древнетюркская соотнесенность головного убора с сакральным верхом прослеживалась в том, что головной убор являлся ритуальным атрибутом (при молении) и необходимой деталью одежды шамана. У народов Саяно-Алтая шапка при камлании шамана замещала человека, испрошенные души – хут, он помещал в шапку. Головные уборы выполняли роль ритуальной чаши, служили символическими носителями плодородия [Львова 1988: 177]. В хакасском фольклоре шапку уподобляли птице (верхний мир), например, «на верхушке высокого дерева сидит большая птица (загадка), ответ – шапка на голове» [Преловский 2003: 340]. В женской праздничной шапке хакасской свахи *түлгү пөрік* (букв.: лисья шапка) символ плодородия подчеркивается формой, похожей на чашу. Чаша, как символ плодородия, связана с культом богини Умай – покровительницы плодородия, детей и рожениц, которая в пантеоне тюркских богов занимала особое место. Тюрки Саяно-Алтая представляли Мать Умай в виде красивой женщины, которая спускается с неба. В культе Умай при проведении обряда обязательно использовалась небольшая чашечка, выполняющая определённую роль при камлании. Чашечка с молоком являлась непременной принадлежностью Умай, в освящённом молоке временно пребывала

душа ребёнка на пути следования в материнское чрево. Чаша, как сакральный атрибут, встречается на древнетюркских каменных скульптурах. Образ чаши (символ Умай) зафиксирован в форме нагрудника пого. Чаша является элементом одной из основных достопримечательностей г. Абакана (стела «Лора», расположенная у въезда в Абакан, изображает хакасскую женщину, протягивающую гостям города чашу). Иногда вместо чаши встречается образ птицы, в данном случае птица выступала символом связи с верхним миром. В тюркоязычной среде мотив птичьего облика сверхъестественного существа был широко распространён [Скобелев 1990: 156]. Символы и мотивы птичьего образа имели защитные функции. Например, покрой спинки хакасской верхней одежды по форме и декору напоминает крылья.

Информационным кодом, своеобразной границей с нижним миром в традиционном костюме хакасов являлся пояс «хур», которому придавалось большое значение. Согласно распространённым на территории Южной Сибири представлениям, повязанный на талии пояс был основным отличием людей среднего мира: небожители носили его под мышками, обитатели подземного царства – на бедрах [Львова 1988: 182]. В хакасских героических сказаниях термином «хур» (пояс) обозначалось объединение воинов, по всей видимости, по родственному признаку. Таким образом, в данном термине суммировались понятия «пояс», «круг», «защита» и т. д. Семантическое значение «защиты» пояса прослеживается в обычае обязательного подпоясывания всех мужчин, которые присутствуют на похоронах, и ношении вдовой траурного пояса на похоронах мужа (обычно замужней женщине подпоясываться запрещалось). Эти обычаи объясняются необходимостью закрыть свою душу, чтобы душа покойного не потянула ее за собой. Защитная функция пояса отражена и в поверьях хакасов: так, например, днём во время сна младенца, если дома никого не было, поперёк его колыбели клали пояс (*хур*), ночью же это делали в любом случае. Считалось, что пояс *паланың худын хайралапча* «охраняет душу ребёнка». Если все-таки ребёнок чего-то испугался, то над ним проводили специальные обряды – *хурайлапчалар*. Термин «*хурайлапчалар*» не имеет дословного перевода и обозначает процесс очищения от злых духов (от «*хурай*»), заклинание, которое использует шаман при камлании). Можно предположить, что слово «*хурай*» произошло от *хур* – пояс, что подтверждает его магическую силу.

К элементам одежды, относящимся к нижнему миру, принадлежали подол и обувь. Одновременно обувь олицетворяла и женское порождающее начало, плодородие. Например, в традиционной ветеринарии хакасов существовал способ лечения коров с помощью сапога, снятого с ноги женщины, родившей двойню, которая считалась отмеченной особой плодородной силой. Женщина по своей сути считалась более связанной с

нижним миром, поэтому ей не разрешалось надевать мужскую одежду, садиться на неё и перешагивать, поскольку подобными действиями «сүрнiң пасча» нарушалось правильное расположение верха и низа, что вело к болезни мужчины.

Важной функцией одежды была защитная. В прямом смысле – как защита от внешней среды, в магическом смысле – как защита от внешних, враждебных сил: «одежда являлась границей между телом (микрокосмом) и миром (макрокосмом) [Львова 1988: 175]. В традиционном мировоззрении хакасов, как и многих других народов, нательная и верхняя одежда воспринимается как покров, защита человека, живущего во втором, среднем, мире трёхчастной модели. Недаром в хакасском языке словом *кип* называют верхнюю одежду и послед новорождённого: *пала кип* – рубашка новорожденного. По представлениям хакасов, ребёнок, родившийся «в рубашке» (*киптиг төреен*), был наделен счастьем «талаан».

В одежде для магической защиты наиболее уязвимые места дополнительно защищались различными элементами: пуговицами, орнаментом, раковинами – каури. Например, большая перламутровая пуговица – *тана*, которой застегивали ворот рубахи, защищала *тын* «дыхание» – одно из проявлений души человека (до самой смерти, пока не «обрывалось дыхание»), а потеря пуговицы считалась плохой приметой, при продаже или дарении одежды пуговицу надо было отпороть. После смерти пуговицы срезались, надрезался ворот. Это нужно было для того, чтобы «выпустить душу», если этого не сделать, то умершего не примут в страну мёртвых [Бутанаев 1998: 29]. Возможно, в связи с этим в эпосах, чтобы подчеркнуть сильную усталость героев, хайджи (рассказчики алыптыг нымахов) прибегают к следующей формулировке:

*Хан Мирген, ир чахсызы,
Холтых мархазы холбацнап пары-
бысхан,
Чагаа хазаан мархазы
Салацнап, парыбысхан киледір*
[Майногашева 1997: 114].

У достойнейшего из мужей Хан-
Миргена
Пуговица у подмышки, болтаясь,
висит,
У воротника пуговица,
Повиснув, болтается

Мархазы, алацнап, парыбысхан киледір – ‘Пуговица, повиснув, болтается’ – весьма распространённая в эпосе поэтическая формула, к которой прибегает сказитель и для того, чтобы показать, как устал богатырь, как истрепалась его одежда, или же так иносказательно говорится о скорой гибели героя.

Следующий пример представлен в шаманском обращении к богине Умай, где шаман, спрашивая долгую жизнь детям, иносказательно говорит:

*«Пусть не рушатся их изголовья,
Пусть их ворота долго не рвутся,
Пусть застежки застегнуты будут....»* [Преловский 2003: 381].

Идеи целостности одежды и защиты человека у хакасов связаны с тем, что порванные вещи (*талалых кип-азах*) являлись принадлежностью мира умерших и становились целыми в их стране. Умерших людей хоронили в платье навыворот, а шубу надевали внутренней полкой наверх. В хакасском мировоззрении характеристики Нижнего мира противопоставлялись характеристикам среднего: «...любые непорядок, разрушение, ссора, порок притягивают обитателей нижнего мира. Поэтому нельзя пользоваться треснувшей посудой, носить грязную, рваную одежду, ходить с незастёгнутыми пуговицами,.. подавать вывернутое платье, перелицовывать одежду и т. д.» [Львова 1988: 43]. В хакасском языке целостность одежды обозначается термином «*пүдін кип-азах*» (букв.: целая, нерваная одежда). Слово «*пүдін*» в хакасском языке обозначает целостность, неразрушенность не только в отношении неодушевлённых предметов, но и в отношении человека, например: *пүдін халарга* «остаться невредимым».

Таким образом, внутренняя сущность, принципы существования и изменения хакасского традиционного костюма, основанные на картине мира, мировоззрении этноса, находят выражение в семиотической оппозиции «верхний – нижний», «целый – порванный». Традиционный костюм хакасов представляет собой трёхчастную модель мира, где каждый элемент расположен в соответствии с системой и является своего рода символом. Верхний мир нашел отражение в головном уборе и противопоставляется нижнему миру – обуви, подолу, которые имеют соприкосновение с землёй. Порванная нецелая одежда противопоставляется целой и является принадлежностью мира умерших.

2.2. Лексико-семантическое отражение в оппозиции внешней структуры хакасской традиционной одежды

Выявим лексико-семантические оппозиции, в которых находят отражение внешние прямые факторы, повлиявшие на название видов традиционной одежды. Оппозицию в хакасской традиционной одежде мы находим в отнесении ее к некоторым тематическим группам. Одежда отличается по назначению (повседневная, и праздничная); сезону (зимняя, летняя); соответствию полу (женская и мужская); возрасту (детская и взрослая); семейному положению (девичья одежда, одежда замужней женщины); материальному положению (одежда бедняков и богатых) и др. На одежду свой отпечаток накладывает и возраст ее обладателя. Кос-

твом пожилых людей, как правило, неярко, скромно, а молодые предпочитают более красочные цвета.

Для обозначения общего понятия одежды в хакасском языке и его диалектах существуют два слова: составное собирательное слово *кип-азах*, называющее и одежду, и обувь, и отдельное слово *кип* – только ‘одежда’. Термин *кип-азах* образован синтаксическим способом, который предполагает создание нового слова путем сочетания отдельных значимых слов и является парным словосочетанием. Образование парных слов в хакасском языке является продуктивным видом словообразования. Например: *ис-пай* ‘имущество, богатство’, *маймах-өдiк* ‘обувь’, *ыр-кöг* ‘веселье’ *чурух-сүбүрек* ‘тряпё, лоскуты’, *игiр-нүгүр* ‘извилистый’, *иңе-çип* ‘швейные принадлежности’. Компонентами подобных парных терминов являются только слова, относящиеся к одной и той же части речи. Часто они входят в один синонимический ряд. В термине *маймах-өдiк* ‘обувь’ мы обнаруживаем диалектную лексическую оппозицию, то есть здесь объединены слова, относящиеся к разным диалектам хакасского языка. *Маймах* – относится к качинскому диалекту, *өдiк* – к сагайскому. Оба слова сегодня функционируют в современном литературном языке на правах синонимов. Термин *кип* ‘одежда’ – исконно тюркская лексема. Она распространена во многих тюркских языках и используется в древнетюркских памятниках. В Древнетюркском словаре *кед-* ‘надевать’. *Er ton kedti* – ‘Мужчина надел халат’. *Kedgi, kedim* – ‘одежда, одяние’ [ДТС 1969: 162]. По всей видимости, данный термин имел основу *кий-/кей-*. Подтверждение этому мы находим в других тюркских языках: алт., каз., кирг. *кийим* ‘одежда, одяние’. Слово *кийим* образовано от основы глагола *кий-* ‘надевать’ путем словообразующего аффикса *-им*, образующего существительное. В хакасском языке в значении «носить», «надевать», используется глагол *кис-/кизерге*, образованный от вышеупомянутой основы, так как специфической особенностью хакасского языка является то, что в определённой группе слов во всех диалектах употребляется *с/з* в середине слов вместо *й* в алтайском и других тюркских языках. Например: хак. *асхыр*, алт. *айгыр* ‘жеребец’, хак. *хазын*, алт. *кайын* ‘береза’. В хакасском языке в значении «надевать, одеваться» кроме слова *кизерге* используется слово *тонанарга*, сохраняющее семантику древнетюркского слова *тон* ‘платье, одежда’. Древнетюркское слово *тон* в современном хакасском языке сохранилось в более узком значении – «шуба», за исключением кызыльского диалекта, где данное слово сохранило семантику древнетюркского языка и используется в значении «одежда, платье» [Абдина 2009: 14]. В данном случае мы представляем диалектную семантическую оппозицию слова *тон*, в литературном языке оно используется в значении «шуба», т. е. верхняя одежда, в кызыльском диалекте хакасского языка это слово используется в значении натальной одежды.

Шуба *тон* была основной универсальной одеждой хакасов, использовавшейся во все времена года. Вот что пишет о шубе А. А. Кузнецова: «Покрой инородческой шубы, которая зачастую носится и летом, очень своеобразен и главным образом приспособлен для верховой езды» [Кузнецова 1898: 156]. Подтверждение тому, что шуба являлась основным и значимым комплексом традиционного костюма хакасов, мы находим в языковом материале: основой глагола *тонанарга* ‘надевать, одеваться’ является *тон* ‘шуба’.

Для обозначения разновидностей шуб в хакасском языке существует группа составных терминов, компонентом которых является слово *тон*. Названия видов хакасских шуб *тон* можно оппозиционировать по следующим параметрам: цвет, длина, социальная принадлежность. Примечательно то, что оппозиционирование по социальной принадлежности выражается в материале изготовления.

Цвет *ах-хара* (белый–черный):

ах тон (букв.: белая шуба) – нагольные шубы из натуральной неокрашенной овчины;

хара / харалтхан тон (букв.: чёрная / очернённая шуба) – вычернённые или крытые шубы.

Длина шуб *узун – содаң* (длинный–короткий):

узун тон – длинная шуба;

содаң тон – короткая шуба (букв.: куцая, обрезанная, короткая шуба).

Социальный статус обладателя определяется по материалу изготовления:

хырна тон – потёртая шуба (букв.: хырна – кожа, к которой снята шерсть; сырцовая кожа);

талбах тон – 1) шуба из телячьей шкуры (плохо обработанной); 2) фольк. шуба бедных людей (букв.: талбах – телячья или коровья шкура низкого качества) [ХРС 2006: 581]. То есть, *хырна тон*, *талбах тон* относятся к шубе бедняков, в оппозицию к шубе богатых людей.

Кис тон – соболиная шуба. Данный вид шуб практически исчез к нашему времени. Для названия соболя в современном хакасском языке используется слово *албыга*, а старое общетюркское название соболя *киш/киис* используется только в словосочетании *кис тон* – соболиная шуба.

Мужские и женские хакасские шубы имели практически одинаковый покрой и форму что объясняется тем, что женщина участвовала в скотоводческом кочевом хозяйстве наравне с мужчинами и не была ограничена домом (юртой), а также тем обстоятельством, что наиболее удачные формы одежды, приспособленные для климатических условий, были удобны и не изменялись на протяжении многих столетий. Как отмечают многие исследователи, различия в мужской и женской одежде появились

позже, в результате ее эволюции, а одинаковый покрой женской и мужской одежды считается архаической чертой, и в исследованиях исторического и теоретического плана именно такие формы одежды представляют наибольший интерес [Сухарева 1979: 4] В связи с этим, гендерных оппозиций в наименованиях верхней хакасской одежды выявлено не было, в отличие от нательной плечевой одежды *кӱгенек*. Термин *кӱгенек* используется как для мужской рубахи, так и для женского платья. Для их различения дополнительно приводятся слова *ир* (букв.: мужчина) и *ипчи* (букв.: женщина). Покрой мужской рубахи незначительно отличается от покроя женского платья: мужская рубаха намного короче, наплечники и обшлага традиционной мужской рубахи шьются из одной и той же ткани, а в женском платье – из ткани другого цвета, украшенной своеобразной вышивкой. Предпочтительным цветом для женской одежды был красный, его оттенки и другие теплые цвета; для мужской – синий и оттенки холодных цветов. Считается, что красный цвет символизирует здоровое потомство, а синий – удачу в охоте. Ткани с крупными фабричными рисунками обычно использовали для пошива мужских рубах, а с мелкими – для женских.

Следует отметить приспособленность кроя хакасского платья к условиям жизни: оно было широким, сзади опускалось шлейфом, что было удобно для верховой езды; широкие рукава не сковывали движения, а длинный узкий манжет был удобен при занятиях домашней работой. В таком платье было не жарко летом, так как из-за своей ширины оно хорошо пропускало воздух. В народном костюме особенно ценилось удобство, более того, в костюме сохранялись лишь элементы, отвечающие этому требованию: «По показаниям самих инородцев, преимуществом национальной рубахи является то, что она шире, свободнее, не стесняет движения при верховой езде и вместе с тем обтягивает плечи и плотнее прилегает к ним» [Кузнецова 1898: 116]. Таким образом, только в названиях *ир кӱгенегі* и *ипчи кӱгенегі* прослеживается гендерная оппозиция, в остальных видах одежды ее обнаружено не было.

Использование оппозиции, как способа языковой интерпретации действительности, позволяет выявить в традиционном костюме хакасов противопоставления во внутренних и внешних факторах, повлиявших на формирование костюма. Внутренняя сущность костюма, основанная на мировоззрении этноса, находит выражение в семиотической оппозиции *устунсархы-алтынсархы* (верхний – нижний), *пӱдін – талалых*, (целый – порванный). Порванная нецелая одежда противопоставляется целой одежде и является принадлежностью мира умерших в противопоставление миру живых людей. К внешним факторам, формировавшимся под воздействием природно-климатических условий и форм хозяйствования хакасов, отнесены словарные дефиниции лексем традиционной одежды,

являющихся репрезентантами оппозиций, характеризующих длину одежды: *узун – содаң* (длинный – короткий), ее цвет: *ах – хара* (белый – черный), социальную принадлежность *хырна тон – потёртая шуба, талбах тон – шуба из телячьей шкуры (шубы бедных людей), кіс тон – соболья шуба (шуба богатых людей)*, гендерную принадлежность: *ир – ипчі* (мужчина – женщина).

Таким образом, мировоззренческие маркеры языковой интерпретации оппозитивных особенностей национального костюма в традиционной культуре хакасов представлены в двух семиотических оппозициях, противопоставляющих мир умерших в мир живых людей: *устунсархы – алтынсархы* (верхний – нижний), *пүдін – талалых*, (целый – порванный). Костюмная терминология в хакасском языке представлена также в визуальных и социальных оппозитивных парах, характеризующих длину и цвет одежды, а также социальную дифференциацию по категориям богатства/бедности и гендерной принадлежности.

ГЛАВА III. ВЫРАЖЕНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: ВНУТРЕННИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ

Глава посвящена определению места, роли категории эвиденциальности в хакасском и других языках и описанию внутренних семантических оппозиций. Эта категория – коммуникативная и прагматическая – выполняет незаменимую роль в любом естественном языке, и очень важно сначала рассмотреть это обстоятельство на материале разных (по структуре) языков. Во вводной части в примерах представлен материал хакасского, русского и хантыйского языков.

В основной части описываются играющие конструктивную роль элементы плана содержания, другими словами – семантические оппозиции, определяющие структуру категории эвиденциальности в хакасском языке. Относительно каждого выявляемого эвиденциального значения указываются основные средства его выражения. Далее, вся система эвиденциальных средств хакасского языка сопоставляется с аналогичными системами других языков для определения ее типа.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к природе языковых явлений, лежащих в основе языковой способности человека. Необходимо определить основные черты категории эвиденциальности как функционально-семантической и прагматической. На примере языков разной структуры нужно показать наличие множества признаков проявления, разнообразных средств выражения названной категории. Особенно актуальным является применение результатов анализа конкретных (групп) языков в типологических исследованиях. Учет материала хакасского языка позволяет построить развернутую типологию языков, в частности в отношении специально маркируемых эвиденциальных значений, дополнить список средств их выражения. Такой подход обогащает представление о том, как организованы эвиденциальные системы в языках различного строя; позволяет понять, как устройство эвиденциальной системы в том или ином современном языке связано с историческим развитием семьи и группы языков.

3.1. Понятие языковой эвиденциальности

Под эвиденциальностью (или засвидетельствованностью) понимают указание на источник или способ получения информации, а также выражение изумления при неожиданном обнаружении. В лингвистике достаточно давно утвердился особый взгляд на эвиденциальность: она стала рассматриваться как категория, отличная от категории модальности. Наиболее последовательно эта точка зрения проведена в следующих работах: [Jakobson 1957; Leech 1971; Panzer 1973; Popela 1973; Meunir 1974; Pete 1976; Lyons 1977; Palmer 1979, 1986; Givon 1982; Janhunen 1982; Reuthes 1985; Темпоральность. Модальность 1990; Козинцева 1994; Николаева 1995; Gencheva 1996; De Lancey 1997; Плунгян 2000; Каксин 2010–2016; Ефремов 2010, 2014; Данилова, Ефремов, Самсонова 2013].

Эвиденциальные системы многих языков уже описаны, и достаточно подробно – именно в последнее десятилетие, когда пришло осознание, что эвиденциальность можно анализировать саму по себе, безотносительно к модальности. Эвиденциальные средства большого числа языков были в центре внимания авторов коллективного труда, вышедшего в Санкт-Петербурге [Эвиденциальность 2007].

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставляя себя в качестве первого и/или единственного источника информации. В современных языках есть много других оттенков эвиденциальности, средства выражения которых восходят к формам наподобие аудитива, в одних случаях, и к формам перфекта (или результата) – в других. Не все из них «строго укладываются» в следующие формулы: в них содержится «эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации» [Плунгян 2000: 321] и «неожиданное обнаружение ситуации трактуется как особый способ получения информации о ней» [Плунгян 2000: 324].

Возможно, стоит поискать еще какую-нибудь формулировку, дополнительную, например, «отгораживание/отвлечение от произносимой информации», или «отрыв от действительности», или иную в подобном роде. Возможно, для некоторых коннотаций эвиденциальности подойдут другие, дополнительные, формулировки типа: эти формы указывают на «убежденность говорящего в чем-либо» или, напротив, выражают «отрыв от действительности», «отгораживание/отвлечение от произносимой информации».

Эвиденциальные значения констатируются в том случае, если есть указание на источник сведений о ситуации или неожиданность информации для говорящего: личное наблюдение описываемых событий, желание говорящего «снять с себя ответственность» за достоверность сообщаемой

информации; пересказ; цитирование; «заглазность»; инферентив (суждение по результату); адмиратив; сомнение (предположение); визуальные и прочие сенсорные, а также *эндофорические* источники информации; презумптив; выражение общих истин; засвидетельствованность [Плунгян 2000: 321–325].

Проблеме наличия специальных эвиденциальных форм (призванных выражать соответствующую семантику) в современном финно-угроведении уделяется много внимания. Исследовались разные аспекты данной проблемы, и авторы приходили к определенным выводам по происхождению и развитию искомым форм, их функционированию и семантике в современных финно-угорских и самодийских языках. Так, в отношении языков пермской и волжской групп, еще со времени выхода работ Б. А. Серебrenникова, установилось мнение, что выражение эвиденциальной семантики – это одна из функций определенных временных форм глагола. В частности, глубоко изучив материал коми языка, Е. А. Цыпанов писал следующее: «П прошедшее время исторически является относительно поздним образованием, возникшим на основе причастия прошедшего времени на *-ом/эм*, употреблявшегося в функции сказуемого». Глаголы в этой форме выражают «тройственную семантику – чисто результативную (статальный перфект), чисто эвиденциальную, неочевидную (квотатив), и смешанную, когда результативность и эвиденциальность своеобразно дополняют друг друга» [Цыпанов 2005: 159, 163].

Несколько иная линия просматривается в других работах по финно-угорским и самодийским языкам: в них принято выделять эвиденциальность как отдельную, самостоятельную категорию и далее рассматривать уже частные значения этой, сложно устроенной, категории [см., напр.: Erelt 2002; Ильина 2013; Урманчиева 2016; Агранат 2016: 130–138].

Материал хантыйского языка под этим углом зрения подробно рассматривает Марта Чепреги, занимающая промежуточную позицию (в ее работах употребляется термин *эвиденциальная модальность*). Судя по результатам ее исследований, как живое явление эвиденциальность представлена преимущественно в северных диалектах, тогда как в восточных диалектах она сохранилась только в фольклоре [Csepregi 2014: 211].

Если исходить из общих моментов познания, то различие между двумя категориями вполне очевидно: при выражении модальности предполагается, что говорящий в курсе того, о чем он говорит (он владеет информацией, информация исходит от него, сведения принадлежат ему, знание присвоено им); при выражении эвиденциальности, напротив, – говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т.п.). Мы согласны с мнением специалистов по самодийским и финно-угорским языкам, что категория эвиденциальности (или засвидетельство-

ванности) в этих языках развита (грамматикализована) по сей день (а зародилась она еще в праязыке): «... генетическую структуру глагольной категории засвидетельствованности самодийских и юкагирских языков мы раскрываем как с древности присущую традиционным культурам самодийцев и юкагиров коммуникативно-ментальную оппозицию видимого и невидимого» [Ильина 2013: 32].

В большинстве прибалтийско-финских языков данная категория исторически восходит к формам перфекта (и плюсквамперфекта): «Специальные морфологические показатели эвиденциальности имеются только в эстонском и ливском, тем не менее в других прибалтийско-финских языках эвиденциальные значения могут выражаться грамматически (синтаксически)» [Агранат 2016: 130–131].

Думаем, что определению содержательного компонента эвиденциальности может способствовать изучение исторического пути аудитива в самодийских языках: интересны не только «момент появления» этих своеобразных форм, но и причины трудностей в их использовании у современных носителей, к примеру, селькупского языка: «Сейчас, к началу XXI в., о существовании этих [аудитива, кондиционалиса и дебитива] категорий, выражаемых синтетически, с помощью определенных суффиксов, молодые даже не подозревают, хотя эти категории еще живы. Подобные факты исчезновения названных категорий объяснимы скорее всего внутриязыковыми процессами, однако нельзя исключить и влияния русского языка...» [Кузнецова 2007: 58].

Итак, при выражении эвиденциальности говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т. п.). Далее, для иллюстрации, приводятся примеры казымского диалекта хантыйского языка (преимущественно – из наших записей разговорной речи).

Предваряя изложение наших результатов, приведем суждения по вопросу о неочевидном наклонении в близкородственном хантыйскому мансийском языке. Эти положения содержатся в начале и концовке статьи известного финно-угроведа Е.К. Скрибник: «Для мансийского языка характерно предикативное употребление причастных форм; в роли финитного сказуемого зафиксированы все три мансийских причастия – настоящего-будущего времени на =н, прошедшего времени на =м, прошедшего времени пассивное на =им(а)». Указанные формы – миративные, т. е. это «формы передачи информации..., не вписывающейся в картину мира говорящего» [Скрибник 1998: 197, 212].

В хантыйском языке, так же как и в других, самых разных, языках, рассматриваемыми формами всегда выражается один специфический оттенок эвиденциальности: неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо/чего-либо. Эту семантическую вариацию

можно назвать адмиративной, и проявляется она по-разному, в зависимости от ситуации. Основных коннотаций две: неожиданное обнаружение действия и, часто неприятное, открытие каких-либо качеств разных людей (и предметов). Во втором случае это обнаружение может быть или ироническим (преднамеренным, «случайным»), или констатирующим, якобы неожиданным (например, в устойчивых формулах лесты / восхваления); ср. русск.: *Так вот ты какой, северный олень!*; *О, мудрейший, слава о тебе идет по всей Земле!*

На материале казымского диалекта хантыйского языка более подробно рассмотрим несколько оттенков (коннотаций) адмиративного значения. Само это значение в общем виде формулируется как «удивление, изумление при обнаружении чего-то необычного, удивительного». Во всех подобных случаях за источник информации выдаются сами обстоятельства, при которых стало известно о ситуации: восприятие органами чувств внезапного действия; изумление при догадке о каком-либо событии; восхищение чем-либо, достойным восхищения (на чей-то взгляд); неожиданное обнаружение чьих-то отличительных черт, выдающихся качеств.

В качестве иллюстраций приводятся отрывки из наших записей разговорной речи казымских ханты. В структуре таких фраз глагольной формы может не быть (эти случаи приводятся в конце статьи). Но чаще всего глагол присутствует (с таких примеров мы и начнем), и больше всего в нашей подборке предложений, в которых присутствует служебный (вспомогательный) глагол **vöi-** ‘быть, существовать, наличествовать’. Еще немного о формальной стороне: в наших записях много примеров, представляющих два синтаксических типа: конструкция может осмысляться как активная или пассивная (различие между активной и пассивной конструкцией осуществляется и на уровне глагольной формы, но только в 3-ем лице). Есть свои нюансы в отношении темпоральности: в равной степени используются обе грамматические формы времени, но часто реальное настоящее выражается при форме прошедшего времени (в этом случае налицо, видимо, – перфект).

Итак, начнем с фраз, в которых используется та или иная глагольная форма (во всех случаях имеется морфологический показатель эвиденциальности).

Käj, xätlev vera ši xöt'a=t=at! ‘Ох, как солнце **ярко уже светит, оказывается!**’

Говорящий изумляется при обнаружении яркого света солнца (можно предположить, что действие происходит летом, яркий свет солнца – ожидаемая ситуация, просто говорящий только сейчас это заметил). Нужно отметить, что важную роль в данном случае (как и во многих последующих) играют междометия и восклицательная интонация, с которой произносится фраза.

Lüiv muj χutaś atma neri=t=al?! ‘Он, что, как-то плохо себя ведет, что ли?!’

Näj oljenan töp išak jasad mǎn=t=al! ‘О тебе только хвалебные речи ведут, однако!’

Väj, śi arat śi voś=m=an nin! Jankeṃ χir, isipa!? ‘Ну, и набрали вы ягод, оказывается! Мешков десять, наверное?!’

Говорящий удивлен темпами сбора ягод людьми, к которым он приехал. Глагол – в форме прошедшего времени эвиденциалиса. Следует отметить, что здесь, как и в предыдущем примере, значительна роль полифункциональной частицы *śi* ‘и; ну; вот; ну и; вот и; как; да’.

I-i, muj arat χülñ, tǎm, pit=m=emñ! ‘О, как много рыбы нам попало, оказывается!’

Формально конструкция пассивная (глагол стоит в соответствующей форме, содержится имя объекта в местно-творительном падеже: *hulñ* ‘рыбой’), но семантически воспринимается как активная. На русский язык, для усиления эвиденциального значения, переводим с помощью маркера ‘оказывается’ (хотя подходит и слово ‘однако’).

Vaj, śi χurasup utatñ näj mojlu=m=en! ‘Ух ты, какие замечательные вещи тебе подарены, оказывается!’

Здесь конструкция пассивная; адмиративное значение создается, как и в предыдущих случаях, употреблением эмоциональных междометий, частиц, местоимений, наречий меры и степени (*vera* ‘очень’, *śi arat* ‘так много’, *śi χurasup* ‘какой неподобный’ и др.).

Tǎm, muj χurasup vön sōχ χoj=m=al, vanta! ‘Вот какой большой осётр попался, смотри!’

Ja, in tǎm kelen śit taka śi möñχas=m=al! ‘Да, ну и связалась (крепко в узел) эта веревка!’

Öt, nin vüš tǎm joxmana jañ=m=an! ‘О, да вы уж до этого бора ходили, оказывается!’

Далее, рассмотрим другой ряд примеров, иллюстрирующих реализацию адмиративного значения в казымском диалекте хантыйского языка. Обратим внимание на то, что почти во всех случаях во фразе присутствует вспомогательный бытийный глагол в форме прошедшего времени эвиденциалиса (показатель **-m-**). Эвиденциальность проявляется в следующем: в ситуации восхищения чьими-то качествами, свойствами говорящий, действительно, желает выразить, обычно в скрытом виде, мысль о том, что «не только я, а все вокруг уверены в этом» («это – всеобщая точка зрения»; «это мнение исходит от Всевышнего»).

Śi pa völ=m=en! ‘Какой же всё-таки ты (нехороший)!’

Эта фраза применяется почти всегда, когда некто открывается с нехорошей стороны. Следующий ряд примеров также иллюстрируют вышесказанное.

Ši pirs iken šī pa kōsaj vōt=m=al! ‘Этот старик до чего же выносливый, оказывается!’

Интересный пример – следующий: некто рассказал своему брату о том, как он долго хранил присылаемые продукты, не делаясь ни с кем. Ответной репликой брата было:

Ši pa šakar iki nāṅ vōt=m=en! ‘Какой же всё-таки скупой ты был, оказывается!’

В этом случае вполне уместно понимать время, выраженное в глаголе, как действительно прошедшее (если человек изменился, и сейчас он не скупой). Но в большинстве случаев при использовании формы прошедшего времени выражается фактическое настоящее:

Pa šī lūv pilala mānum utl utšam χō vōt=m=al! ‘И тот, увязавшийся за ним, дурачком оказался!’

Ma χuti nōmassum – lūv šīmas šī vōt=m=al! ‘Как я и думал – он таким и оказался!’

Vāj, muj χurasup sorni müvijenan liv šī vōt=t=el! ‘Ох, на какой же благодатной земле они живут, оказывается!’

Ši χuti numsaṅ pa veškat lūv vōt=m=al! ‘А он ведь такой умница, такой честный человек!’

Jina, šī sanχumlan šeṅk kāršat pa šīvaṅ šī vōt=m=el! ‘Да, действительно, эти обрывы оказались высоки и мрачны!’

Одной из самостоятельных разновидностей адмиративности является оттенок разочарования: согласно предшествующему опыту или предварительной информации говорящий (или другой участник события) ожидал одно, а реально наблюдается – совсем другое.

T’e, multi vürn tāta iški, χōšumli vōt=m=al! ‘Эх, как холодно, неуютно здесь, оказывается!’

Hāj, multi pāta šit tiv termatijlsüv?! Vońsumat tāta āntōm vōt=m=al! ‘Ну вот, и зачем мы сюда спешили?! Ягод-то и нет здесь, оказывается!’

Vante, tāta šop ušχül’ vōt=m=al! Pa nāṅ ānt evalsan! ‘Ну, что, весело здесь, оказывается!? А ты не верил!’

Иногда указанная ситуация корректируется немного в другую сторону: думаешь о чем-то привычном, имеешь в голове какое-то устоявшееся (отрицательное, негативное) мнение, а выходит наоборот.

Vante, muj ušaj šivi ampije vōt=m=al! ‘Ты смотри, какая умная собака оказалась!’

Sora šī nāṅ jurēmu=m=en! Ma šit in vōnta nōmlem ‘Быстро же ты забыл, однако! Я вот до сих пор помню’.

Наконец, в казымском диалекте (особенно широко – в разговорной речи) обнаруживается много случаев, когда во фразе отсутствует любая глагольная форма. В этом случае адмиративное значение (о некоем событии, свойстве стало известно случайно, неожиданно; это было открыти-

ем) вытекает исключительно из контекста, определяется в основном интонацией:

Şi pa tak sâmpur lüv xö! Nemaltijn änt paknallen! ‘Какой же он смелый человек (оказался)! Ничем его не напугаешь!’

Jina, vön, xüv pajli müvat evalt – isa jām numas! ‘О, от широких просторов – всегда успокоение (умиротворение)!’

Muj, küş kepa jilup löxas versan, aŋken-aŋen töp numasn şı! ‘Что, хоть новых друзей завел, только мать и отец на уме?!’

Тюркологи, в том числе специалисты по хакасскому языку, также много писали о глагольных формах (тюркских языков), выражающих эвиденциальность, часто – без подробного анализа, просто терминологически фиксируя именно эту семантическую роль разбираемых форм [Карпов 1966; Грамматика хакасского языка 1975; Кызласова 2001, 2006]. В частности, много писали об эвиденциальных формах тюркских языков (форме на **-(п)тыр** и ее аналогах) и о значениях, ими выражаемых: это обозначение «косвенной принадлежности» информации говорящему лицу и, соответственно, указание на источник или способ ее получения, а также – выражение неожиданности действия (события, информации) для говорящего [Дмитриев 1962; Насилов 1983; Тыбыкова 1991; Ооржак 2002; Шамина 2002, 2005; Чертыкова 2005; Johanson 2003; Баджанлы Эйюп 2005; Ефремов 2010; Кызласова 2010; и др.].

Для примера – выдержки лишь из нескольких работ последнего времени.

«Некоторые тюркологи считают, что хакасская форма прошедшего времени на =ган является аналогом турецкого прошедшего субъективного времени на =mis. Как известно, форма на =mis указывает на факт совершения действия в прошлом, подчеркивая при этом субъективный характер информации. В хакасском языке это значение передается формой прошедшего «заглазного» на =тыр» [Боргоякова 2002: 186–187].

«В тугальском говоре среднечулымского диалекта встречаются формы прошедшего времени на -(G)A(n), прошедшего (миратива) – на -(Ip)tŋr ...» [Лемская 2010: 35].

Грамматические средства тюркских языков, задействованные для выражения эвиденциальных значений, представлены разнообразно, наиболее распространённой из них является глагольная форма на **-тыр** как в хакасском, так и в других тюркских языках. Пример из алтайского языка: *Јастыра айдып ийип калтырым, ачынбаар, карганай* ‘(Я) неправильно (нечаянно) сказал, оказывается, не обижайтесь, бабушка’ [Тазранова 2011: 192]. Данный пример наглядно показывает, что алтайский глагол **ий** = ‘посылать, отправлять’ в функции вспомогательного глагола часто употребляется в эвиденциальных конструкциях (способствует выраже-

нию значения «действие совершено неосознанно, оно прошло мимо внимания говорящего»).

Об эвиденциальных формах в алтайском языке (во многом аналогичных формам хакасского языка) более подробно было написано ранее. «В зону маркированной прямой засвидетельствованности, помимо формы на **-ды** (недавно-прошедшее), входят и другие специализированные формы: настоящее эвиденциальное на **=адыр**, передающее непосредственное восприятие в момент речи, и серия форм с частицей **эди**: *Tv-ган эди* – засвидетельствованное отдаленное прошедшее, *Tv-атан эди* – засвидетельствованное прошедшее хабитуальное (регулярно повторяющееся действие в прошлом). ... Косвенная засвидетельствованность выражается совмещенно с миративностью формой на *-нтыр* (устар.) и производными от нее частицами *болтыр*, *болуптыр*, *эмтир*. Появление миративного значения обусловлено теми же параметрами, что уже многократно описывались в типологической литературе: миративность проявляется в высказываниях от 1 и 2 л., а также в случаях, когда из контекста ясно, что имело место непосредственное наблюдение, тогда как при поступлении информации извне (пересказ) доминирует значение неполной достоверности информации. ... Усилить миративный компонент можно также с помощью частицы *не* (*эмтир не*, *болтыр не*)» [Скрибник, Озонова 2007: 546–547].

3.2. Эвиденциальность в языках разной структуры. Оппозиция «цитирование – приблизительный пересказ»

Способы передачи чужой речи – еще не вся эвиденциальность, это – одно из значений эвиденциальной сферы. Рассматривая модальность и эвиденциальность по отдельности, можно видеть, что последняя имеет достаточно много специфических способов выражения, да и объем ее в тексте – довольно значительный. Об этом говорят, в частности, данные исследователей русских старожильческих говоров Сибири: «на произвольно выбранные 50 с. текста приходится около 90 фрагментов, содержащих чужую речь» [Гынгазова 2006: 33].

Русский язык, безусловно, насыщен разнообразными выразительными средствами для передачи эвиденциальных значений. Мы хотим показать несколько способов выражения в тексте значения *пересказа* (введения в текст чужого мнения, создания формул отсылки). Для русского языка, как никакого другого, особенно характерно, что формулами отсылки могут выступать пословицы и поговорки русского народа. Очень часто они вводятся в текст без всякой дополнительной *протезы*: (1) Не я, Надин, не я. Суровые законы бытия. *С волками жить – по-волчьи выть*. (Здесь и

далее – примеры из повести современного российского прозаика С. Луцко «Варианты Надежды Вилоровны»).

Часто эти формулы, если они особо устойчивы, могут и усекаться, и сокращаться, а предшествуют им своего рода *протезы*: *Не зря говорят*: с кем поведешься...

Говорящий может спорить с чужим мнением, с другим взглядом на положение дел, и тогда противоположная точка зрения органично встраивается в собственный текст: (2) Нет, друзья, дело не в строе, а в менталитете, доложу я вам! *Страна господ, страна рабов*.

В русском языке есть также особые *вводные* слова (словосочетания, предложения), которые указывают на существующее общее мнение: (3) Сдержанно кивает, идите, *мол, такое дело*.

Передача чужого мнения может сопровождаться и его названием: (4) Отец полушутливо отвечал, *зри, дескать, в корень, еще Козьма Прутков учил*. (5) В поле вольное, на зелену траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зелена трава?.. Мираж один, *фата-моргана*. (6) Гуд бай, любимый! Больше не звони, *не искушай меня без нужды!*. (7) Да и скучный он какой-то, вялый, будто полудохлая рыба. На таких людей у Надежды аллергия. *Типичное не то, как сказала бы Лиля*. (8) Я только для себя. Хотя *некоторые говорят, что зарываю талант в землю*.

Итак, речь идет прежде всего о категории косвенной эвиденциальности, которую, как мы полагаем, можно рассматривать «в отрыве» от категории модальности. (В русистике, как известно, эти две категории или рассматриваются совместно, неразрывно, или эвиденциальность анализируется «по остаточному принципу», *после* модальности). Более конкретно нами будет проведено сравнение различных стратегий подачи эвиденциальной информации в русском и хакасском языках. Эвиденциальную информацию, безусловно, можно подавать методом прямого цитирования, но этот случай мы склонны интерпретировать как модальность вложенного текста. Далее логически из наших рассуждений вытекает, что первым случаем собственно эвиденциальности служит явление косвенного цитирования. И вот это косвенное цитирование может проявляться по-разному, в зависимости от стиля, сверхзадачи конкретного автора. Главное, что в самом языке имеются разные способы и средства выражения категории эвиденциальности, в целом, и отдельных его значений, в частности.

Категория эвиденциальности неизбежно появляется в любом естественном языке, потому что (или: как только) возникает потребность в тексте, создаваемом говорящим, подавать, отражать информацию, исходящую не от говорящего, или неожиданную для него. Понятно, что в общем объеме текста эвиденциальная часть может занимать очень небольшой объем (текст всегда идет от говорящего), но это обстоятель-

ство не является основанием для отмены категории эвиденциальности. При этом эвиденциальная информация, безусловно, часто также оценивается говорящим (говорящий выражает свое отношение), и только эту оценку возможно отнести в область модальности (именно – субъективной модальности). Эвиденциальную информацию, безусловно, можно подавать методом прямого цитирования, но этот случай мы склонны интерпретировать как модальность вложенного текста. Далее логически из наших рассуждений вытекает, что первым случаем эвиденциальности служит явление косвенного цитирования. Причем это косвенное цитирование может проявляться также по-разному, ср.:

В. В. Путин сказал, что в Великобритании и во Франции тоже временами не все благополучно с демократией. Он имел в виду, что и там часто разгоняют митинги и демонстрации.

В тексте, созданном журналистом, можно было сказать именно так (употребив конструкции косвенной речи). Все высказывание носит обтекаемый, нейтральный, почти официальный характер, здесь нет авторской позиции. Но журналист написал следующим образом, с привлечением средств эвиденциального контекста (и авторское отношение проявляется в полной мере):

Не так уж сложно представить, что услышала бы злая актриса из уст национального лидера. Еще пару фраз об энергетических углях. Еще пару ссылок на Лондон и Париж, где дела обстоят, представьте, куда как хуже. (В. Надеин, 4 июня 2010 г., www.ej.ru).

В русском языке словами, указывающими на вводимую далее эвиденциальную часть, служат не только глаголы говорения и союзы типа ‘что’, но и слова *мол, дескать, де, якобы, оказывается* и другие, а также некоторые междометия, напр., *Ну надо же! Ба! Вот так да!* Общим правилом употребления этих средств в русском языке является их постановка в начало фразы; важнейшую роль играет также интонация. Возьмем, к примеру, ситуацию – начальник распекает подчиненных, отсутствовавших на собрании:

Ну надо же! Им, видите ли, не хватило стульев!

Тот же смысл по-хакасски выражается несколько иначе (междометие может отсутствовать, а в начало фразы ставится обязательное отглагольное слово):

Көріңердек, оларга одырчыктар читпеендир! ‘Смотрите-ка, им стульев не хватило, оказывается!’

В хакасском языке, кроме указанной конструкции, есть еще одно яркое средство выражения эвиденциального значения – конструкция с участием вспомогательного глагола *пол-* ‘быть’ в настоящем времени:

Ол кичее көп одың чар салган полча ‘Он, якобы, вчера много дров наколот’.

В хакасском языке семантика эвиденциальности (модальности пересказывательности и некоторых других) рассредоточена и выражается средствами, принадлежащими разным уровням языка. В частности, значение кажимости, которое в других языках может выступать как одно из значений специального наклонения (эвиденциалиса), в хакасском языке выражается с помощью уподобительного аффикса-послелого *-даг*:

«Обнаруживая психологическое содержание сущности человека, форма *-даг* чаще всего присоединяется к глаголам со значением внутренней возможности, намерения субъекта действия: *Магат чиис соонда ол тележкаларны трактор даа чох тарт чӱргедег* (Ит, 9) ‘После хорошей еды он, кажется, тележки и без трактора сможет потащить’» [Кызласова 2006: 29].

Другие семантические оттенки эвиденциальности, в частности, те, что связаны с пересказыванием, выражаются в хакасском языке разными другими средствами:

«Категориальные ситуации пересказывательности в хакасском языке выражаются различными средствами, принадлежащими к лексическому (модальные предикаты), морфологическому (форма пересказывания *-тыр*), лексико-синтаксическому (вводно-модальные слова, словосочетания; условные конструкции), лексико-грамматическому (модальный глагол + *-тыр*) уровням» [Кызласова 2010: 71].

Для иллюстрации приводятся предложения из произведений художественной и публицистической литературы:

«*Анзы нӱр дее ниме чогыл тӱп обалланча* (У, 43) ‘Тот клянется, что у него ничего нет’... *Син чиитсӱн, мин сагынганда, тогынарга прай оңдайларың нар* (У, 44) ‘Вы молоды, по-моему, работать у вас имеются все возможности’... *Андаг, хысхачахти чоохтаза, Минсуг городтың те-ен парган чыллары* (Ыа, 186) ‘Таковы, коротко говоря, прошедшие годы города Минусинска’...

«Как видим, пересказывательная модусная рамка имеет свои рамочные предикаты: глаголы речи, глаголы интерпретации речевой деятельности, глаголы мнения; вводно-модальные конструкции, которые передают либо слова самого говорящего, либо слова другого лица» [Кызласова 2010: 74–75]. Далее исследователь переходит к морфологическому и лексико-грамматическому способам выражения пересказывательности в хакасском языке. «Когда в общем контексте высказывания отсутствуют лексические или лексико-синтаксические средства, указывающие на передачу чужой речи, то для придания высказыванию характера чужого утверждения используют грамматические формы пересказывания *-тыр*: *Имнег туразынаң сыхханда, музейзер нар китӱр* (Пао, 75) ‘Когда вышел из больницы он, говорит, что сходил в музей’...

В хакасском языке возможно также параллельное употребление лексических и грамматических средств выражения засвидетельствованности: – *Сагдай Сабизин чоо сох салтырлар тинчелер* (Ба, 34) ‘– Говорят, что Сагдаевского Сабиса сильно побили’.

«В хакасском языке вызывают интерес конструкции с глаголами речи в пересказывательной форме *-тыр*, которые выражают «двойную засвидетельствованность». Ср.: (1) «*Пар*», – *теен ол*. ‘Иди, – сказал он’. – (2) «*Пар*», – *тинтир ол*. ‘Иди, – сказал, видимо, он’» [Кызласова 2010: 75].

Лингвистический анализ подобных формулировок показывает, что категория эвиденциальности – действительно сложное явление в языке. В ходе анализа фактического материала исследователь часто вновь и вновь возвращается к проблеме соотношения в системе языка модальности и эвиденциальности. Данная мысль В. А. Плунгяном была сформулирована следующим образом: «у лингвистов нет оснований ни объявлять эвиденциальность простой разновидностью эпистемической модальности, ни трактовать эвиденциальность и эпистемическую модальность как ничем не связанные категории» [Плунгян 2000: 325].

В упомянутом труде В. А. Плунгян перечисляет все разновидности эвиденциальности: это инфертив (действие констатируется по его результату), цитатив (прямое цитирование, косвенная речь), значения прямой и косвенной засвидетельствованности (неочевидности, «заглазости»), миративное и адмиративное значения (с оттенками удивления, недоумения, сарказма, восхищения чем-то неожиданным или необычным). В Грамматиках самых разных языков названные значения принято объединять как эвиденциальные и миративные (исходя из общих правил, логично предполагать наличие синкретичных, эвиденциально-миративных значений).

Ярко «показать» на материале русского языка эти значения можно, но придется привести достаточно много примеров: в русском языке эта семантика «распылена» на большое число семантических элементов, морфологических форм, синтаксических конструкций, а самое главное – интоном (под интономой в данном случае следует понимать *интонационный рисунок фразы*).

Вот начальник, призвавший на ковер подчиненных, не присутствовавших на общем собрании, в ответ на оправдательное «Нам не хватило стульев», произносит эмоциональную «эвиденциально-миративную» фразу:

– **Ну надо же!** Вам, видите ли, не хватило стульев!

Вот совсем уж избитая русская фраза, выражающая нарочитое удивление, «неожиданное» обнаружение:

– *Так вот ты какой, оказывается, северный олень!* [шрифтом выделены лексические и интонационные средства выражения *эвиденциальности* и *миративности*].

Кроме сочетания ‘видите ли’, в русском языке имеются другие лексические средства выражения эвиденциальности и миративности, и многие из них могут быть вводными компонентами предложения: ‘дескать’, ‘де’, ‘якобы’, ‘глядь’, ‘глянь’, ‘однако’, ‘оказывается’, ‘говорят’, ‘(не) похоже’. В произведениях хакасских писателей можно найти немало фраз с эвиденциально-миративной семантикой, и их переводы на русский язык также содержат соответствующие компоненты:

Көрзе, анда идök илiн парған халбастан турча (Ба, 18) ‘**Видит**: там также, прицепившись, барахтается (птичка)’. – *Хоортай ага, Сабисті хасхылар чоо саап салтырлар* (Ба, 29) ‘Дедушка Хоортай, Сабиса бандиты **убили, оказывается**’. *Тадылыг нимені киптенерін азынадох сизінчеткен тіл полтыр аның* (Ка, 38) ‘У него язык, **оказывается**, заранее чувствует, что будет есть нечто вкусное’.

Одним из оттенков эвиденциальности является значение сбывшегося (или сбывающегося) предположения. В хакасском языке эта семантика выражается глагольными и сопутствующими именными и служебными лексемами, а в русском – словами типа *похоже, кажется (кажись), не иначе*:

Ол мині туюххан поэң тыгыныбысхан поларзың тіп көксеен ‘Он меня ругал, мол, втихушку сам сожрал, **наверно**’. *Тарбаган хол пазында пір дее тіріг ниме халбады полар, я?* (Ка, 89) ‘На вершине лощины Сурка **наверно** не осталось ничего живого, да?’

В этих примерах значение предположения даёт глагол *пол-* ‘быть’ с аффиксом будущего времени *-ар*. Вспомогательный глагол *пол-* ‘быть’ также участвует в выражении притворного поведения человека: *Кічіг Хара чул пазы саңай пасха саринда нимес пе? – киртiнминчеткен поллыбысты оолагастың чистезі* (Ка, 89) ‘А **разве** Хара чул **не** в другой стороне? – **как будто** и не поверил дядя мальчика’.

3.3. *Оппозиция «очевидность – неочевидность»*

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, очевидность действия относится с глагольной категории, выражающей время и вид действия, это глагольные формы, не указывающие на источник информации. Примеры: *Че, палам, чуртазыңда настагызын на тапхан тайга аарларының мөбдiн амзап көрдек* (Ка, 66) ‘Ну, мой сын, попробуй-ка мед таежных пчел, которых ты нашел первый раз в жизни’. *Ічезі ле поэң хырыспазын тіп, сала-сула хапхланып алған* (Ка, 39) ‘Только чтоб мама его не ругала, он немного перекусил’. *Ічең, хапхланаң, астабыстым, – тібістім* (Хч, 1999, 78, 5) ‘Мама, давай перекусим, я проголодался, – ска-

зал я'. *Палазы азыранарга хынминча, көмес ле нимістеніп алча* '(Его) ребенок не хочет кушать, только немножко поест и все'. *Мына Күлчүк чазыг отнаң нимістен тур* (Птн, 35) 'Вот Кулчук (кличка лошади) ест свежую траву'. *Мин азылган хахпах, пүүрлерге салдатхан мал сөбктері чили, ап-арыг чат халар* (Ка, 62) 'Щебень, который я принес, останется лежать совершенно чистым, как обгрызанные кости скота'. *Че, ибзер кіріп, үгре оортаңар* 'Ну, давайте, зайдя в дом, суп хлебать' (Ах, 12). *Оолахтың көб түс парған, чей ле оортап салча.* – 'Настроение мальчика упало, только чай пьет'.

Неочевидность же действия выражается путём прибавления соответствующей эвиденциальной формы к глагольному корню. Популярны также иные средства проявления неочевидности действия, характеризующие восприятие неочевидного действия через другие источники: пересказ, выводы из очевидных фактов и т. д. Также имеется много средств, позволяющих говорящему «отгораживаться от действия», делать отсылку, указывать источник информации. Тем самым эвиденциальные формы подразделяются по степени достоверности информации, которая определяется наблюдателем по тем или иным характеристикам поведения субъекта. Анализируя примеры с подобной семантикой (или перевода такие предложения с хакасского языка на русский), приходим к выводу, что самым употребительным словом русского языка в аналогичных контекстах является лексема «оказывается».

Как показывает фактический материал, наиболее частотные глаголы, принимающие форму **-тыр/-дир** выражают:

а) движение субъекта: *Волостьтаң сурагыч килтір* (Ыа, 79) 'Из волости следователь **приехал, оказывается**'. *Кычың Пычонның хойын чар парарга килтір* (Ыа, 250) 'Кычин **пришел, оказывается**, чтобы отделить овец Пычона';

б) чувственное восприятие: *Оолагастың даа тадылыг мөйт чирі килібіскенге төйіп нилдирген* (Ка, 18) 'Показалось, что и мальчику захотелось поесть сладкого мёду'. *Пу чоохты И.А.Побызаков улугларынаң истір* [Ит] 'Этот рассказ, **оказывается**, И. А. Побызиков **слышал** от своих старших'. *Тадылыг нимені киптенерін азынадох сизінчеткен тіл полтыр аның* [Ка, 38] 'У него язык, **оказывается**, заранее чувствует, что будет есть нечто вкусное';

в) зрительное восприятие: *Аар-неер харахсынзаң, таглар хойраххайрых хырларынаң харах читпесче сөб тармыл парыбыстырлар* (Чт) 'Если оглядываешься туда-сюда, горы своими неровными вершинами **протянулись, оказывается**, так, что глаз не достает';

г) физическое действие: *Арчымахтың түбін тизе киртібісті* [Хчн, 23] 'Дно мешка сгрыз насквозь'. *Пүүр пазын мөкөйте тудыбыстыр... Ікінчизін аңның мойнына урухты кире тастабыстыр* (Чт) 'Волк голову

опустил, оказывается... Во второй раз аркан на шею зверя закинул, **оказывается**';

д) психическое взаимодействие: *Эне зе, Хапың, таныс полтырзар. Арса, пірее чаргы-чахаан пирген поларлар? – сурча Хапыңнаң* (Ыа, 262) **'Вот оно что, Хапын, вы знакомы, оказывается.** Может быть, какое-то указание они дали? – спрашивает у Хапына'; *Сын ... саңай чабас пар-тыр, – сыбырананған Сабис* (Ыа, 85) **'Правда ... совсем смиренный стал, оказывается, – шептал Сабис'** и др.

Формально показатели **-дыр/-дiр; -тыр/-тiр**, несущие значение «ока-зывается», являются наиболее распространенными и выступают в составе глаголов и модальных предикатов, выражающих:

а) различные физические действия, например, *Аңчыл кiзi, iкi азахтыг сошказын чапчаң тургызып, мылтиин киртiгiне салып, кiстеп килiп, хыйлаан пазыбыстыр* (Чт) **'Охотник, быстро поставив свою двуногую сошку, свое ружье наставив на плечо, целясь, нажал на курок, оказывается**'. *Кiккiлiнiң кибiн хызычах хара плистең тiктiр* (ам сала хоор пар-тыр) (Ытт) **'Одежду для куклы девочка шила, оказывается, из чёрного плиса**'. *Кiккiлiнiң тоны тиин теерiзiнең хураалалтыр. Тойга, iлiкiңге кисчен пай тоны одыр* (Ытт) **'По краям шубы куклы нашита, оказывается, шкурка белки. Это, оказывается, шуба, которую одевали на свадь-бу, на праздник**';

б) ментальные действия: *Ичелерi, уучалары паза пичелерi хызычахтар-ны кiстенiп iгретчең охастар* (Ытт) **'Матери, бабушки и сестры старались учить, оказывается**'. *Пiр дее кiзi тузында аның чазын иттеп санабиндыр* (Ит) **'Ни один человек в свое время не считал, оказывает-ся, сколько ему лет**';

в) поведенческие действия: *Мин, сала маай арах кiзi, одырғанча, чи-иттер нымзах орыннарга толдыра одырыбыстырлар* (Чт) **'Пока я, мед-лительный человек, заходил (в автобус), молодежь, оказывается, заняла все мягкие места**'. *Ирепчi кiзiлер, ол хустарны иледе чапсып кiрiп, ту-рып алчаң полтырлар* (Ит) **'Супруги долго, с удивлением глядя на этих птиц, заставались обычно, оказывается**';

г) другие психофизические действия и состояния человека: *Ол тын даа ыраххы тус полбаза, чон чаахнаң на тузаланчаң полтыр* (Ит) **'Хоть это было совсем недавно, люди, оказывается, пользовались толь-ко луками**'. *Чарыста уттырза, Сур Албутха Халтарын пирiбiзерге кир-рек полтыр* (Ит) **'Если Сур оставался побежденным в соревновании, он должен был, оказывается, отдать Албуту своего коня Халтара**'.

1827 чылдагы устаг-настаг реформа хоостыра Асхыс iстiндегiлер Кузнецк (Аба тура) уездiнең Минсуз уездiне киртiрлер (Ит) **'По управ-ленческой реформе 1827 года аскизские (т. е. жившие на территории Ас-киза) с Кузнецкого уезда перешли, оказывается, в Минусинский уезд**'.

Ол агас суз үстүнзер чада өскен полтыр (Ит) ‘Это дерево **росло, оказывается**, прямо над водой’.

По вышеприведенным тюркским примерам видно, что значение, передаваемое по-русски словом *оказывается*, в исходном языке заключено в глагольной форме (которая может быть синтетической). В тюркских языках имеются и специальные лексические конкретизаторы, соответствующие русским *оказывается, мол, дескать, де, однако, видать, похоже на то* и др. Однако зачастую в предложении они избыточны. Например, одним из самых распространенных эвиденциально-миративных слов тюркских языков является слово *инес/инеш* ‘оказывается’. В сборнике «Başkirica» (2004) помещена статья Т. М. Гарипова «Тюрко-Славика в «Слове о полку Игореве», написанная в 1996 году. В числе прочего в этой статье автор дает оценку этимологиям Олжаса Сулейменова относительно некоторых *темных мест* в «Слове о полку Игореве». Свои замечания Т. М. Гарипов сгруппировал в три рубрики, и во второй группе, о вполне мыслимых, но недостаточно доказательных этимологиях О. Сулейменова, пишет как раз о предложении (протографе) со словом *инес*. Однако в хакасском языке употребление данного слова не замечено.

«Восстановленный, по мнению Сулейменова, протограф: *бусоврамне блеснь скана болони беша дебрь кисан ю инес ошлюк син* – ‘бусурмане: знаешь, как вернуть разум? Пять железных пут омой, мстливый ты’ – есть первое тюркоязычное предложение, обнаруженное в славянском источнике до XIII века. Не забудем о ... поправке на пять веков. Попутно дарим Олжасу свою этимологию *инес* из башкиро-татарского *имеш* / казахского *эмис* – *мол, оказывается*» [Гарипов 2004: 124].

По нашему мнению, доньине сохраняющееся в тюркских языках слово *инес / инеш / имеш / эмис* ‘мол, оказывается’ в свое время перешло в другие языки, в т. ч., например, в хантыйский язык (в виде *нэш*, с тем же значением ‘мол, оказывается’). Пример: хант. *Щи па щякар няң, нэш, бөлмен!* ‘Вот какой скупой ты, **оказывается!**’

Эвиденциальность и миративность есть выражение определенными языковыми средствами следующих значений: событие (или действие) пересказывается; о чем-то рассказывается, но говорящий сам не наблюдал ситуацию; действие оказалось неожиданным для говорящего лица. Есть и другие, более частные, оттенки этих значений, и один из них ярко иллюстрируется следующим примером из сагайского наречия (по-современному – сагайского диалекта хакасского языка):

Кан Кудай салган поэң

Кара чердің үстіндәги

Канга чарас полдың ыја,

Карак четпәс чергә парып!

‘Ты сам по изволению Господа Бога,

Отправившись в дальнюю страну,
Пригодился, ведь, тому Царю,
Который правит (сею) черною землею’.

Выделенный фрагмент, строго говоря, имеет значение «подтвердившееся предположение», с изрядной долей восхищения, неподдельного, но нарочитого изумления. Перед нами – разновидность значения засвидетельствованности (эвиденциальности) с добавочным смыслом оттенка неожиданного обнаружения, изумления (миративности). Как видим, в сагайском наречии все это выражается глаголом в форме недавно прошедшего времени (на -ды) в сочетании с утвердительной частицей *ыја* ‘ведь; же; однако же’.

Кроме ярких, эмоционально окрашенных частиц подобного рода в современном хакасском языке имеются специализированные глагольные аналитические формы для выражения эвиденциальности и миративности. Многие из этих форм имеют аналогии в других тюркских языках, в частности, в алтайском языке. Укажем только, что соответствующие алтайские формы и конструкции описаны достаточно подробно, и обратимся к материалу другого агглютинативного языка – хантыйского, в котором для выражения названных значений существует форма специального наклонения. Эта форма по происхождению – форма зависимого сказуемого (т. е. инфинитная), но, попадая в позицию главного (финитного) сказуемого, она приобретает способность выражать эвиденциальные, или миравитивные, или эвиденциально-миравитивные значения.

К понятиям финитности/инфинитности исследователи обращаются при описании грамматического строя многих разноструктурных языков: эти понятия составляют содержание категории *репрезентации*. Употребление данной терминологии позволяет более точно характеризовать функции глагольных форм.

Финитными называются все формы «собственно глагола», глагола в узком смысле этого термина, которые в предложении бывают простыми глагольными сказуемыми. Финитным формам противопоставляются инфинитные, которые в разных языках представлены очень разными – и количественно, и качественно – наборами форм (причастия, деепричастия, герундии, супины, имена действия). В хантыйском языке система инфинитных форм небогата: здесь всего одно деепричастие (с показателем =ман) и два причастия. Эти инфинитные формы, однако, способны выступать в функции конечных глагольных форм в предложении. Именно это обстоятельство позволяет говорить о наличии в хантыйском языке наклонения неочевидного действия и особых, статально-перфектных, форм на =ман.

Традиционно «наклонение» по отношению к «времени» считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит

после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определенному наклонению. Материал множества языков (в том числе хантыйского и мансийского) позволяет говорить об определенной схеме взаимоотношений двух названных категорий. Наклонение и время в этих языках можно рассматривать как одну гиперкатеорию «наклонения-времени». Целесообразность такого подхода отстаивается многими лингвистами, особенно теми, кто занимается языками агглютинативного строя.

С точки зрения формальной логики парадигмы косвенных наклонений не должны включать субпарадигмы времен (иными словами, глагол в косвенном наклонении не должен изменяться по временам). Но в описательных грамматиках разных языков нередко говорится о том, что какое-либо наклонение (в дополнение к индикативу) имеет временные формы. Например, в якутском выделяется наклонение неосуществленного действия с временными планами прошедшего и будущего, в алтайском языке условное наклонение также имеет две группы форм: настояще-будущего и прошедшего времени. Часто в парадигмы косвенных наклонений втягиваются индикативные формы, которые при этом регулярно употребляются с определенного рода вспомогательными элементами. Другой случай: в противовес индикативу вырабатываются формы наклонений эпистемологического плана. Их можно назвать и косвенными, но носят они своеобразный характер, выражая эвиденциальные и митаривные значения. Хантыйский язык в этом плане представляет показательный пример: «эвиденциально-митаривное» наклонение в нем – это и есть инфинитные по происхождению формы, но стоящие в позиции конечного сказуемого. Примеры:

Liw älmönti wera ši päl-t-el ‘Они словно бы сильно боятся’; *Tum joɣlan ši juɣtjil-t-el, ašem lupl* ‘Те люди и приезжают, оказывается, (как) отец говорит’; *Ši ɣänneɣöjen müŋ ɣotewn, neš, wöl-t-al* ‘Этот человек в нашем доме, оказывается, живет’; *Lüw ɣülaŋ náaŋ wer-t-al* ‘Она рыбный пирог делает, оказывается’; *Ašem ewel l’awta-t-al* ‘Отец (мой) дочь (его) ругает, оказывается’; *Näŋ ɣolla-t-en!* ‘Ты плачешь, оказывается!’; *Ma ul-t-em tálaŋ at má!* ‘Я сплю всю ночь не просыпаясь, оказывается!’; *Towijn táŋ juɣanen wütŋa eptijl-t-al* ‘Весной эта река широко разливается, оказывается’; *Min jajumn töp kisarn junt-t-enn* ‘Мы только с братом (двое) в карты умеем играть, оказывается’; *Ma, neš, julta ɣäs-t-em* ‘Я, оказывается, сзади остаюсь’; *Näŋ, neš, mis pösti änt ɣoš-t-en* ‘Ты, оказывается, корову доить не умеешь’; *Puɣem kamn junt-t-al* ‘Сын мой на улице играет, оказывается’; *Piti nüxs, piti woj ar ši täj-t-al!* ‘Черного соболя, черного зверя сколько много имеет, оказывается!’

Итак, наклонения реалиса реализуются исключительно через набор временных форм. В большинстве языков представлено одно реальное

наклонение, которое в грамматиках этих языков называется изъявительным, или индикативом. Так обстоит дело в русском, английском, немецком и многих других языках. Но в языках бывают и другие наклонения реализа. Так, в нанайском языке нейтральному изъявительному противопоставляется очевидное наклонение, значение которого – «подчеркнутая очевидность, достоверность действия». Для формального выражения значений эвиденциально-миративной сферы, как показывает пример хантыйского языка, могут использоваться (и широко используются) инфинитные формы глагола в функции конечного сказуемого.

Проявление оппозиции «очевидность – неочевидность» в хантыйском языке видится, прежде всего, в противопоставлении форм индикатива и форм одного из наклонений эвиденциального ряда, латентива. Хантыйский латентив традиционно вписывают в ряд косвенных наклонений, где, кроме него, – императив, адхортатив, оптатив, кондиционалис, конъюнктив.

Латентив обозначает действие, неочевидное для говорящего, т. е. действие, которому говорящий не был непосредственным свидетелем. В латентиве различаются формы прошедшего и непрошедшего времени (показатели **-m** и **-t**, соответственно). В парадигму латентива входят также пассивные формы, легко образующиеся для 3-го лица прошедшего времени; число при этом выражается обычными числовыми показателями:

Күраң вой пәл вүрн сырантаят вушисат. Лыв тыв эпалн сѳхт =ум=ат ‘Над лосиным ухом роями жужжали мухи и оводы. Их сюда запахом привлекло’.

Настоящее время пассива латентива также образуется, но по диалектам отмечены только формы единственного числа (3-го л.):

pusi әn ni-ti ǫxijel әn ni-t-i [Николаева 1995: 130] ‘Хвост не виден, голова не видна’.

йw тухәр-ti [Николаева 1995: 130] ‘Дверь закрываема’.

По нашим наблюдениям, хотя и реже, но встречаются и формы неединственного числа (двойственного и множественного):

(каз.) *lin šiw woχ-t-an* ‘Они-двое туда званы (их туда зовут)’.

Пассивные формы 1-го и 2-го лица, по-видимому, плохо совместимы с семантикой латентива как наклонения. В архаическом языке (песенных фольклорных текстах) встречаются конструкции, в которых логический субъект выражен местоимением 1–2 л., латентивный предикат имеет лично-притяжательный показатель, как у активного латентива, а агенс выражен формой номинатива, например: *S aj ampi l’asәη тұr at tu-t-en* ‘Пусть тебя понесет звонкое горло маленькой собаки’. Такие конструкции можно считать пассивом латентива 1–2 лица. Они являются исключительно редкими, никогда не употребляются в обычном языке и обычно оцениваются носителями языка как правильные (Николаева 1995: 130–131).

Всегда в пассивной форме латентива употребляются медиальные глаголы. Эти глаголы обозначают состояния природы, физическое или психическое состояние человека: **ицкат**- ‘похолодать’, **мелкат**- ‘потеплеть’, **ёлхумт**- ‘стать прохладным’, **тэванла**- ‘успокоиться’, **этарма**- ‘стать морозным и ясным’, **йилат**- ‘стать прохладным’, **хохат**- ‘стать знойным’, **патла**- ‘стемнеть’; **вуюмт**- ‘уснуть’, **кирупта**- ‘покрыться коростой, болячками’, **вот**- ‘посесть’, **сохарма**- ‘проголодаться’ и др. Для этих глаголов возможен только пассивный тип спряжения:

Ма юхатмемн упем ил вуюмтум ‘Когда я пришел, сестра уже уснула’.

Латентив возможен и для стативного вида, в результате появляются составные формы, которые образуются с помощью деепричастия на **-ман** и латентивной формы глагола бытия. Наиболее частотными являются формы прошедшего времени стативного латентива активного залога. Пассивный залог в случае стативного латентива, по-видимому, в принципе невозможен, а формы настоящего времени являются крайне редкими:

Вулэнг охал кирман волмал ‘Нарта запряжена’.

Мунг юхатмевн ци вонши взварман волмал ‘Когда мы пришли, эта сосна была уже срублена’.

Синтетическая форма, однако, в данном залоге отсутствует противопоставление субъектного – объектного спряжения; и к этому наклонению применяется больше всего разных терминов: латентив, абсентив, адмиратив, миратив. По самой общей формулировке, формы латентива обозначают действие, неочевидное для говорящего, т. е. действие, которому говорящий не был непосредственным свидетелем [Николаева 1995: 126]. Эта формулировка достаточно объемна, она в полной мере представляет инвариантную семантику латентива, проявляющуюся по-разному в более конкретных, частных случаях [Каксин 2010: 121–142].

При некоторых дополнительных условиях (соответствующей временной форме, определенной лексической семантике глагола) латентив очень близок по значению перфекту, ср. фразы носителей собского (S) и полуйского (P) говоров обдорского диалекта:

S хўнти ма јѳхѳтсѳм, оѳем јонтѳс јернас ‘Когда я пришел, мать шила платье’ (индикатив), но:

хўнти ма јѳхѳтсѳм, оѳем јернас јонтѳмал ‘Когда я пришел, мать уже сшила платье’;

P мѳ улѳмна вѳнсѳм, имѳм јѳхѳтѳмал, миѳ луѳ пилѳна улѳка хуѳѳат сослѳтѳн ‘Мне приснилось, что ко мне приехала жена, и мы с ней идем по улице’.

Одно из значений латентива (выражение действия, которому говорящий не был непосредственным свидетелем) обнаруживает близость с семантикой форм стативного вида; это своеобразные синонимы. Известно, что стативные конструкции образуют и транзитивные, и ин-

транзитивные глаголы, хотя первые, конечно, – чаще (Николаева 1995: 150); ср.:

(каз.) *Хон ма верласум, нан вуш йирсалу*=ман воллан ‘Когда я проснулся, ты уже был связан’;

(каз.) *Хон мунг юхлы керласув, ащем хуца яял юхат*=ман вол ‘Когда мы вернулись, к отцу пришел (букв. был пришедши) брат’.

По этим примерам видно и то, что согласование по категории времени (между глаголами в двух частях предложения) необязательно; хотя именно в этих случаях была бы более уместна форма прошедшего времени служебного глагола во второй части (йирсалуман восан, юхатман вос).

Отличие значения форм латентива от значения форм статива заключается в том, что латентивные формы не выражают значение состояния как результата предшествующего действия. Для показа этого различия попробуем преобразовать одно из предложений подобного типа в конструкцию с латентивной формой:

(каз.) *Ма юхатмемн упем ил вуюм*=ман вол ‘Когда я пришел, сестра спала’; но:

Ма юхатмемн упем ил вуюм=м=ал ‘Когда я пришел, сестра уснула’.

В первом предложении выражается мысль о том, что сестра уснула некоторое время назад и к приходу брата «была заснувши», и ее состояние сна – результат предшествующего действия «засыпания», а во втором – просто констатируется, что сестра спит, но это обстоятельство скорее всего не ожидалось (если ситуация происходила днем), либо оно ожидалось (если ситуация происходила ночью), а для говорящего она все-таки была бы нужна в бодрствующем состоянии.

Применительно к лексико-грамматической характеристике глагольно-го слова это положение формулируется следующим образом: в отличие от стативных форм, формы латентива могут образовываться для любых глаголов, а не только для глаголов с предельной семантикой, и могут сочетаться с различными обстоятельствами (времени и образа действия), которые характеризуют само действие (Николаева 1995: 126). В стативных конструкциях могут быть только обстоятельства, обозначающие длительность состояния.

3.4. Оппозиция «неожиданность действия (свойства) – восхищение якобы неожиданным свойством»

В любом языке модальные и вводно-модальные слова (и сочетания), а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составле-

ния толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов, междометий и т. п.). Поскольку в последнее время общепринятым является ограничение эвиденциальности и миративности от модальности, считаем необходимым добавить к списку подобных функтивов также (вводно-)эвиденциальные и (вводно-)миративные слова и сочетания. В частности, достаточно много слов и сочетаний с указанной семантикой мы находим в имеющихся словарях тюркских языков. К примеру, словарей хакасского языка разного рода – достаточно много, вышел уже и двуязычный словарь академического типа [ХРС 2006]. В последнем содержится определенное количество эвиденциальных и миративных слов, например, усечённая форма местоимения **нога** ‘почему’, которая употребляется обычно в разговорной речи:

Ноо I 1. *мест.* 1) что; *ср. ниме; ноо кирек* ‘что нужно’; *ноо полды* ‘что случилось’; *нооны чаратсаң, аны аларбын* ‘что позволишь, то и возьму’; *ноодыр?* ‘что это?’; *ноодаң полды?* ‘отчего это?’; / *ноо ниме а)* ‘что это; б) кто это’; *ноо ниме чадыр* ‘что лежит’; *ноо ниме пілген аның чойлана-рын* ‘кто знал, что он будет лгать’; *ноо даа кізі* ‘любой, каждый человек’; 2) какой; *ср. хайдағ; ноо кирекнең* ‘по какому делу’; *ноо тоғысха хынчазың* ‘какая работа тебе нравится’; *ноо кізі ол* ‘кто это такой, какой это человек’;

2. *нареч.* зачем, почему; *ср. ноға; ноо килдің* ‘зачем [ты] пришел’; *ноо паргазың* ‘почему [ты] ушел’; *ноо даа полза* ‘хоть что’; *ноо полза, ол ползын* ‘будь, что будет’; *ноодаң даа* ‘как бы то ни было, во что бы то ни стало’.

Ноо II 1) *част. препозит.-усилит.* что за, какой; *ноо ниме полды а)* ‘что произошло?’; б) ‘что за оказия?’; *ноо кізі а)* ‘кто это?’; б) ‘что за человек?’; *ноо туза* ‘что за польза, какая польза, что толку’; 2) *част. постпозит.-утверд.* да, же; *ол ноо* ‘да это же он’; *хазыр ноо* ‘да и строгий же’; *тынанар ноом* ‘да отдохну же я’; *піске кірген син полган нооң* ‘да ведь у нас ты же был’; 3) *в постпозиции употр. для образования формы собирательности: см. ниме* (в 3 знач.) [ХРС 2006: 283].

Однако ХРС не может отобразить в полной мере эвиденциальную (или миративную) семантику слова. В приводимых примерах, у того же слова **ноо I–2**, эвиденциальное значение затемнено. А в нижеследующих предложениях, взятых из текста художественного произведения, эвиденциальность проявляется в полной мере. Подобными случаями мы и предлагаем иллюстрировать эвиденциальность (или миративность) в специальном словаре (эвиденциально-миративной лексики).

Ол ам мінің сазым чуларх ноо? (Чх, 27) ‘Теперь она мои волосы **будет выдирать, что ли?**’

Кізі улуг род полчаңох ноо! – теен Манон Петрович (Чх, 76) ‘У чело- века большой род тоже бывает, **видимо!** – сказал Манон Петрович’.

Анфиза, Таназар хази кирп, теен: «Хасхы айланган ноо!» (Чх, 77)
‘Анфиза, взглянув пронзительно на Тану, сказала: «Беглянка **вернулась, оказывается!**»

Рассматриваемый материал хакасского языка подтверждает общую закономерность: в языках мира наиболее часто встречаются показатели низкой вероятности (=неожиданности), что прагматически естественно: говорящие, скорее, склонны эксплицитно маркировать случай нарушенных, чем случай подтвердившихся ожиданий. Показатель «эпистемической неожиданности» имеет специальное название – адмиратив; он встречается в глагольных системах многих языков мира, в частности, в балканских языках (албанском, турецком, болгарском), где он впервые и был обнаружен [Плунгян 2000: 311].

Сам термин «адмиратив» был, как считается, изобретен французским поэтом и филологом-балканистом Огюстом Дозоном в конце XIX века для характеристики соответствующей глагольной формы албанского языка; название связано с тем, что в число основных значений этой формы входит как выражение эпистемической неожиданности, так и выражение высокой интенсивности (т.е. значения эпистемической и качественной оценки совмещены), что не вполне типично для подобных показателей, которые обычно выражают скорее «удивление», чем «восхищение». Поэтому с типологической точки зрения, может быть, более удачным является термин *миратив*... Следует добавить также, что значения эпистемической неожиданности очень часто выражаются кумулятивно с фазовыми значениями в составе показателей фазовой полярности (типа ‘все еще’, ‘так и не’ и т. п.), находящихся, таким образом, на пересечении аспектуальной и модальной зон [Плунгян 2000: 311–312].

Итак, соотношение между различными формами хакасской эвиденциальности может быть описано следующим образом: в целом эвиденциальность и отдельные ее виды (разновидности) морфологически не маркированы, но последние так или иначе формально обозначены (за той или иной разновидностью эвиденциальных значений закреплена своя система форм, или это значение выражают определенные регулярные формы, включая лексические).

Следует обратить внимание на то, что в самых разных языках всегда выражается еще один оттенок эвиденциальности: неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо / чего-либо. Во втором случае это «обнаружение» может быть констатирующим, или ироническим («случайным»), или преднамеренным, т.е. якобы неожиданным (например, в устойчивых формулах лести/восхваления): *Какой же ты все-таки дурак!; Так вот ты какой, северный олень!; О, всемогущий Владыка! Широко растекается по Земле слава о мудрости Твоей!*

3.5. *Оппозиция «предположение (по общему мнению) – кажущееся действие»*

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставляя себя в качестве первого и/или единственного источника информации. В современных языках есть много других оттенков эвиденциальности, средства выражения которых восходят к формам наподобие аудитива, в одних случаях, и к формам перфекта (или результиativa) – в других. Не все из них «строго укладываются» в следующие формулы: в них содержится «эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации» [Плунгян 2000: 321] и «неожиданное обнаружение ситуации ... трактуется как особый способ получения информации о ней» [Плунгян 2000: 324]. Возможно, для некоторых коннотаций эвиденциальности подойдут некоторые другие, дополнительные, формулировки типа: эти формы указывают на «убежденность говорящего в чем-либо» или, напротив, выражают «отрыв от действительности», «отгораживание/отвлечение от произносимой информации».

Полагаем, что содержательную сторону категории эвиденциальности (категории, отличной от категории модальности) целесообразно анализировать с позиций логико-когнитивного подхода. Язык в данном случае рассматривается как инструмент и результат человеческого познания (познания мира, во всем многообразии). Когнитивный подход позволяет рассматривать вопрос: в чем глубинные, исходящие из необходимости категоризации мира, истоки появления категории эвиденциальности. Логика поможет объяснить, почему теми же формами, которыми выражались такие значения, как называние действия по звуку (аудитив), стали выражаться и другие смыслы, которые сейчас входят в число эвиденциальных.

Если исходить из общих моментов познания, то различие между двумя категориями вполне очевидно: при выражении модальности предполагается, что говорящий в курсе того, о чем он говорит (он владеет информацией, информация исходит от него, сведения принадлежат ему, знание присвоено им); при выражении эвиденциальности, напротив, – говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т. п.). Мы согласны с мнением специалистов по самодийским и финно-угорским языкам, что категория эвиденциальности (или засвидетельствованности) в этих языках развита (грамматикализована) по сей день (а зародилась она еще в праязыке): «генетическую структуру глагольной категории засвидетельствованности самодийских и юкагирских языков мы

раскрываем как с древности присущую традиционным культурам самодийцев и юкагиров коммуникативно-ментальную оппозицию «видимого и невидимого» [Ильина 2013: 32].

В большинстве прибалтийско-финских языков данная категория исторически восходит к формам перфекта (и плюсквамперфекта):

«Специальные морфологические показатели эвиденциальности имеются только в эстонском и ливском, тем не менее в других прибалтийско-финских языках эвиденциальные значения могут выражаться грамматически (синтаксически)» [Агранат 2016: 130–131].

В хакасском языке к числу форм выражения эвиденциальности следует отнести и формы с аффиксом-последелогом *-даг/-дег*; (в ряде работ семантика этих конструкций определяется как «модальность кажимости»). Примеры на употребление форм глагола и специальных слов в хакасском языке (эвиденциальное значение: умозаключение о настоящем или предполагаемом событии делается с опорой на человеческий опыт): *Ок-ка, онча тинтені ол пір саңай апар полбаадаг* ‘Ого, кажется, десять жестянок он зараз унести не сможет’ (наличествуют аффикс-последелог *-даг* и слово ...); *Улуг частыг кизи пиди сизиніп одырчатса, мында ол даа чох прай ниме ит салгадаглар* ‘Пожилой человек чувствует, что здесь и без него, пожалуй, справятся’; *Орис сагын турза, пулар мының тонын хайди даа суургадаглар* ‘Орис думает, эти, кажется, намерены снять ее шубу’ (наличествуют глагол в форме условного наклонения на *-за* и аффикс-последелог *-даг*); *Школаны тоос салза, син улуг кизи пол паргандагзың* ‘После окончания школы ты как будто стал взрослым человеком’; *Вася, тізең, агаа ачын паргандаг полган: пір дее тапсабин, хастын аргазын сыйбап одырган* ‘А Вася, кажется, его пожалел: не говоря ни слова, гладил гуся по спинке’; *Вася таңда килгедег полтыр* ‘Говорят, Вася вроде бы обещал придти завтра’ (наличествуют глагол в форме прошедшего времени и аффикс-последелог *-даг*) [Кызласова 2010: 135–137].

3.6. Оппозиция «результат действия – неожиданное действие»

В каждом из языков (или в группе родственных языков) – свой набор средств выражения эвиденциальности, однако просматриваются и некоторые общие, типологические, явления в этой сфере. В частности, что касается значения инферентива (указание на то, что наблюдается не само действие, а его результат): чаще всего это значение выражается формами перфекта и плюсквамперфекта (если они есть в языке). В русском языке, материал которого будет далее привлечен, подобная семантика выражается обычно формами прошедшего времени (определенную роль играют другие, сопутствующие, элементы контекста).

Синтаксис в любом языке разнообразен, и для констатации некоторого факта (результата), случившегося вследствие счастливого стечения обстоятельств, употребляются и другого рода конструкции. В русском языке, например, это именные конструкции:

– *Вишь какой шустрый*, – *говорил конюх*, – *не удержишь* [Толстой 1958: 108]. В данном случае к такому, конкретному, выводу говорящего «подталкивают» его ощущения, в том числе – зрение (*видишь* > *вишь*).

В самодийских языках в подобных ситуациях («сенсорного восприятия»); так и можно обозначить содержательную сторону особого наклонения), используются специальные формы аудитива [Плунгян 2000: 324].

Приведем еще ряд подобных примеров (в русском языке):

«А сам думает: «Он *и вправду расслаб*, что мне с ним делать? Бросить товарища не годится» [Толстой 1958: 23].

«Сразу почуяла Матрена дух винный от мужа. «*Ну*, думает, *так и есть* – *загулял*» [Толстой 1958: 34].

«– Нет, – говорит, – уж мне, *видно*, отсюда **не выйти**. Куда я пойду, когда *и поворотиться нет сил?*» [Толстой 1958: 27]. Здесь временная перспектива направлена в будущее; инферентивный оттенок выражен ярко, отчетливо (есть также и обоснование).

«– Вот я и домой **съездил, женился!** Нет, уж видно не судьба моя» [Толстой 1958: 29]. Здесь налицо – неправдоподобие, а это именно тот прагматический смысл, который часто соотносится (взаимодействует) с инферентивом: говорящий отстраняется от некоей правильной позиции, афиширует то, чего не было. Другими словами, в таком высказывании сквозит насмешка, злая ирония. На наш взгляд, подойдет и определение «пародия»; и тогда какой-либо подобный речевой образец можно рассматривать как своеобразный критический мини-текст [Лошаков 2003: 52].

«А сам думает на Костылина: «**И черт** меня **дернул** колоду эту с собой **брать**. *Один я бы давно ушел*» [Толстой 1958: 24].

Следующие предложения являются частью нарративного повествования автора (произведения); при этом во всех случаях реализуется (репрезентируется) тот или иной оттенок инферентива: что-то подсказывает, что действие, о котором идет речь, было не случайно.

«Лошадь под Жилиным была охотничья (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях, **взнесла** его на кручь» [Толстой 1958: 8]. Грамматическое значение конструкции – в целом перфектное, и в то же время присутствует оттенок инферентива: действие «*как на крыльях, взнесла*» было предсказуемо именно тем, что лошадь «была охотничья», хозяин ее «сам выездил».

«Жилин видит – дело плохо. Ружье **ухало**, с одной шашкой **ничего не сделаешь**» [Толстой 1958: 9]. Здесь двойная цепочка логических связей

(умозаключений), ведущих к осознанию героем своего гибельного положения: одна шашка не поможет, а товарищ (с ружьем) покинул поле боя.

«Так и ахнул Жилин – узнал Костылина. И его **поймали**» [Толстой 1958: 14]. В этих кратких предложениях установлена прямая связь между действиями: раз привели Костылина – стало быть, его поймали.

«Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно – с **убитых** солдат **стащили**» [Толстой 1958: 15]. И опять действие восстанавливается по результату: сапоги ношенные – значит, их стащили с убитых.

Как видим, инферентив в русском языке выражается обычно формами прошедшего времени. В тех случаях, когда речь идет о непосредственном восприятии и предположении, в русском языке употребительны также формы настоящего, будущего времени и инфинитива. Во всех случаях важную роль играют сопутствующие элементы контекста – вводные слова, частицы, междометия. Суть искомого значения можно выразить формулой: говорящий наблюдает (или наблюдал) не само действие (событие), а его результат. От ситуации к ситуации разнится путь (или тип) установления связи между именно этим результатом и именно этим действием (событием). Эта вариативность обусловлена, конечно, чрезвычайным разнообразием форм человеческой жизни.

Русский язык, безусловно, насыщен разнообразными выразительными средствами для передачи значений пересказа (и цитирования), и в русском языке чрезвычайно развита система средств, призванных выражать, усиливать, подчеркивать афористичность и субъективность речи говорящего лица. В русской разговорной речи это стремление к выражению чужой (так же как и своей) точки зрения выражается наиболее ярко: существует масса способов вернуть чье-либо мнение, сделать упор на некую «общую истину», создать иную удобную отсылку. В русском языке чужие суждения, а также внутренние мысли и переживания субъекта, оформляются специальными конструкциями (на письме – с употреблением специфических графических знаков). Часто эти формулы, если они особо устойчивы, могут и усекаться, и сокращаться, а сопровождаются они своего рода *протезами*:

«– Никто меня не обидел. Меня бог наказал.

– *Известно, все бог*» [Толстой 1958: 33].

Для русского языка, как никакого другого, особенно характерно, что формулами отсылки могут выступать некоторые общие истины – божественные откровения; в другой форме – это пословицы и поговорки. Очень часто они вводятся в текст без всякой дополнительной протезы.

Одно из самых сложных (в смысле семантического устройства) модально-оценочных (и эвиденциальных) значений – адмиративное – очень

ярко выражается во всех языках. Имея в виду понятие семантического прототипа, указанный содержательный смысл можно выразить формулой: это неожиданное, случайное обнаружение чего-либо и/или недоумение по поводу открывшихся фактов (как вариант – якобы неожиданное открытие, наигранное недоумение). Лингвисты долгое время рассматривали эту семантику как модальную, свойственную конструкциям, выражающим сомнение, неодобрение, иронию (при пересказе) или удивление по поводу неожиданных для говорящего лица фактов [Ляпон 1990: 303].

В предшествующей литературе неоднократно ставился вопрос о прототипическом значении адмиратива [Плунгян 2000: 323–324]. Из этих рассуждений можно вывести достаточно точное представление об исходной семантике форм адмиратива: с их помощью репрезентируется (вербализируется) некоторое неожиданное действие, явление, свойство, достойное восторженного отклика говорящего («неожиданное открытие»). Говоря иначе, искомый содержательный смысл можно выразить формулой: это неожиданное, случайное обнаружение чего-либо и/или недоумение по поводу открывшихся фактов.

3.7. Оппозиция «обнаружение фактических признаков – констатация по косвенным свидетельствам»

Данная оппозиция распространена в самодийских и обско-угорских языках и основывается на различии ситуаций обнаружения действия по ярким, отчетливым следам (признакам) или неявным, косвенным свидетельствам. В хантыйском языке есть специальные формы для обозначения действия, которое говорящий не наблюдал непосредственно, но это формы – причастные и деепричастные, а указанное значение – их вторая функция. Первой функцией деепричастий является, как известно, обозначение добавочного действия. А причастия, в позиции перед определяемым словом, выступают в своей основной, характеризующей, функции. В роли финитного (конечного) сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями -м и -т), а также деепричастие на **-ман**, но при этом у них – другая смысловая нагрузка, нежели у обычных финитных форм. Эта другая семантика – эвиденциальная и миративная, как и у соответствующих форм мансийского языка. В хантыйском языке деепричастие (в сочетании с вспомогательным глаголом в прошедшем времени) может обозначать и действие, завершившееся до начала другого действия в прошлом. Примеры:

Муи хўвата вуцку=м=ен! Хош=t=эн, хош=t=эн! ‘Как далеко бросил (аркан), оказывается! Умеешь, оказывается, умеешь!’ (констатация действия, которое произошло непосредственно на глазах говорящего).

Лув кэрталн атэлт хась=м=ал ‘Он на стойбище один остался, оказывается’ (действие, неочевидное для говорящего, о котором стало известно с чьих-то слов).

Вана юхатсув: овл, мйттэ, туманан пун=ман ‘Подожли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта’ (действие, завершившееся до настоящего момента речи, восстанавливается по его «следам»).

Шци вон юхен йбр вотн ил пават=ман вб=с ‘Это огромное дерево сильным ветром повалено было’ (действие, завершившееся до начала другого действия в прошлом, восстанавливается по его «следам»).

Эвиденциальность как категория, близкая к модальности, но все же имеющая свою специфическую семантику, грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно также называются наклонениями. Повторим, что в русском языке эвиденциальность не грамматикализована, поэтому в переводах на русский появляются лексические средства, которые вербализуют смысловые оттенки, в других языках (в том числе в хантыйском) заключенные в самой морфологической форме:

Аюм-ики ма киньсема шуши мирэв яма вэ=т=ал ‘Брат мой лучше меня людей наших знает, оказывается’; *Лыв исн тйта ноптал=ты пит=т=эл* ‘Они тоже здесь плавать будут, оказывается’; *Си кутн лув сэм павтас: лэхсал ики хот лытийн, хотхары кутупн симась маванг лант, суранг лант пасан тыв=м=ал, омсась=м=ал* ‘В это время он повел глазом [и видит]: в доме его друга, посреди пола, всякой пищей накрытый стол, оказывается, возник, откуда ни возьмись, появился’.

Ма верлумемн ащем хул вел=м=ал ‘Когда я проснулся, отец (уже) наловил рыбы’; *Хутты сэврум кор алты юх вол=т=ал* ‘Где-то есть наколотые дрова’.

Как видим, в хантыйском языке три формы неочевидного наклонения параллельны трем ядерным формам индикатива, к временному значению которых добавляется одно из значений эвиденциальности. В общей системе хантыйского глагола эти «неочевидные» формы противопоставляются прежде всего формам индикатива.

Различие между ними может быть описано следующим образом: индикатив семантически не маркирован, он нейтрален по отношению к признаку «очевидность/неочевидность», миратив же выражает именно неочевидность действия для говорящего, или, иначе, непричастность говорящего к действию. Рассмотрим пример:

Ацц=ен юхта=с ‘Отец=твой приехать’=инд. прош.=3 ед – Твой отец приехал. Предполагается, что субъект действия (отец) в момент речи отсутствует (в поле зрения участников разговора). Для адресата сообщение – новость. Говорящий же видел отца, своими глазами убедился в факте его приезда, и о достоверности этого знания свидетельствует форма ин-

дикатива. Она сигнализирует о причастности говорящего к действию и об ответственности за истинность сообщаемого. Сравним:

Ащ=ен юхат=м=ал ‘Отец=твой приехать=мир’. прош.=3 ед. – Отец твой приехал, оказывается. В этом случае форма, употребленная говорящим, свидетельствует о том, что он также еще не видел отца. Он знает об этом либо от третьего лица, либо по косвенным признакам (одежде, личным предметам и т. п.). Есть еще один нюанс: говорящий мог и видеть отца, но его не ждали. И тогда – удивление: Ащен юхатмал!

Еще примеры предложений с исследуемой формой:

Па щи нӳнг хонгса тал=м=ен ‘Опять ты курил, оказывается’; *Лүв хулна вондтыл=t=ал* ‘Он еще учится, оказывается’.

Легко понять эту своеобразную семантику неочевидного наклонения, когда мы имеем дело с формами 2-го и 3-го лица (как в этих приведенных случаях). Труднее понять, если появляются формы 1-го лица. Здесь критерия «заглазости» и опосредованности уже недостаточно: ведь говорящий ведет речь о себе или о группе, в которую он входит. Но и в этом случае возможность образования формы «неочевидности» вполне объяснима. Говорящий может совершать действие неосознанно, как говорят, машинально, т. е. действие проходит мимо его сознания. То, что событие произошло, констатируется опять-таки по результату или наличию определенных признаков. Например:

Кеш=эм хопн хӳй=м=эм ‘Нож=мой в лодке оставил=я (оказывается)’; *Ас хуся сэма ма пит=м=эм* ‘Я, оказывается, родился на берегу Оби’.

Семантика последнего предложения имеет свои особенности. Действие, естественно, прошло мимо сознания субъекта (автора) речи, которого еще не было. Следовательно, еще одним проявлением непричастности может быть следующий семантический признак: совершение действия против воли, независимо от воли говорящего.

Сравним пример с формой 3-го лица:

Ма нух=эм ӳн лангхалем эсалты. Лүв ищимурт мӳн=t=ал ‘Я сына=моего не хочу отпускать. Он все равно идет (оказывается)’. Общая семантика сохраняется, хотя поворот несколько другой: действие противоречит желанию говорящего, он его не одобряет, как бы отстраняется от него и тем самым снимает с себя ответственность за последствия этого действия.

Также показателен следующий пример:

Юхан шӳпи мӳнты вӳтыцасум, па сопекнгалам вӳснган вӳл=м=ан ‘Через реку перейти хотел (я), а сапоги дырявые были (как оказалась)’. Здесь можно видеть неосведомленность о сопутствующем факте (о том, что сапоги дырявые), прохождение этого факта мимо сознания говорящего; в итоге – результат оказывается для говорящего неожиданным.

Таким образом, для описания хантыйской системы наклонений мы имеем две координаты – по источнику информации и по соответствию этой информации картине мира говорящего. Именно в этом случае картина мира – у каждого своя (у каждого говорящего на конкретном языке), но она всегда производна от той картины мира, которую задает тот или иной язык.

Итак, вернемся к хантыйским причастным формам в финитном употреблении и рассмотрим, как они располагаются в намеченной выше системе координат, какие компоненты доминируют в их семантике и при каких условиях.

Форма на =**м** передает чаще всего умозаключение по явным признакам (инферентив); всегда присутствует компонент «несоответствие ожиданиям» от простого «оказывается» до более сильного «к удивлению» (миратив):

Ин вой лэнгкем варс пай илтия хәнему=*м=ал*, *ат йингклар ил раньнгал*=*м=ал* ‘Оказывается, он под тем кустом спрятался, с которого заодно и росу стряхнул’; *ој, пәнн χuti ar liw*=*т=en*! ‘О, как ты, оказывается, много съел!’

Форма на =**т** чаще всего имеет значение непосредственно воспринимаемого «неожиданного» действия:

Ангкармасум – нюр ма елпемн пупие этма=*т=ал*! ‘И тут позади меня выходит (как выйдет!) медведь!’

Компонент умозаключения (+инферентив) в форме на =**т** реализуется реже – и обычно анализируется как «неуверенность восприятия», чему способствует регулярное сопровождение ее в этом случае частицей *әлмөнты (ки)* ‘как будто, словно’ или *мәттэ/мәтты* ‘говорят, мол, дескать’:

Лыв әлмөнты вера ци пәл=*т=эл* ‘Они словно бы сильно бояться’.

Лүв жәраси лүв мәтти арити χос=*т=ал жәтәс* ‘Он хвастается, что, дескать, умеет хорошо петь’. *Лүв lawәl лүв мәтти Moskwajna мән*=*т=ел* ‘Он говорит, что они, мол, поедут в Москву’.

Эти две формы, таким образом, должны характеризоваться скорее как миратив, чем как эвиденциалис.

Третья же форма, форма на =**ман**, в финитной функции наиболее частотна и пестра; это пассивная форма прошедшего времени, в зависимости от семантики глагола реализующаяся как пассив, результатив и стальной пассив. В ее значении могут присутствовать оба компонента: и «логическое умозаключение», и «несоответствие ожиданиям» (+инферентив, +миратив), однако опять же в зависимости от лексического наполнения фразы может выражаться то один, то другой компонент. Миративное значение сильнее всего представлено с пассивом, слабее – с результативом и практически совершенно стирается со стальным пассивом от гла-

голов, обозначающих природные процессы. Значение инферентивности же сохраняется во всех случаях.

Теперь рассмотрим примеры с формой настоящего времени (в этом случае при форме на =ман служебный глагол **вӧл/ол/ ул** ‘быть в наличии’ может и отсутствовать):

Хӧнты, мосаң на, ишни ат пуни=ман ‘Когда-нибудь, возможно, окно будет открыто (будет)’.

Там нэпек хуван-хуван хаиш=ман (ол) ‘Эта книга давным-давно написана’.

Ехан тал хуват юнкна пот=ман (ол) ‘Река всю зиму покрыта льдом’.

Си сахал вуш кимат тылась вер=ман (ул) ‘Эта шуба уже два месяца как сшита’.

Там нёхи кат хатл каварт=ман (ол) ‘Это мясо два дня как сварено’.

Таким образом, особенности формы на =ман состоят в следующем: реализация обоих ее смысловых компонентов – «умозаключение о действии по состоянию объекта» и «несоответствие ожиданиям» – сильно зависит от семантики лексического наполнения фразы. Для выражения чистого, без элемента миративности и без подчеркнутого элемента умозаключения, значения результата/статального пассива, в хантыйском языке используются две аналитические производные формы на =ман: одна с esse-глаголом (=ман **вӧл**=), другая – с habeo-глаголом (=ман **тӕй**=). Вспомогательный глагол тем самым служит как бы для деактуализации семы миративности, отчасти и семы инферентивности: эти аналитические формы могут передавать значения результата, перфекта и длительного действия в прошлом.

Более того, формы на =ман **вӧл**= со значением длительного действия бывают также активными:

Ар ол мӕр тӕта 1-2 класс няврэмьт пӕта айкола пӕни=ман вӧ=с ‘В течение многих лет здесь была открыта школа для детей’.

Сай анат тӕлыи сайна пун=ман (улат) ‘Чашки полностью наполнены чаем’. Здесь происходит контаминация активной формы бытийного глагола с деепричастием на =ман.

Как видим, вспомогательный глагол чаще всего принимает форму настоящего и прошедшего времени индикатива; другие формы крайне редки, но возможны, в том числе даже форма неочевидного наклонения, что лучше всего показывает, что сама аналитическая форма (=ман **вол**=) компонент миративности потеряла:

Щи йис пурайн икет ищи опатлал сэв=ман тӕй=м=ел ‘В старое время мужчины тоже косы заплетали (букв.: волосы заплетая имели, оказываются)’.

Форма =ман **тӕй**= благодаря семантике вспомогательного глагола (**тӕй**- ‘иметь’) как бы переворачивает диатезу и дает статальную характере-

ристику уже субъекта действия по итогам выполненного им действия (по состоянию объекта, с которым он имел дело); она может быть охарактеризована как статальный антипассив:

Ши амнал лув, ищипа, йир=ман тай=л=аллэ ‘Эту свою собаку он, наверное, привязанной держит’.

Интересно, что эта форма может в свою очередь принимать залоговый показатель для перенесения коммуникативного ударения на объект при сохранении семантики формы (характеристика субъекта по состоянию объекта):

Ши вер иса вўлы лавалты ёхн вант=ман тай=л=а ‘Это дело постоянно находится под наблюдением оленеводов’.

Другими словами, аналитические формы на базе =ман должны быть отнесены к индикативу как формы перфектного типа – результатив, статальный пассив и статальный антипассив. Но это их грамматическая характеристика, а семантически они относятся к средствам выражения эвиденциальных (или модально-эвиденциальных, т. е. комбинированных) значений.

Как известно, между грамматическими категориями естественных языков и логическими, в т. ч. модальными, категориями нет однозначного соответствия: например, предикаты типа русского *должен* нередко выражают в одном и том же языке как деонтические, так и алетические, эпистемические и нормативно-оценочные значения. Так обстоит дело и в хантыйском языке, где предикат *raxl – an raxl* ‘должен – не должен’ также выражает эти разные модальные значения.

Эпистемическая возможность как языковая категория относится не к семантическому, а к прагматическому уровню, а лексемы, специализированные в эпистемическом значении (вводные слова типа русск. *возможно, может быть*) являются не логическими операторами, а показателями иллюкутивных намерений говорящего.

Заемствованных модальных слов в текстах хантыйского фольклора не отмечено, есть только очень яркие модальные слова, имеющие аналогии только в мансийском языке (что объясняется происхождением от общего праязыка):

Питы нюхс, питы вой алпа тайл ‘Черного соболя, черного зверя *наверняка* имеет’ (речь идет об отдаленном боре, куда вознамерились сходить братья).

Я, наң, ай апалы, наң иса вэнтн ант яңхийлсан, мосаң, наң тайлан? ‘Ну, ты, младший брат, ты никогда в лес не хаживал, *может быть*, ты (огонь) имеешь?’

Маттырн, и тахийн вэнт мув лавалты, вэнт мув пасты икел тут тахмал наңка-хэла лэл ‘**Оказывается**, в одном месте леса-землю охраняющий, леса-землю стерегущий мужчина костер набросал, (до верхушек) лиственниц-елей горит’.

Аналэл на яйл, маттырн, иськийн си мурта илямтумҕан, ториман уллаңан ‘Младшего и старшего братьев, оказывается, до того холодом пробрало, лежат – дрожат’.

В вопросительных предложениях в хантыйском языке также используются вводные слова, функция которых – привлечение внимания собеседника, создание или усиление важности эвиденциального высказывания:

Я, хуты, муй халум тут тәсн, муй лылаң тут тәсн, яие? ‘Ну, что (букв.: как), или мертвый огонь принес ты, или живой огонь принес ты?’

Имультыйн хулсяса ай халсаң, маттэ, тәрум хуся си мурт сырты вой тынаң ‘Однажды откуда-то весть услышали: оказывается, на небе очень дороги олени и другие животные’.

Акем ики, наң хәланта, лулат, маттэ, ими ух энтал хув, нумсал ван ‘Дядюшка мой, ты слушай, говорят вот, оказывается, у женщины волосы – длинные, ум – короткий’.

Муң, вантэ, лалюх сэварты халум хә вәсүв, вәнта йисүв на тутлы-поллы ювмев ‘Мы, вишь, дерево войны рубящие трое мужчин, в лес шли и без огня-без головешки пришли, оказывается’.

В последнем примере мы видим вводно-модальное слово *вантэ* ‘вишь’, образованное от полнозначного глагола, входящего в лексико-семантическую группу глаголов восприятия. В хантыйском языке имеется достаточное количество модальных слов, зафиксированных в словарях разного рода. К сожалению, набор словарей хантыйского языка ограничен (можно сказать – он минимален). Все же из этого, не очень разнообразного, источника можно почерпнуть достаточно сведений, учитывая то обстоятельство, что упомянутые слова являются представителями экспрессивной и оценочной лексики хантыйского языка и, в принципе, должны быть учтены все, если мы «складываем» содержимое всех имеющихся словарей.

В словарях хантыйского языка приводится основное ядро модальных и эвиденциальных слов с приведением минимума информации грамматического свойства и сведений по сочетаемости. Для удобства при сравнении с данными других словарей приведем выявленные слова в неопределенной форме, глаголы – без конечного показателя **-ты (-ti)**, оформляющего не только инфинитивную, но и причастную форму. При этом нужно помнить о том, что в хантыйском языке нет формализованного, как в русском языке, противопоставления совершенного и несовершенного вида, поэтому один и тот же глагол может выражать значение «совершенности» и «несовершенности».

Например, модальную нагрузку могут нести некоторые глаголы восприятия. Так, основной, или доминирующий, глагол зрительного восприятия **вант-** (**want-**) ‘смотреть, глядеть; осмотреть, оглядеть’. В зависимо-

сти от контекста данный глагол может выражать законченное или незаконченное действие, а также получать дополнительные оттенки смысла. Примеры:

Лув ма пелама вант=т=ал хурасуп ‘Он на меня смотрит, по всей видимости’.

Там няврэм ма сяха вант=л=эм ‘Этого ребенка я потом осмотрю’,
Нанг, муй, мулхатл холуплан ан вант=с=аллан? ‘Ты, что, сети вчера не смотрел?’ (в смысле: не проверял?).

Производное от глагола восприятия вводно-модальное слово **вантэ** ‘видишь, вишь, видишь ли’ может приобретать и некоторые другие оттенки этого общего смысла (оттенки значения оценки):

Муй тахи, вантэ, шаңкап наңен маты тутэм? [Сенгепов 1994: 26] ‘Откуда, глянь, вот сразу тебе взять огонь?’ (эмоциональное выделение вопроса, недоумение).

Ешак ай хилые вэсн, вантэ, хэлюмьяң лэңлуп путар, хэлюмьяң мормур путар путартлан ки, халум тутэм па малум, лылаң тутэм па малум [Сенгепов 1994: 26] ‘Дорогой мой племянничек, **смотри**, если (из) тридцати изгибов сказку, (из) тридцати заворотов сказку расскажешь (мне), и мертвый огонь (тебе) дам свой, и живой огонь (тебе) дам свой’ (эмоциональное выделение своих условий).

Идя в этом русле, мы склонны выделять в северных диалектах хантыйского языка отдельное наклонение «эвиденциалис». Можно констатировать, что исследователи «видят» специальное эвиденциальное наклонение только в тех языках, где эту семантику выражают морфологические синтетические формы и где объединенные подсистемы глагольных временных форм создают парадигму искомого наклонения. Если такая, строгая, морфология отсутствует, принято считать, что эвиденциальная семантика выражается глагольными темпоральными формами, входящими в систему индикатива.

С опорой на эту схему нами исследуется и категория наклонения хантыйского глагола. Содержание категории эвиденциальности шире понятия наклонения, и в поле зрения исследователя попадают и синтаксические конструкции (в т. ч. с именным сказуемым), и лексические средства. Средства выражения эвиденциальности в хантыйском языке образуют систему: формы эвиденциалиса (неочевидного наклонения); по сути – это формы, которые в системе зависимой предикации являются нефинитными (т. е. они являются сказуемым зависимой части); становясь главным сказуемым, подобная форма выражает какое-либо эвиденциальное значение. В роли финитного (конечного) сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями **-т** и **-т**), а также деепричастие на **-тан**:

Liw älmönti wera ši päl-t-el ‘Они словно бы сильно **боятся**’.

Wana juχatsūw: owl, mätte, tumanan pun-man ‘Подошли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта’.

Пырьсь Михай Ойка хут ветпыс эвыт тапыт парым ювпины ёхи ёхыт-м-ат. Венил ий мормынга ёв-м-ат [Лазарев 1999: 22-23] ‘Старый Михай Ойка после недели рыбного промысла домой вернулся, оказывается. Лицо его совсем сморщилось, оказывается’.

Xalewta jis. Aləŋ saχat noχ kilmewn, naj tup wurtel et-m-al [Steinitz 1975: 61] ‘Наступило утро следующего дня. Когда утром встали, край солнца только **показался, оказывается**’.

Poslaŋ joχ jaŋ χujn, χol'maŋ χujn i χopa let-m-el [Steinitz 1975: 64-65] ‘Люди по десять, по тридцать человек в одну лодку **сели, оказывается**’.

Широко употребительна в эвиденциальных контекстах специальная лексика: эвиденциальные лексемы – междометия, частицы, слова других частей речи (в т. ч. вводные):

Təm jisn χānti nāwremat rōt jasŋel, mätte, ānt wōtel ‘В настоящее время дети-ханты родной язык, **оказывается, не знают**’; *Jis purajŋ, janapa, mir šiti wōlmeŋ, neš* ‘В старину, **действительно**, люди так жили, **оказывается**’; *Tō, tāmaš sorni χātlije šī tiwmaŋ!* ‘**Во**, такой замечательный день **вот** выдался, **оказывается!**’

В данном разряде слов особую роль играют частицы, выражающие удивление при неожиданном обнаружении каких-либо явлений, обстоятельств, также субъективную передачу чужой речи (с оттенком удивления и изумления): *neš* ‘оказывается’, *māl* ‘же, ведь’ и др. Примеры: *nāŋ neš* ‘ты, оказывается’, *jiŋki neš* ‘влажный, оказывается’, *ān χotlan neš* ‘не умеешь, оказывается’, *mōšitten neš* ‘болеешь, оказывается’; *tūw māl šiwelt šī šōšilas!* ‘он ведь в ту сторону и ходил!’

Лексические средства выражения эвиденциальности, имеющиеся в хантыйском языке, составляют особый класс слов и должны рассматриваться в первую очередь и отдельно именно как лексемы: это единицы словаря, хотя и разные по статусу и частоте употребления. Одни включаются в состав аналитических форм или входят в круг служебных слов (как *pa* ‘ведь; же’, *ki* ‘бы’ и некоторые др.), другие вводятся в предложение «в своем полном» значении (*неши* ‘оказывается’, *мәттә* ‘оказывается; якобы’ и др.).

3.8. Комбинации эвиденциальных значений (оттенков) в тексте

Итак, эвиденциальность, в ее отношении к модальности, – сложно устроенная функционально-семантическая категория, в разных языках имеющая свой набор средств выражения. К примеру, в русском языке – это преимущественно интонационные и лексические средства, в хантый-

ском языке они тоже есть, но служат в качестве дополнительных (уточняющих) средств по отношению к морфологическим формам неочевидного наклонения.

В речи и тексте все указанные средства способны взаимодействовать, сочетаться (вступать в комбинации, образуя нечто цельное, структурно-смысловое единство). Подобные конструкции превалируют в разговорной речи (в этом случае еще «накладывается» интонация). Встречаются они и в публицистических, и в художественных текстах. Часто комбинируемыми средствами хантыйского языка ситуация одновременно оценивается с точки зрения ее очевидности (или неочевидности) и степени уверенности говорящего лица в достоверности сообщения:

Kõrtal ewalt x̄w̄wašak j̄ñxti šom pa änt t̄j̄tal! ‘От деревеньки своей далеко отойти **сил даже, скорее всего, не имеет!**’

Еще одной распространенной разновидностью эвиденциальных конструкций в хантыйском языке являются конструкции с модальными словами типа **wer** ‘дело’, **šom** ‘возможность, сила’, **piš** ‘возможность’.

Предназначены подобные лексико-синтаксические конструкции в основном для выражения различных оттенков возможности, необходимости, долженствования (т.е. оттенков модальности), но при определенных условиях, в соответствующем контексте могут дополнительно выражать и значение эвиденциальности:

Keši pa joša w̄j̄l’ati piš äntö! ‘Нож даже в руки взять **возможности, видимо, не имеет!**’; *N̄ñ, k̄äšnarajal, ši pori x̄ota mänti w̄ren wö!* ‘Ты, **оказывается, на эту свадьбу идти намерен!**’

Если ставится цель дальнейшей детализации, оттенки эвиденциальности необходимо соотносить, прежде всего, с другими эвиденциальными значениями (и только потом – модальными, в основном – с оттенками субъективно-оценочной модальности). В этом случае необходимо констатировать, что в одном предложении могут совмещаться два эвиденциальных значения, например в пересказ чужих высказываний могут вплестаться неодобрение, ирония, сарказм, удивление.

В проанализированных нами текстах встретились многие сложные случаи: эвиденциальные значения совмещаются, и трудно разграничить их. Вот лишь небольшой ряд таких примеров:

Хорошенько не разобрал он, а *догадывается*, что русские **близко подошли**, и **боятся** татары, **как бы** в аул **не зашли** [Толстой 1958: 25–26]. Здесь налицо – трактовка чужих слов: прямо указано на догадку, по обрывкам фраз, о чем говорят собравшиеся люди.

И думает Семен: «Мало ли какие дела бывают» [Толстой 1958: 33]. В данном случае в кавычках вводится внутренняя речь, представляющая собой общепринятое допущение (можно рассматривать ее и как синоним формулы *На все воля божья*).

– Что же не говоришь? *Не зимовать же тут*. Надо к жилью [Толстой 1958: 33]. Выражается значение очевидности, подкрепленное указанием (ссылкой) то ли на опыт этих, конкретных, людей, то ли на всеобщий фонд знаний.

В процессе анализа семантики таких высказываний необходимо учитывать роль интонации, мимики, жеста. Особенно если во фразе (в предложении) присутствует междометие. Большие возможности для смысловых дифференциаций открывает изменение звукового облика междометий. Экспрессивная значимость эмоциональных междометий может быть усилена словообразовательно (например, с помощью суффиксов субъективной оценки) и лексически (например, сложением с местоимением). Эмоциональные междометия имеют свойство вступать в связи с другими словами, преимущественно – с местоимениями. Междометия, обслуживающие сферу волеизъявлений, выражают обращенные к людям или животным команды и призывы. В эвиденциальных контекстах употребительны междометия, при помощи которых: требуют тишины/внимания/согласия (*тиш, тсс, чи, ш-ш, чу, чур*), побуждают к отклику/осуществлению или прекращению каких-либо действий (*ау, эй, ась, айда, ату, брысь, кыш, цыц, марш, ну, тпру*) и другие. Многие подобные междометия функционально близки к повелительному наклонению и обнаруживают ряд общих с ним признаков, в частности – могут вступать в связи с местоимениями (*чур меня; ату его; ну вас; айда к нам*). Итак, междометия в языке очень близки к модальным частицам и образным словам, но отличаются краткостью, большей выразительностью, категоричностью, так как с их помощью можно более эмоционально выразить то или иное чувство, причем одно и то же междометие будет по-разному звучать в разных речевых ситуациях. Другими словами, слова этой группы легко развивают вторичные, экспрессивно-эмоциональные, значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возражения, нетерпения, несогласия, недоумения и других чувств. Примеры:

– *Ты что же это, – говорит на себя, – Семен, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. Али дюже разбогател? боишься, ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно!* [Толстой 1958: 32].

– *Не подкрепиться ли? А? Как вы думаете, друзья мои?* [Толстой 1958: 39].

– *Но какой ум, какой ум, Юлиан! Мне было за ней спокойно, как за каменной стеной. Ну, уж мы зато и пошалили, повеселились – власть* [Толстой 1958: 62].

В русском языке выражение эвиденциальной семантики осуществляется средствами всех уровней, и нет особой системы грамматических форм для разных значений. Эвиденциальный элемент в художественном тексте дает возможность дать объемную картину происходящего, выра-

зять точку зрения разных персонажей (а также и авторский взгляд). В высокохудожественных текстах всегда высока доля применяемых автором эвиденциальных средств.

3.9. Историческое развитие эвиденциальных форм в тюркских языках

Совершенно определено также, что основа нынешней эвиденциально-миративной системы тюркских языков была уже в древнетюркских языках. «В древних и в современных тюркских языках можно видеть два показателя, являющихся косвенными формами, *imil* и *eken* ~ *ikken*. Использование формы *болтыр* ~ *полтыр* в алтайском, хакасском и шорском языках указывает на то, что они с формальной точки зрения создали другую эвиденциальную систему» [Баджанлы Эйюп 2005: 9].

Применительно к современным тюркским языкам выявлены почти все оттенки эвиденциальности и миративности, а также и прагматические коннотации, выражаемые соответствующими формами [Баджанлы Эйюп 2005; Исхакова, Насилов, Невская, Шенцова 2007]. К примеру, в первой из названных работ указываются такие прагматические коннотации, как *ирония, сомнение, комплимент, гипотеза, пренебрежение, равнодушие, шутка*. Выяснено также, что примеры выражения эвиденциальных значений можно найти и в древних тюркских языках. Так, в выдержках из Древнетюркского словаря [1969], а также в работах, посвященных надписям на стелах в честь Кюль-тегина и Тоньюкука [см., напр.: Малов 1951; Шаймердинова 2011], можно найти много фраз со значениями эвиденциальности/миративности и их оттенками. В нижеприведенном русском переводе отрывка из надписи на стеле в честь Тоньюкука, размещенной на электронном ресурсе, мы выделили шрифтом фрагменты эвиденциального характера:

(1) Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач. (2) Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало (тебе) хана, (3) ты, оставив своего (букв. твоего) хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения небо, – можно думать, – (тебя) поразило (умертвило). Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет. ...

В этом же, одном из самых примечательных, древнетюркских текстов, на стелах памятника в честь Тоньюкука обнаруживается фраза с прагматической коннотацией «комплимент» и с тем значением, которое в русском языке, на наш взгляд, адекватно передается употреблением слов и

сочетаний типа «вот (он) какой!», «вот же!», «однако!», сопровождающихся соответствующей интонацией. Здесь налицо утверждение некой истины (не требующей подтверждения), утверждение, смешанное с восхищением; а лучше сказать, прославление:

АЖУ 1. дурной, злобный, зловредный ... *bilgđ tojuquq ajny ol uz ol aňlar* ‘Тоньюкук мудрый – зловредный, и он сам [во всем] разбирается’ (Тон34) [ДТС 1969: 31]. Интересно то, что фразы, подобные этой, нередки в «тюркских» (а лучше сказать, «восточных») текстах: комплимент выдается с использованием эпитетов, которые в другой культуре характеризуют скорее с негативной стороны.

В другом широко известном древнетюркском тексте – на стеле в честь Кюль-тегина – имеется фраза с тем же значением, а оттенок ее – утверждение, замаскированное под риторическое сомнение:

АЛР I ... 3. отважный, храбрый, смелый: *bilgđ qaγan ermiľ alp qaγan ermiľ bujruqn jemđ bilgđ ermiľ erinč alp ermiľ erinč* ‘[Бумын-каган и Истеми-каган] были мудрыми каганами, были отважными каганами, видно, и помощники их были мудрыми, были отважными’ (КТб3) [ДТС 1969: 36].

Все это позволяет сделать вывод о том, что средства грамматического выражения категории эвиденциальности существовали уже в древнетюркских языках (и это были, по большей части, специальные глагольные формы, т. е. формы с показателями *-tir* или *-mis*).

Думаем, что определению содержательного компонента эвиденциальности может способствовать изучение исторического пути аудитива в самодийских языках: интересны не только «момент появления» этих своеобразных форм, а и причины трудностей в их использовании у современных носителей, к примеру, селькупского языка:

«Сейчас, к началу XXI в., о существовании этих [аудитива, кондиционалиса и дебитива] категорий, выражаемых синтетически, с помощью определенных суффиксов, молодые даже не подозревают, хотя эти категории еще живы. Подобные факты исчезновения названных категорий объяснимы скорее всего внутриязыковыми процессами, однако нельзя исключить и влияния русского языка...» [Кузнецова 2007: 58].

Исходя из рассмотренного материала, можно определить прототипическое значение категории эвиденциальности & митаривности и дать предварительную типологию языков «эвиденциального пояса Старого света» [Плунгян 2000: 321].

Что касается предварительной типологии языков «эвиденциального пояса Старого света», то понятно, что по наличию грамматических форм и конструкций, специализированных на выражении эвиденциальных и митаривных значений, можно выделить три группы. В первую группу включаем языки, в которых есть морфологические формы (и парадигмы),

имеющие статус наклонений. При этом наклонение может и не иметь собственного показателя: маркерами эпистемологического наклонения служат показатели темпоральности. В эту группу входят большинство самодийских языков (имеющие аудитив, латентив и др. под. наклонения), хантыйский язык (имеем в виду наклонение, которое в наших последних работах, в т. ч. в диссертации [Каксин 2010], мы назвали «эвиденциалис»).

Вторую группу составляют языки, в которых эвиденциальность и миративность выражаются преимущественно лексически и интонационно (например, восточнославянские). Ярким примером здесь является русский язык. В русском языке названные значения передаются преимущественно лексически и интонационно [Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) 1990: 303; Темпоральность. Модальность 1990; Козинцева 1994; Плунгян 2000: 321–322]. Говоря иначе, в русском языке эвиденциальность и миративность не находят специального грамматического выражения и передаются в основном лексическими средствами типа вводных «мол», «видно», «оказывается», «ба!», «эвон!» Для сравнения: в хакасском языке имеются подобные средства (**ноо**, **ана за!**), но, по сравнению с русским языком, здесь тональность выражения эвиденциальности выражена слабее.

Наконец, в третью группу, по нашему мнению, входят языки, занимающие промежуточное положение: в них есть, конечно, соответствующие лексические, а также интонационные, средства, но основную роль при выражении эвиденциальности и миративности играют специфические аналитические формы и конструкции (с участием служебных, или вспомогательных, глаголов). Ядро этой группы и составляют тюркские языки, в том числе и хакасский язык. Выявляется также более тесная (живая) связь нынешней эвиденциально-миративной системы тюркских языков с той системой, которая была уже в древнетюркских языках.

Вообще, исследование семантических оппозиций «внутри» категории эвиденциальности в хакасском языке подчинено более общей лингвистической задаче: поиску дополнительных аргументов в пользу концепции, разделяющей языковые категории модальности и эвиденциальности (путем подбора конструкций, в которых содержится указание на иной, а не говорящего лица, взгляд).

Итак, категория эвиденциальности представлена в каждом из естественных языков, она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставить себя в качестве первого и/или единственного источника информации. Другими словами, эта категория чрезвычайно развита во всех языках. В целом ряде случаев эта категория выражается интонационными средствами, и это чрезвычайно затрудняет ее выделение. Очень часто

разные оттенки эвиденциальности бывают вплетены в нарративный контекст [Плунгян 2013: 358–360].

Выявляемые в процессе контекстуального анализа оттенки эвиденциальных значений необходимо соотносить, прежде всего, с прототипом эпистемической (субъективно-оценочной) модальности. Как показывают результаты исследований, во всех языках наличествуют совершенно определенные средства, которые позволяют констатировать то или иное эвиденциальное значение. Прежде всего, это интонационный рисунок фразы (в ее конкретизации участвуют междометия). Чрезвычайно важную роль играют также лексические и лексико-грамматические средства (частицы, вводные слова, элементы дейксиса) и порядок слов. С учетом совокупности разных средств выявляются особые конструкции (переходного типа): одни из них находятся в срединной зоне, между сферами субъективно-оценочной модальности и эвиденциальности, а другие представляют комбинацию разных оттенков эвиденциальных значений.

ГЛАВА IV. СТАТИЧЕСКАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Основной целью данной главы является выявление и описание пространственных моделей элементарных простых предложений (ЭПП) в хакасском языке. Понятие ЭПП в научный оборот было введено М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова 1987: 13] и в настоящее время продолжает развиваться в трудах исследователей новосибирской синтаксической школы, которые используют для представления этой основной единицы синтаксиса метод структурно-семантического моделирования [Тыбыкова 1991; Телякова 1994; Серээдар 1995; Невская 1997, 2005; Сагаан 1998; Шилова 2003; Кошкарева 2004, 2005, 2006; Дурова 2016 и др.].

Под ЭПП мы понимаем минимальную двустороннюю единицу языка, которая обладает как формальной (структурной схемой), так и содержательной стороной.

Одна из основных характеристик, по которым выделяется ЭПП, – это *минимальность* (содержит только те компоненты, которые строго необходимы для описания некоторой ситуации) и *«не минимальность»* (содержит все необходимые компоненты для описания некоторой ситуации).

Базовым компонентом ЭПП выступает его сказуемое («единственный независимый его член» [Невская 2005: 43]). Все другие члены ЭПП зависят от него и заполняют все его обязательные валентности.

Каждое ЭПП строится по разным моделям. Мы понимаем модель в соответствии с тем, как это понятие трактуется в работах новосибирских ученых: «план выражения модели есть структурная схема, отражающая компоненты, необходимые и достаточные для выражения минимальной обобщенной пропозиции, план содержания модели составляет пропозиция, выражаемая синтаксической формой. Все необходимые компоненты структурной схемы фиксируются в ней при помощи условных символов, которые соответствуют частям речи и содержат грамматические дескрипторы нижнего индекса» [Черемисина 1989, 1995; Соловар 1991, 2011; Скрибник 1990; Телякова 1994; Серээдар 1995; Невская 1997, 2005; Шилова 2003; Дурова 2016], а «многообразие речевых воплощений конкретной модели представляет собой ее структурное и семантическое варьирование» [Черемисина, Скрибник 1996: 48].

В каждом языке совокупность моделей предложений представляет собой сложную по внутренней структуре систему, состоящую из микросистем.

Микросистема пространственных ЭПП хакасского языка включает в себя статические и динамические пространственные ЭПП. «Статические и динамические модели различаются, во-первых, по семантике предиката, отражающего статику и динамику действия, во-вторых, по типу локализатора: в статических моделях локализатор определяет существование и местонахождение субъекта в пространстве, в динамических моделях – перемещение субъекта или объекта» [Шилова. 2003. Ч. 2: 8].

4.1. Предикаты статической и динамической пространственной локализации

Главным компонентом пространственной конструкции является локативный предикат, который представлен глаголами определенных лексико-семантических групп, а также именными предикатами наличия (*нар* ‘есть’), отсутствия (*чох* ‘нет’, *чогыл* ‘нет’), количества (*кӧп* ‘много’, *толдыра* ‘много’, *ас* ‘мало’, *асхынах* ‘мало’).

Глаголы передают и статику, и динамику пространственных отношений.

Среди статических глаголов традиционно выделяются бытийные глаголы, среди динамических – глаголы движения.

Бытийные глаголы четко различаются по своим конкретным значениям, в то же время объединяются в одну группу по их абстрактным значениям ‘*быть*’, ‘*пробывать*’, ‘*жить*’, ‘*существовать*’ и «...включают три обязательных семантических компонента: *область* бытия, *бытующий* в этой области субъект и *факт пребывания* субъекта в данной области» [Шилова 2003: 69].

В хакасском языке бытийные глаголы представляют собой разнообразную лексико-семантическую группу, которая объединяет глаголы со значением *существования, позиции (расположения) предмета в пространстве, пребывания где-либо*: **чурта-** ‘жить, проживать, обитать’; **чат-** в ЛСВ ‘жить, проживать’; **одыр-** *перен.* ‘поселяться, жить где-л., оседать где-л.’; **хон-** в ЛСВ ‘жить (существовать)’; **чӧр-** в ЛСВ ‘жить, существовать’; **пол-** в ЛСВ ‘пробывать’, **тур-** в ЛСВ ‘останавливаться, иметь место пребывания’; **тохта-** в ЛСВ ‘останавливаться, расположиться, поселиться по приезду; остановиться на ночлег’; **тӱс-** в ЛСВ ‘останавливаться где-л., у кого-л.’; **аалла-** ‘гостить, быть в гостях’; **хон-** в ЛСВ ‘ночевать *где-либо*, останавливаться на ночлег *у кого-либо* (о людях и животных)’; **чайла-** в ЛСВ ‘проводить лето (о людях и животных)’; **хыс-**

та- в ЛСВ ‘проводить зиму, зимовать, перезимовать (о людях и животных) [см. Чугунекова 2015].

Глаголы движения являются одним из основных средств выражения пространственных отношений и вместе с другими словами пространственной семантики, составляют группу слов, которая присутствует в любом языке и обладает большой коммуникативной значимостью. По характеру осуществления движения ГД в современном хакасском языке подразделяются на два основных класса: 1) глаголы поступательного (направленного) движения; 2) глаголы непоступательного (вращательно-го, колебательного) движения.

Глаголы поступательного движения объединяются по наличию в их значении общей категориально-лексической семы «передвижение в пространстве». Далее эти глаголы дифференцируются по абстрактно-семантической категории «общая направленность движения», «среда передвижения», «способ передвижения», «темп передвижения», «образная характеристика передвижения».

Как и в других тюркских языках, органическим признаком глаголов поступательного движения в современном хакасском языке является направленность движения, которая строго дифференцирована в смысловой структуре глаголов. Дифференциация проводится на основе следующих абстрактных семантических категорий: движение по вертикали — движение по горизонтали, движение по направлению к субъекту наблюдения — движение по направлению от субъекта наблюдения, движение по направлению к объекту — движение по направлению от объекта.

1) глаголы направленного движения: **пар-** ‘идти в противоположную сторону от места, где находится реальный или проецируемый субъект наблюдения’, **кил-** ‘идти по направлению к реальному или проецируемому субъекту наблюдения’; **кiр-** ЛСВ ‘входить, въезжать’, и **сых-** ‘выходить, выезжать; взбираться’, **пах-** ‘залезать (вверх), взбираться’, **кöдiрiл-** ЛСВ ‘подниматься’, **öбрле-** ‘подниматься вверх, набирать высоту’, **чохта-** ЛСВ ‘следовать против течения реки; идти вверх по реке; отправляться, идти вверх (*ориентир определяется по вертикальной линии*)’, **түс-** ‘спускаться, перемещаться сверху вниз, опускаться’, **ин-** ‘спускаться (под гору); плыть по течению реки; направляться на восток, **напла-** ‘шлепнуться, упасть плашмя’, **күпле-** ‘падать с грохотом’, **петле-** ‘шлепнуться, плюхнуться’, **чит-** ‘доходить, доезжать’, **чағда-** ‘приближаться’, **чағынна-** ‘приближаться’, **айлан-** ‘возвращаться’, **нан-** ‘возвращаться (домой)’, **тис-** ‘убегать (быстро), скрываться’, **хас-** ‘убегать, удирать, скрываться’, **хуй-** ЛСВ ‘убегать’, **позы-** / **посхын-** ‘уйти, убежать’, которые объединены общей семой ‘убегать’, **тара-** ‘расходиться (о многих)’, **ыра-** ‘отдаляться, уходить, отходить, уйти далеко’, **кöс-** ‘переселяться, переезжать’ [примеры взяты из: ХРС 2006];

2) глаголы с невыраженной ориентацией движения, которые в отличие от глаголов направленного (ориентированного) движения, направительный элемент значения которых выступает как признак их индивидуального лексического значения, могут приобрести признак направленности лишь в определенном контексте и характер передвижения в них уточняется с точки зрения среды, темпа, образной характеристики передвижения:

а) глаголы со значением движения по твердой поверхности: **пас-** ‘ступать, шагать’, **чүгүр-** ‘бегать, бежать’, **ойла-** ‘бегать, бежать’, **чыл-** ЛСВ ‘ползти’, **хаала-** ‘шагать’, **чоргала-** ‘семенить’, **ырган-** ЛСВ ‘идти вперед понемногу (о старом человеке)’, **күрөліс-** ‘идти, двигаться толпой’, **атых-** ‘прыгать, скакать’, **сегір-** ‘прыгать, скакать’, **чыл-** ЛСВ ‘ползать’, **сойла-** ‘ползать извиваясь’, **чызын-** ‘ползать’, **німекте-** ‘ползать (о ребенке), ходить на четвереньках’, **чылгаяхтан-** ‘скользить’, **тайлых-** ЛСВ ‘скользить’, **чыл-** ЛСВ ‘скользить’ указывают на движение по скользкой поверхности, **субалыс-** ‘идти друг за другом, идти вереницей, непрерывно тянуться друг за другом’, **сөлініс-** ‘двигаться друг за другом’, **хог-** ‘неотступно следовать за кем-либо, гнаться, гоняться’, **сүріс-** ‘гнаться за кем-либо’ и **исте-** ЛСВ ‘идти по чьим-либо следам’, **ирт-** ‘проходить, миновать’, **хаста-** ‘ходить (ездить) вдоль (берега, дороги)’, **төсте-** ‘идти по подножию горы’, **ирт-** ‘проходить, миновать’, **хаста-** ‘ходить (ездить) вдоль (берега, дороги)’, **төсте-** ‘идти по подножию горы’, **ас-** ‘переваливать, переходить через горы’, **кис-** ‘переходить вброд, переправляться (через реку), переходить (через дорогу)’, **алта-** ‘перешагивать (порог)’, **чикеле-** ‘идти напрямик, напрямую’, **пазорла-** ‘перерезать путь, идти наперез’ [ХРС 2006];

б) глаголы со значением движения по воздуху: **учух-** ‘летать, лететь’, **чалбацна-** ЛСВ ‘парить, лететь широко размахивая крыльями (о птицах)’, **хайлахтан-** ЛСВ ‘скользить по воздуху, по поверхности воды (о плоском предмете, напр., о диске, плоском камне)’ [ХРС 2006];

в) глаголы со значением движения в жидкой среде: **чүс-** ‘плыть, плавать’, **ах-** ‘течь; плыть; уноситься течением’ [ХРС 2006];

г) глаголы с характеристикой темпа движения: **сөзіріл-** *перен.* ‘тащиться, плестись’, **чыл-** ЛСВ *перен. разг.* ‘медленно идти, двигаться’, **үкүс-** ‘мчаться, нестись, скакать’ [ХРС 2006];

д) глаголы образной характеристики движения: **налбанна-/нилбецне-** ‘неуклюже двигаться (о ком-либо полным)’, **сібирецне-** ‘идти мелкими шагами (о низкорослом человеке)’, **чорбанна-** ‘ходить мелкими шажками, семенить (о низкорослом человеке)’, **чайбанна-** ЛСВ ‘шагать вразвалку’, **чалбацна-** ‘идти грузно ступая’, **халбанна-** ЛСВ ‘быстро и неуклюже двигаться’, **талганна-/таптацна-** ‘передвигаться переваливаясь из стороны в сторону, ходить неуверенно ступая (о ребенке)’, **чай-**

хан- ‘идти, ходить вразвалку’, **халыхта-** ‘скакать галопом’; (о лошади), **чорт-** ‘бежать мелкой рысью (о лошади)’, **соплат-** ‘бежать рысцой, трусить’, **сайбырла-** ‘бежать мелкой иноходью’, **чорғала-** ЛСВ ‘ходить иноходью (о лошади)’, **чайбанна-** ЛСВ ‘переступить с ноги на ногу (о лошади)’ [ХРС 2006];

3) глаголы непоступательного (вращательного и колебательного) движения: **айлахтан-** ‘кружить’, **ибіріл-** ‘кружиться’, **халбастан-** ‘кружиться (о снежинках)’, **тоғылахтан-** ‘катиться, перекатываться, скатываться (о чем-либо круглом), **тоғылан-** ‘катиться (кубарем)’, **ағахтан-** ‘кататься, переворачиваться с боку на бок’, **хыймыра-** ‘шевелиться, шататься’; **илеңне-** ‘шататься, качаться, покачиваться из-за неустойчивости’; **оланна-** ‘шататься, качаться, покачиваться’; **чайхал-** ‘колыхаться, качаться’; **абыдыл-** ‘качаться, покачиваться’; **салбыра-** ‘развеваться, трепаться (о висячем предмете)’; **талбыра-** ‘трепетать (о крыльях птиц, знаменах, листьях в воздухе)’; **чилбіре-** ‘колыхаться, качаться, колебаться, развеваться (от ветра)’; **сабыл-** ‘колыхаться’; **тігіре-** ‘трястись, колебаться’ [см. Чугунекова 2016а,б].

4.2. Статические и динамические типы локализаторов

Локализатор – это обязательный компонент пространственных моделей предложения. Во многих языках семантика локализатора определяется значением локальных падежей, а также пространственных наречий, послеложных сочетаний, сочетанием служебного имени с существительным, наличие которых «в предложении позволяет более точно охарактеризовать» [Дурова 2016: 38] местонахождение или движение субъекта в пространстве. Здесь речь идет уже о формировании структурно-семантических вариантов пространственных моделей предложения.

Различают статический и динамический типы локализатора. Статический локализатор участвует в «характеризации существования и местонахождения субъекта» [Дурова 2016: 37] в пространстве.

В хакасском языке статический локализатор выражается:

1) именами в форме местного падежа (=да / =де; =та / =те).

Местный падеж употребляется:

а) при глаголе связке *пол-* ‘быть, находиться’, который, как правило, опускается: *Уучам тура=да* ‘[Моя] бабушка в доме’;

б) при глаголах статической пространственной локализации: *Ол [Хызык] соор хыри=(и)да турча* (А, 49) ‘Она (Хызык) стоит возле саней’;

в) при глаголах направленного движения *кил-*, *нар-*, *кір-*, *сых-*: *Паша кичеe піс=те килтір* ‘Паша вчера пришел к нам’.

Об употреблении местного падежа при глаголах направленного движения упомянуто в монографии М. И. Боргоякова [1976: 139]. Подобное значение у местного падежа также отмечено для шорского [Невская 2005] и тувинского языков [Серээдар 1997];

2) пространственными дейктическими наречиями *мында* ‘здесь’, *тигде* ‘там (на видимом месте)’, *анда* ‘там’, *алнында* ‘впереди’, *кистінде* ‘сзади, позади’, *хайда-да* ‘где-то’, *хайда-хайда* ‘где-то, неизвестно где’;

3) служебными именами в местном падеже в сочетании с именем существительным при статических глаголах (*тура үст=ү=(н)де* ‘на крыше дома’, *стол үст=ү=(н)де* ‘на столе’, и др.).

Динамический локализатор включает:

1) имена в форме дательного (=га/=ге; =ха/=ке, =а/=е) падежа, которые при глаголах направленного движения передают значение достижения конечной точки (цели): *Аттар ла изіг күнде сугат=ха инче* (То, 7) ‘Только кони в жаркий день спускаются к реке’.

В ряде тюркских языков (шорский, тувинский, якутский) дательный падеж употребляется в статическом значении. Например: *Хойлар да=га оьттап чорааннар* (прошедшее время) / *оьтттаарлар* (будущее время) ‘Овцы на горе паслись / будут пастись’, где локализатор в дательном падеже (=га), а глагольная форма – причастие прошедшего времени на =ган (*чораан*) или причастие будущего времени на =ар [Сагаан 1998: 8]; *Кини оччолорго Новосибирскийга эт:э* ‘Он в то время находился в Новосибирске’ [Ефремов 2012: 124];

2) имена в форме направительного падежа (=зар /=зер; =сар/=сер), которые при глаголах направленного движения передают значение «направления к точке, обозначенной опорным локумом, но не достигающий ее»: *Арыг=зар парчам* ‘(Я) иду к роще’; *Машинадаң түзіп, піс сах андох таг=зар көдіріл сыххабыс* (И.Топ.) ‘Выйдя из машины, мы тут же стали подниматься на гору’ и «проникновения внутрь пространственного ориентира»: *Аның мастерскойы=(н)зар кем-де кір килген* (Ка, 26) ‘Кто-то зашел в его мастерскую’;

3) имена в форме исходного падежа (=наң /=нең; =таң/=тең), которые при глаголах направленного движения выражают значение исходной/начальной точки движения (директив-старт): *Кізілер контора=даң ағырин сыххлааннар* (Кк, 65) ‘Люди потихоньку выходили из конторы’;

4) имена в форме винительного падежа (=ны/=ні, =ты/=ті) при глаголах преодоления препятствия маркируют значение «преодолеваемое пространство»: *Олар даа пу сын=ны асчаттырлар* (То, 68) ‘И они, оказываясь, тоже переваливают этот хребет’;

5) имена в форме неопределенного винительного (или неопределенного) падежа при глаголах преодоления препятствия в большей степени выражают значение *трассы* (т. е. преодолеваемое пространство выступа-

ет как трасса движения) [см. Невская 2005: 110]. Сравните примеры: *таг=ны* (винительный падеж) *азарга* ‘перевалить через гору’ и *таг=0* (неоформленный винительный падеж) *азарга* ‘перевалить гору’; *чол=ны* (винительный падеж) *кизерге* ‘перейти через дорогу’ и *чол=0* (неоформленный винительный падеж) *кизерге* ‘перейти дорогу’.

Следует добавить, что существительное в неоформленном винительном падеже стоит непосредственно перед глаголом, какие-либо уточняющие слова между ним и глаголом не появляются, а существительное в *винительном падеже* занимает в предложении свободную позицию: оно может стоять непосредственно перед глаголом, но может стоять далеко от управляющего им глагола (например, *чол=ны табырах кис парыбысхан* ‘быстро перешел через дорогу, но *чол=0 кис парыбысхан-* ‘быстро перешел дорогу’) и др.

Таким образом, выбор между оформленным и неоформленным винительным падежом зависит, в первую очередь, от желания говорящего подчеркнуть (в нашем случае) определенность или неопределенность преодолеваемого пространства;

6) имена в форме продольного падежа (=ча/=че, =ча/=че) при глаголах направленного и ненаправленного движения выражают значение *трассы* как «вектор направления движения и обширное пространство» [Хертек 2008: 15]: *Көрзем, чол=ча Арминек килир* (То, 106) ‘Смотрю, по дороге идет Арминек’;

7) имена в форме орудного падежа (=наң/=нең) при глаголах направленного движения (*кил* и *пар*) выражают значение трассы: *Ол чол=наң килген* ‘Он пришел по дороге’; *Мин чол=наң парчам* ‘Я иду по дороге’ (ср. в русском языке – *идти по дороге/ идти дорогой* и т. д.). Подобное значение орудного падежа отмечено также в шорском и алтайском языках [см., Телякова 1998; Озонова 2004; Невская 2005].

В хакасском языке в значении трассы орудный и продольный падежи нередко могут заменять друг друга. В данном случае следует говорить о падежной синонимии (*Мин чол=наң килдiм / Мин чол=ча килдiм* ‘Я шел по дороге’). Предпочтение форме орудного падежа (*чол=наң*) отдается тогда, когда хочется подчеркнуть определенность трассы, а для продольного падежа (*чол=ча*) это значение зависит от желания говорящего.

8) наречия *неер* (выражает движение к тому месту, где находится говорящее лицо – финиш/конечный пункт/цель), *мыннаң* (движение из места, где находится говорящее лицо – старт/исходный пункт), *андар* ‘туда’, *аар* ‘туда’, *аннаң* ‘оттуда’, *андартын* ‘оттуда’, *мынча* (выражает движение по тому месту, где находится говорящее лицо), *тигдер* (разг. *тигзер*) ‘туда, в ту сторону’, *тигдең* ‘оттуда (с видимого, не очень далекого расстояния)’, *тигдертiн* (разг. *тигзертiн*) ‘оттуда, с той стороны’, *тигче* ‘по тому (видимому) месту’, *тигдең* ‘оттуда’, *тигдертiн* (разг. *тигзертiн*) ‘от-

туда, с той стороны (с видимого расстояния)’, *андартын* ‘оттуда’, *аннаң* ‘оттуда’), *чогартын* ‘сверху’, *искертін* ‘с востока’, *кидертін* ‘с запада, с западной стороны’, *үстүнзарыхтын* ‘с юга’, *алтынзарыхтын* ‘с севера’, *алнынзар* ‘вперед’, *алнынзартын* ‘спереди’, *кистінзер* ‘назад’, *кистінзертін* ‘из задней части’.

Наречия *индіре* ‘вниз, внизу’, *төбін* ‘вниз, внизу’; *чогар* ‘вверх, наверху, вверх, наверх’, *өбр* ‘вверх, вверх’, *искер* ‘на востоке, на восток’, *үстүнзарых* ‘на юг, на юге’, *кидер* ‘на западе, на запад’, *алтынзарых* ‘на севере, на север’ выражают как статическое, так и динамическое значения [см. Чугунекова 2014];

9) пространственные послелоги *азыра* ‘через’, *алдыра* ‘в сторону, в направлении’, *арали* ‘среди’, *айландыра* ‘вокруг’, *ибіре* ‘вокруг’, *индіре* ‘вниз’, *чогар* ‘вверх’, *кизіре* ‘через’, *тобыра* ‘сквозь, через, по’, *өтіре* ‘сквозь, через’, *пастыра* ‘через что-либо’, *сыгара* ‘из, от’, *теере* ‘до’, *кире* ‘до’, *төбін* ‘вниз’, *түзіре* ‘вниз’, *удур* ‘навстречу’, *читіре* ‘до’ [см. Чугунекова 2013], которые основную реляционную нагрузку делят с падежным аффиксом в сочетании с именем пространства и в силу своей семантики являются основным средством выражения динамического значения, а именно – движение куда/откуда-либо и преодоления какого-либо препятствия.

4.3. Статические модели предложений

В хакасском языке статические модели предложений подразделяются на две группы: бытийные и локативные (местонахождения).

В статических моделях локативный локализатор (**Loc**) представлен:

1) именами предметной и пространственной семантики в местном падеже (=да/,=де; =та/=те): *университет=те* ‘в университете’; *чир=де* ‘на земле’; *стол=да* ‘на столе’; *таглар=да* ‘в горах’; *тура=да* ‘в доме’, *пүк=те* ‘на лугу’ и др.;

2) пространственными наречиями: *мында* ‘здесь’, *анда* ‘там’, *тигде* ‘там’ и др.;

3) сочетанием имени в неопределенном (N_{Nom}) падеже с пространственными послелогами: а) N_{Nom} + *азыра* ‘через что-либо’, б) N_{Nom} + *айландыра* ‘вокруг чего-либо’, в) N_{Nom} + *ибіре* ‘вокруг чего-либо’, г) N_{Nom} + *индіре* ‘внизу чего-либо’, д) N_{Nom} + *чогар* ‘вверх что-либо’, е) N_{Nom} + *кизіре* ‘через что-либо’ и др.;

4) сочетанием имени в неопределенном падеже ($N=0$) со служебными именами: а) N_{Nom} + *үст=ү=(н)де*, ‘на’, ‘над’, ‘наверху’; б) N_{Nom} + *паз=ы=(н)да* ‘на’, ‘наверху’, ‘в начале’, ‘на вершине’, ‘впереди’, ‘над вершиной’; в) N_{Nom} + *азаг=ы=(н)да* ‘в конце ориентира, не выходя за его

пределы»; г) $N_{\text{Nom}} + \text{алт}=\text{ы}=(\text{н})\text{да}$ ‘под пространственным ориентиром’ и т. д.

В позиции субъекта могут выступать существительные, которые можно определить как «динамические», т. е. способные самостоятельно или под воздействием внешних сил изменять свое положение в пространстве:

а) названия живых существ (человек, животное): *Маллар мында* ‘Скот здесь’; алт. *Мен мын=да, эне* (ТК ТЈ, 77) ‘Я здесь, мама’ [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 55];

б) группа существительных, называющих «самодвижущиеся» транспортные средства: *Трактор суз хазы=(н)да* ‘Трактор у реки’.

Кроме того, по частотности употребления в анализируемых нами конструкциях является группа так называемых статических существительных, не способных к изменению своего местоположения:

а) наименования географических объектов, некоторых типов ландшафта, пространств и т. п.: *Чазыбыс аңмарлар=0 хыри=(н)да* (То, 45) ‘Поле [наше] возле амбаров’;

б) конкретные существительные, называющие населенные пункты, сооружения, помещения и их части и т. д. *Отмах мында, ырах нимес* (ФБ ТО, 78) ‘Шалаш здесь, недалеко’.

Позицию предиката в статических моделях занимают:

1) бытийные глаголы: **пол-** ‘находиться, пребывать, быть’; **одыр-** ‘1) садиться, принимать сидячее положение; 2) сидеть (*находиться в сидячем положении*); 3) сидеть, быть, находиться, пребывать (*где-л.*)’; **тур-** ‘1) стоять; 2) вставать, встать (*с места*); 3) останавливаться, иметь место пребывания; 4) стоять, находиться, пребывать (*где*)’; **чат-** ‘лежать’; **хон-** ‘1) ночевать *где-л.*, останавливаться на ночлег *у кого-л.*; 2) жить (существовать)’; **чурта-** ‘жить, проживать, обитать’; **аалла-** ‘гостить, быть в гостях’ [из: ХРС 2006] и др.;

2) количественные слова: *кõп* ‘много’, *толдыра* ‘много’, *иледе* ‘много, достаточно’, *топ-толдыра* ‘очень много’; *илбек* ‘обильно’, *ас, асхынах* ‘мало’, *кõмес* ‘немного, мало’ [из: ХРС 2006];

3) слова со значением наличия и отсутствия: *пар* ‘есть’, *чох* ‘нет’ и *чогыл* ‘отсутствие’ [из: ХРС 2006].

4.3.1. Бытийные модели предложений

В зависимости от характера пропозиции модели бытия подразделяются на модели *существования* субъекта в пространстве, которые включают в себя *количественные модели, модели наличия и отсутствия* [см. Чугунова 2013а,б; 2014].

Локализатор в бытийных моделях занимает позицию темы – абсолютное начало предложения, а субъект – позицию ремы, т. е. стоит непосредственно перед предикатом.

4.3.1.1. Модели существования $\{Loc_{Loc} N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$
«Существование субъекта в определенной точке пространства»

В состав модели входят следующие компоненты: 1) локативный локализатор (Loc_{Loc}), 2) субъект (N_{Nom}); 3) предикат (V_{fin}^{ex}).

Локализатор выражен именем существительным в местном падеже. Субъектом выступает лицо или предмет, о существовании которого сообщается в предложении. В качестве предиката используются бытийные глаголы.

Например: *Агас =та хоосха одырчатхан* (Аўх, 56) ‘На дереве сидела кошка’; *Истиг чир=де чуртан парчалар!* (Т, 10) ‘В красивой местности [они] проживают!’

4.3.1.1.1. Варианты моделей существования

В зависимости от семантики локализатора нами выделено 9 вариантов моделей существования:

1) вариант $\{Loc^{dec} N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта относительно говорящего лица». Локализатор выражен дейктическими словами.

Например: *Мында улуг аал полган* ‘Здесь была большая деревня’; *Анда, мөбт салып, тайга аарлары чуртаан полтыр* (Ка, 66) ‘Там, оказываются, жили таежные пчелы’;

2) вариант $\{N_{Nom}^{Loc} + хыринда/хазында /төзінде\} N_{Nom} V_{fin}^{ex}$ – «существование субъекта околопространственного ориентира». Локализатор модели выражен сочетанием имени в неопределенном (или родительном) падеже со служебными именами *хыринда* ‘около’, *хазында* ‘на краю чего-либо’, *төзінде* ‘у основания чего-либо’.

Например: *Пес=0 хыри=(н)да чис самовар турча* (Аўх, 38) ‘Возле печки стоит медный самовар’; *Клуб=0 хыри=(н)да машина турча* (Т, 119) ‘Возле клуба стоит машина’; *Тиги хара тал=0 төзи=(н)де тинтелер чатча* (Ка, 81) ‘Возле той черной ивы лежат банки’;

3) вариант $\{N_{Nom}^{Loc} + аразында N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта среди кого/чего-либо». Локализатор выражен сочетанием существительного в неопределенном (или родительном) падеже со служебным именем *аразында*, семантика которого указывает на ряд однородных предметов или лиц.

Например: *Иргі турачахтар=ның аразы=(н)да наа туралар тургалапчалар* (Аўх, 31) ‘Среди старых домиков стоят новые дома’; *Сырбагалар=0 аразы=(н)да кизи чатча* (То, 29) ‘Среди лиственниц лежит человек’;

4) вариант $\{N_{Nom}^{Loc} + устүнде/пазында N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта на поверхности чего-либо или на вершине горы, макушке дерева».

Локализатор модели выражен именем существительным в неопределенном падеже в сочетании со служебным именем *үстүндө* ‘на, над’.

Например: *Стол=0 үстү=(н)де стакан, айах турча* (Аўх, 7) ‘На столе стоят стакан, чашка’; *Хаңаа=0 үстү=(н)де оолагас одырча* (Аўх, 17) ‘На телеге сидит мальчик’; *Чалгызан на таг=0 үстү=(н)де турчам* (Кс, 12) ‘[Я] один стою на вершине горы’;

5) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{истинде } N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта внутри чего-либо». Локализатор модели выражен именем существительным в неопределенном (или родительном) падеже в сочетании со служебным именем *истинде* ‘внутри’.

Например: *Вагон=0 исти=(н)де дневальной ла одырча* (А, 175) ‘В вагоне (внутри) сидит только один дневальный’;

6) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{ортызында } N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта в середине пространственного ориентира». Локализатор модели выражен именем существительным в неопределенном (или родительном) падеже в сочетании со служебным именем *ортызында* ‘посередине’.

Например: *Чайгы ибичек=0 ортызы=(н)да теербен турча* (Ка, 45) ‘Посередине юрты стоит ручная мельница’;

7) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{алнында } N_{Nom} V_{fin}^{ex}\}$ – «существование субъекта перед кем/чем-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном (или родительном) падеже со служебным именем *алнында* ‘перед кем-чем-либо, впереди чего-либо’.

Например: *Тура=0 алны=(н)да машина турчатхан* (Аўх, 117) ‘Перед домом стояла машина’; *А=ның алны=(н)да Тайра турча* (Аўх, 117) ‘Перед ним стоит Тайра’;

8) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{кистинде } N_{Nom} V_{f.}^{ex}\}$ – «существование субъекта относительно задней части предмета». Локализатор данной модели представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *кисти=(н)де* ‘за кем/чем-либо’.

Например: *Школа=ның кисти=(н)де Улуг таг турча* (Т, 84) ‘За школой Большая гора’; *Стол =0 кисти=(н)де чылтың хара састыг чиит ирен одырчатхан* (Т, 65) ‘За столом сидел молодой мужчина с черными пречерными волосами’;

9) вариант $\{N_{Nom}^{Loc} + \text{тастында } N_{Nom} V_{f.}\}$ – «существование субъекта за пределами пространственного ориентира». Локализатор данной модели представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *тастында* ‘снаружи’.

Например: *Итсе-де, пістің аал=0 тасты=(н)да чүсче дее кўрген турча* (Пао, 60) ‘У нас за аалом – до самой горы – не меньше сотни курганов’; *Школа ханазы=0 тасты=(н)да іче-набалар турганнар* (Пао, 86) ‘За школьной оградой стояли родители’.

4.3.1.2. Количественные модели $\{Loc_{LOC} N_{Nom} Quant (cop)\}$
«Существование некоторого количества объектов в пространстве»

В состав модели входят три компонента: 1) локативный локализатор (Loc_{LOC}); 2) субъект (N_{Nom}); 3) предикат ($Quant$).

Локализатор представляется именами в местном падеже, представляющими физическое пространство, в котором ожидаемый или предполагаемый объект обнаруживается в большом или малом количестве. Субъект обычно выражается именем в неопределенном падеже, обозначающим предмет или лицо.

Предикат выражен количественными словами, обозначающими большое и малое количество: *көн* ‘много’, *толдыра* ‘много’, *иледе* ‘много, достаточно’, *топ-толдыра* ‘очень много’; *илбек* ‘обильно’, *ас*, *асхынах* ‘мало’, *көмес* ‘немного, мало’ [из: ХРС 2006].

Символ (cop) в структурной схеме подразумевает связку. Связка в тюркских предложениях этого типа, как и в русских, может быть нулевой, если предложение строится в настоящем времени индикатива. В остальных случаях связка обязательна [Серээдар, Скрибник, Черемисина: 2008]. В хакасском языке этой связкой является глагол *пол-* ‘быть’.

Например: *Физика кабинеті=(н)де оох таа, улуг даа палалар толдыра поладыр* (Ит, 35) ‘В кабинете физики полно и маленьких, и больших детей’; *Театр=да кизи асхынах* ‘В театре людей мало’.

Числовое оформление субъекта в количественных моделях

В хакасском языке в количественных моделях субъект, представленный в форме неисчисляемого существительного, выступает в форме единственного числа, например: *Тагларда хар=0 ам даа көн* ‘В горах еще много снега’.

Субъект, представленный в форме исчисляемого существительного, в количественных моделях употребляется в форме множественного числа, если для говорящего важны признак, качество, размер количественных предметов, о которых он ведет речь, например, *ах миске=лер* ‘белые грибы’, *хызыл чистек=тер* ‘красные ягоды’, *улуг пала=лар* ‘взрослые дети’, *хара хураган=нар* ‘черные ягнята’, *сіліг мончых=тар* ‘красивые бусы’ и др.

Например: *Сундух=та сіліг чазанчых=тар толдыра* ‘В сундуке много красивых украшений’; *A=(н)да ах стаканактыг столба=лар улам көн* (То, 111) ‘Там столбов с белыми стаканчиками еще больше’.

А если для говорящего неважно количество предметов, то исчисляемое существительное употребляется в форме единственного числа. Например: *Шкаф үстүн=де книга=0 угаа көн* ‘На шкафу очень много книг’.

В качестве субъекта нередко выступают одушевленные имена (собираательные существительные), которые употребляются только в форме единственного числа. Например: *Tig=de чоn=0 угаа асхынах полган* (Xч, 3) 'Там народу было очень мало'.

Все количественные слова употребляются как с исчисляемыми, так и неисчисляемыми именами. Например: *Асхыс суг=да палых=0* (исчисляемое слово) *асхынах/кõп* 'В реке Аскиз рыбы мало/много'; *Арыг=да хар* (неисчисляемое слово) *асхынах/кõп/толдыра* 'В лесу снега мало/много'. Также обстоит дело, например, и в ненецком языке [см. Шилова 2003; Ч. 2: 20–27].

Кроме того, в тюркских языках Южной Сибири (хакасский, шорский), используются предикаты экспрессивной оценки количества, например: шорск. *қан талай* 'море разлитое (букв.: господин море)', *койу чыш* 'полным полно' (букв. густая чаша), *қыял* 'полным полно (грех, преступление)' [Невская 2005]. В хакасском языке экспрессивную оценку придает усилительная частица *тон-* в сочетании с количественным словом *толдыра*: *тон-толдыра* 'полным полно'. Например: *Бакт=та суг тон-толдыра* 'В баке воды полным-полно'.

Оформление предиката в количественных моделях

В хакасском языке квантитативные слова не оформляются личными показателями времени и числа.

Например: *Театр=да кизи толдыра* 'В театре много народу'; *Ора=да яблах асхынах* 'В погребке картошки мало'. Представленные конструкции в хакасском языке передают количество предметов в настоящем времени.

При необходимости выражения прошедшего, будущего и настоящего в значении прошедшего времени в количественных моделях употребляется глагол-связка *пол* 'быть' в форме 3-го лица единственного числа. Например: *Кõнек=те суг асхынах пол=ган* 'В ведре воды было мало'; *Автобус=та кизи толдыра пол=ар* 'В автобусе народу будет много'; *Агас аразын=да ах миске=лер асхынах пол=ча* 'Среди деревьев белых грибов бывает мало'.

4.3.1.2.1. Варианты количественных моделей

В зависимости от типа локализатора выделяются 5 вариантов количественных моделей:

1) вариант {Loc^{deic} N_{Nom} Quant (cop)} – «существование некоторого количества предметов в пространстве, локализуемом относительно говорящего лица». В позиции локализатора выступают действительные наречия: *мында* 'здесь', *анда* 'там', *тигде* 'там'.

Например: *Мында чон толдыра* (Т, 25); 'Здесь людей много'; *Че мында даа [kizi] асхынах нимес* (Ка, 110) 'Даже здесь людей немало'; *Анда [сыыраттарда] чон толдыра* (Ка, 106) 'Там [на кладбище] людей полно'; *Анда кўн чахайагы толдыра полар* (Т, 103) 'Там полно жарков будет';

2) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{устўнде } N_{Nom} \text{ Quant (cop)}\}$ – «существование некоторого количества субъектов на поверхности чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебными именем $\text{устў}=(n)\text{де}$ 'на поверхности'.

Например: *Тура=0 устў=(n)де хар кўп полган* 'На крыше было много снега'; *Стол=0 устў=(n)де книга асхынах полган* 'На столе книг было мало';

3) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{истїнде } N_{Nom} \text{ Quant (cop)}\}$ – «существование определенного количества субъектов во внутренней части чего-либо». Локализатор может быть выражен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебным именем $\text{истї}=(n)\text{де}$ 'внутри'.

Например: *Вокзал=0 истї=(n)де чон кўп полган* (Аўх, 136) 'На вокзале (внутри) людей было много';

4) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{кистїнде } N_{Nom} \text{ Quant (cop)}\}$ – «существование определенного количества субъектов за каким-либо предметом». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебным именем $\text{кистї}=(n)\text{де}$.

Например: *Тура=0 кистї=(n)де аймах агастар толдыра* (Х, 6) 'За домом полно разных деревьев';

5) вариант $\{N_{Nom/Gen}^{Loc} + \text{аразында } N_{Nom} \text{ Quant (cop)}\}$ – «существование определенного количества предметов среди кого/чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебным именем $\text{аразы}=(n)\text{да}$.

Например: *Агас=0 аразы=(n)да кўн чахайагы толдыра полган* (Ат, 15) 'Среди деревьев было много жарков'.

4.3.1.3. Модели наличия $\{Loc_{LOC} N_{Nom} \text{ пар (cop)}\}$ «Наличие некоторого субъекта в пространстве»

В состав модели входят три компонента: 1) локативный локализатор (Loc_{LOC}); 2) субъект (N_{Nom}); 3) предикат.

В позиции локализатора выступают имена существительные в местном падеже. Субъектом в данной модели могут выступать слова, обозначающие как лицо, так и предметы. Предикатом является слово со значением наличия: *пар* 'есть'.

Например: *Суз=да палых пар* (Т, 116) 'В реке есть рыба'.

4.3.1.3.1. Варианты моделей наличия

Модели наличия, как и большинство других пространственных моделей, классифицируются с опорой на семантику локализатора. В зависимости от типа локализатора в хакасском языке выделяются 6 структурно-семантических вариантов:

1) вариант $\{\text{Loc}^{\text{deic}} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие чего-либо в неопределенной точке пространства, локализуемой относительно говорящего лица». Локализатор модели представлен дейктическими наречиями: *мында* ‘здесь’, *анда* ‘там’, *тигде* ‘там’.

Например: *Мында көп чалгыс азах чоллар пар* (Аўх, 30) ‘Здесь есть много тропинок’; *Анда хара суучах пар* (То, 77) ‘Там есть родник’;

2) вариант $\{\text{N}_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{хыринда} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие чего-либо около пространственного ориентира». Локализатор данной модели представлен сочетанием имени существительного пространственной или предметной семантики в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *хыри*=(н)да ‘около’.

Например: *Аал=0 хыри=(н)да улуг нимес көл пар* ‘Возле деревни есть небольшое озеро’;

3) вариант $\{\text{N}_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{үстүнде} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие субъекта на поверхности чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *үстү*=(н)де ‘вверху’.

Например: *Тура=0 үстү=(н)де аймах-пасха аңначаң тиріглер пар* ‘На крыше дома есть разные охотничьи снасти’;

4) вариант $\{\text{N}_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{істінде} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие субъекта внутри чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *істі*=(н)де ‘внутри’.

Например: *Харчах=0 істі=(н)де тостар, от тамысчаң хуруғ чарчыхтар пар* (То, 23) ‘Внутри ящика есть береста, лучины для разжигания костра’;

5) вариант $\{\text{N}_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{кистінде} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие субъекта за чем-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *кисті*=(н)де ‘сзади, за чем-либо’.

Например: *Пу таг=ның кисті=(н)де улуг нимес аалычах пар* (Т, 118) ‘За этой горой есть небольшое село’; *Тура=0 кисті=(н)де мылча пар пол=тыр* (Х, 8) ‘За домом, оказывается, есть баня’;

6) вариант $\{\text{N}_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{аразында} \text{N}_{\text{Nom}} \text{ пар (cop)}\}$ – «наличие субъекта среди кого/чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени

существительного в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *аразы=(н)да* ‘среди’.

Например: *Агас=0 аразы=(н)да мискелер парох* (Ка, 17) ‘Среди деревьев грибы тоже есть’.

4.3.1.4. Модели отсутствия { $Loc_{LOC} N_{Nom}$ чох (сор) / чоғыл} «Отсутствие некоторого субъекта в пространстве»

В состав модели входят три компонента: 1) локативный локализатор (Loc_{LOC}); 2) субъект (N_{Nom}), 3) предикат.

Локализатором выступают имена пространственной и предметной семантики в местном падеже, представляющие «... физическое, социальное или идеальное пространство, в котором ожидаемый или предполагаемый объект не обнаруживается» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 43]. Субъектом выступает как какое-либо лицо, так и предмет. Предикатом выступают слова со значением отсутствия. Это *чоғыл*, который в хакасском языке употребляется без связки *пол* и, соответственно, предложения строятся только в настоящем времени и *чих*, который в данной конструкции без связки *пол* не употребляется.

Например: *Иб=де кизи чох пол=ған* ‘Дома никого не было’ или *Иб=де кизи чоғыл* ‘Дома никого нет’.

4.3.1.4.1. Варианты моделей отсутствия

Модели отсутствия, как и модели наличия, классифицируются с опорой на семантику локализатора. Выделяются 3 варианта:

1) вариант { $Loc^{deic} N_{Nom}$ чох (сор) / чоғыл} – «отсутствие субъекта, локализуемого относительно действующего лица». В данной модели локализатор представляется дейктивными наречиями.

Например: *Мында бир дее колода чоғыл* (Ка, 51) ‘Здесь нет ни одной колоды’; *Анда туралар чох полтыр* ‘Там домов, оказывается, нет’;

1) вариант { $N^{Loc}_{Nom/Gen}$ + *хыринда* N_{Nom} чох (сор) / чоғыл} – «отсутствие субъекта около чего-либо». Локализатор представлен сочетанием имени в родительном или неопределенном падеже со служебным именем *хыри=(н)да* ‘около’.

Например: *Тура=0 хыри=(н)да машина чоғыл!* (Ат, 17) ‘Возле дома машины нет’; *Магазин=0 хыри=(н)да ол чох пол=ар* (Т) ‘Возле магазина его не будет’;

2) вариант { $N^{Loc}_{Nom/Gen}$ + *үстүнде* N_{Nom} чох (сор) / чоғыл} – «отсутствие субъекта на поверхности какого-либо предмета». В данной модели локализатор представляется сочетанием имени существительного в родитель-

ном или неопределенном падеже со служебным именем $\dot{y}st\dot{y}=(n)de$ 'на поверхности'.

Например: **Стол=0 $\dot{y}st\dot{y}=(n)de$** книга чогыл (X, 6) 'На столе книги нет'; **Тура=0 $\dot{y}st\dot{y}=(n)de$** саналар чох пол=ган 'На крыше дома лыж не было'.

Таким образом, нами выявлены антонимичные модели предложений со значением наличия и отсутствия субъекта в какой-либо точке пространства. Эти модели способны варьировать как в структурном, так и в семантическом плане. Структурное варьирование обусловлено способом выражения локализатора (форма местного падежа имени, сочетание имени существительного в неопределенном (или родительном) падеже со служебными именами, наречиями места). Семантическое варьирование обусловлено пространственной семантикой предиката.

4.3.1.5. Модель местонахождения $\{N_{Nom} Loc_{LOC} (пол_{fin})\}$ «Местонахождение субъекта в пространстве»

В таких предложениях речь идет о временном нахождении субъекта в каком-либо месте. А если говорится о местонахождении географических объектов, то форма прошедшего или будущего времени невозможна.

В составе модели местонахождения выделяются два компонента:

1) субъект, обозначающий предмет, о местонахождении которого общается;

2) локативный локализатор, обозначающий пространство, в котором находится предмет. Локализатор данной модели представлен именами существительными в местном падеже. «Глагол *пол* обладает наиболее абстрактной семантикой, для него характерна широкая сочетаемость с объектами локализации любого типа. Его способность обозначать *бытие вообще, пребывание где-либо вообще* предопределяет возможность его использования в качестве связки в составном именном сказуемом» [Невская 2005: 163].

Например: **Постай ууча *иб=де*** (То, 54) 'Бабушка Постай дома'; **Сагаан алчыбыс *иб=де*** (Аўх, 122) 'Гость, которого мы ждали, находится дома'; **Минің дее Муклайым хай-хай *чирлер=де*** (А, 96) 'И даже мой Муклай сейчас далеко'; **Пірдең, олар ам прайзы *иблері=(n)де*** (А, 102) 'Теперь они все у себя дома'.

4.3.1.5.1. Варианты моделей местонахождения

В зависимости от семантики локализатора выделяются 9 вариантов моделей местонахождения:

1) вариант $\{N_{\text{Nom}} \text{Loc}^{\text{deic}}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта, локализуемого относительно говорящего лица». Локализатор данной модели представлен дейктическими наречиями.

Например: *Данияр мында полтыр* (Д, 14) ‘Данияр, оказывается, здесь’; *Аңчылар турлаа, неке, анда* (То, 10) ‘Однако, стойбище охотников там’; *Отах мында, ырах нимес* (То, 78) ‘Шалаш здесь, недалеко’;

2) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Loc}}_{\text{Gen}} + \text{алында}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта перед кем/чем-либо». Локализатор представлен сочетанием имени в родительном падеже со служебным именем *алны=(н)да* ‘перед кем/чем-либо’.

Например: *Алып ат а=ныц алны=(н)да* (Ка,12) ‘Конь-богатырь перед ним’;

3) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Loc}}_{\text{Nom/Gen}} + \text{истінде}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта внутри чего-либо». Локализатор данной модели представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *исти=(н)де* ‘внутри чего-либо’.

Например: *Кизилер вокзал=0 исти=(н)де* ‘Люди внутри вокзала’;

4) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Loc}}_{\text{Nom/Gen}} + \text{кистінде}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта относительно задней части предмета». Локализатор представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *кисти=(н)де* ‘за кем/чем-либо’.

Например: *Аток Павлович Постай ууча=ныц кисти=(н)де* (То, 121) ‘Аток Павлович за бабушкой Постай’; *Күрзек палатка кистінде* (Ат, 222) ‘Лопата за палаткой’;

5) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Loc}}_{\text{Nom/Gen}} + \text{хазында/хыринда/төзінде}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта относительно края, основания предмета». Локализатор представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *хазы=(н)да* /*хыри=(н)да* ‘около/возле кого/чего-либо’.

Например: *Нанчым суз=0 хазы=(н)да* (То, 20) ‘[Мой] друг на берегу реки’; *Паска чар=0 хазы=(н)да* (Ат, 184) ‘Паска на берегу реки’. *Ол [Хызык] соор=0 хыри=(н)да* (А, 49) ‘Он (Хызык) возле саней’;

6) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Loc}}_{\text{Nom/Gen}} + \text{ортызында}(\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта относительно середины предмета». Локализатор представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *ортызы=(н)да* ‘в середине чего-либо’.

Например: *Өртектөр көл=0 ортызы=(н)да* (Ат, 46) ‘Утки в середине озера’;

7) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{устўнде (пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта относительно поверхности предмета». Локализатор выражен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем $\text{ўстў}=(\text{н})\text{де}$ ‘на поверхности/сверху чего-либо’.

Например: *Хызыл питук хана=0 ўстў}=(н)де* (То, 45) ‘Красный петух на заборе’;

8) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom/Gen}}^{\text{Loc}} + \text{аразында (пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта относительно пространства между предметами». Локализатор представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *аразы}=(н)да* ‘среди кого/чего-либо’.

Например: *Ўртектёр хамыстар=0 аразы}=(н)да* (Ат, 47) ‘Утки среди камышей’.

9) вариант $\{N_{\text{Nom}} \text{Loc}_{\text{наречие}} (\text{пол}_{\text{fin}})\}$ – «местонахождение субъекта за пределами пространственного объекта». Локализатор представлен пространственным наречием *тасхар* ‘снаружи, на улице’.

Например: *Палалар тасхар* (Т, 18) ‘Дети на улице’.

Таким образом, рассмотренная модель сообщает о конкретном местонахождении интересующего нас предмета. Начальная позиция субъекта в этой модели является принципиально важной. В этом заключается их значимое отличие от рассмотренных выше бытийных моделей.

4.4. Динамические модели

Среди динамических моделей выделяются модели, описывающие движения субъекта в пространстве: направление из/в какую-либо точку пространства, движение по трассе. Выделяются эти модели на основе их типового значения. Структурные схемы, по которым эти модели строятся, тоже различаются. Модели, описывающие направленное движение, включают директив-финиш, директив-старт и транслокатив. Структурная схема моделей преодоления препятствия отличается от первых наличием объекта, выраженного неопределенным или винительным падежом.

В зависимости от типа локализатора мы выделяем 3 типа динамических моделей: *адлокативные, делокативные и транслокативные*. Адлокативные и делокативные модели передают векторные характеристики движения по горизонтали и вертикали, транслокативные передают трассу, по которой совершается движение или перемещение [Шилова 2003].

Гипермодель направленного движения в общем виде может быть представлена следующим образом: $\{N_{\text{Nom}} \text{DS DF Trloc Inst } V_{\text{дв.}}\}$.

В ее состав входят:

а) субъект действия, обозначающий лицо, которое совершает движение, выраженный именем в неопределенном (именительном) падеже;

б) директив-финиш, который обозначает конечную точку движения (выражен дательным падежом), или то пространство, куда направлено движение (выражен направительным падежом или пространственным наречием, сочетанием имени с пространственными послелогоми и служебными именами);

в) директив-старт, который обозначает пространство, откуда направлено движение (выражен исходным падежом или пространственным наречием, сочетанием имени с различными послелогоми и служебными именами);

г) транслокатив, который обозначает пространство, по которому движется субъект действия (выражен продольно-направительным падежом; наречием, сочетанием имени с различными послелогоми и служебными именами);

д) инструмент (Inst), который обозначает средство передвижения (выражен орудным (творительным) падежом);

е) предикат ($V_{дв.}$), выраженный глаголом движения.

Одну из причин заполнения всех позиций мы видим в том, что маршрут движения бывает сложным и нуждается в детальном упоминании всех пунктов его передвижения. Но в речи полная реализация всех позиций встречается крайне редко; обычно в предложении встречаются один или два локализатора. Например: *Пабам тогыс=таң* (N^{DS}_{AbI}), *иб=зер* (N^{DF}_{Lat}), *орай килген* 'Отец вернулся с работы домой поздно'; *Пис суз хазын=зар* (N^{DF}_{AbI}), *пу чол=ча* (N^{Irlloc}_{Prolat}) *чөрчөбiс* 'Мы на речку ходим по этой дороге'.

В зависимости от типа локализатора выделяются:

- 1) адлокативные модели (с семантикой финиша движения);
- 2) делокативные модели (с семантикой старта движения);
- 3) транслокативные модели (с семантикой трассы движения);
- 4) модели с семантикой преодоления препятствия.

Основанием для выделения этих двух блоков моделей служит их типовое значение. Структурные схемы данных моделей различаются.

В структуре динамических моделей в зависимости от описываемой ситуации выделяется большое количество компонентов: директив-финиш, директив-старт, транслокатив, преодолеваемый объект. Такие модели предложений называются неэлементарными (или многокомпонентными).

4.4.1. Адлокативные модели движения {NNom NDFDat/Lat Vдв.}
«Направленное движение субъекта
в какую-либо определенную точку пространства»

В состав модели входят 3 компонента: 1) субъект действия, совершающий движение в пространстве; 2) локализатор, указывающий на конечную точку движения или направление движения, без достигнутого результата; 3) предикат, выраженный глаголом движения.

Локализатор представлен именами:

а) в дательном падеже, который обозначает значение достижения конечной точки: *сын=га чидерге* ‘дойти до хребта’; *тура=a кирерге* ‘войти в дом’ и др.;

б) в направительном падеже, который употребляется в ситуации, когда субъект передвигается в направлении какой-то точки пространства, не достигая ее: *таг=зар кӧдӱрлерге* ‘подниматься на гору’; *арыг=зар парарга* ‘идти по направлению к лесу’ и др.;

Предикат выражен глаголами направленного движения *пар-* ‘уходить, уезжать’, *кил-* ‘приходить, приезжать’ (обладают дополнительным значением точки, которая принята за точку отсчета, т. е. места, где находится (или мыслит себя) субъект наблюдения), *чагда-* ‘приближаться’, *чит-* ‘доходить, доезжать’; *кӱр-* ‘входить, въезжать’; *сых-* ЛСВ ‘взбираться, подниматься’, *пах-* ‘взбираться’; *кӧдӱрӱл-* ЛСВ ‘подниматься’ и др.

Например: *Улуг хараада ла аал=га читкебіс* (Пт, 81) ‘Только глубокой ночью мы добрались до деревни’; *Олган-узах вокзал=га цртох чидӱскен* (Хч, 4) ‘Дети рано дошли до вокзала’; *Хараа ічем аалдаң пис километрче оортах ӱртӱн=зер парган* (Пао, 94) ‘Ночью мама пошла на зерноток – километров за пять от аала’; *Паскирнең Галя Добрынко аал=зар айланганнар* (Чх, 229) ‘Паскир с Галей вернулись в деревню Добрынко’; *Олар Кӧгім Хорымнар=зар чагдабысханнар* (Кх, 154) ‘Они приближались к Синим Утесам’; *Машинадаң тӱзіп, піс сах андох таг=зар кӧдӱрӱл сыххабыс* (Т, 10) ‘Выйдя из машины, мы тут же стали подниматься на гору’; *Орай ширде Акай нанчызы=(н)зар кірген* (А, 68) ‘Поздно вечером Акай зашел к своему другу’. *Ічезінең хада ол магазинзер тус аларга парган. Анаң хайдаг-да тура=a кіргеннер* (А, 19) ‘Вместе с мамой он пошел в магазин за солью. А потом они зашли в какой-то дом’; *Хыр=зар мин прайзынаң пурнада сыххам* (То, 130) ‘На горочку я взобрался раньше всех’; *Аттар ла ізіг кӱнде сугат=ха инче* (То, 7) ‘Только кони в жаркий день спускаются к реке’.

4.4.1.1. Варианты моделей движения по направлению к определенной точке пространства

В зависимости от семантики локализатора выделяются 22 варианта моделей со значением движения субъекта к определенной точке пространства:

1) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{пер}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта в то пространство, в которое включает себя говорящий». Локализатор выражен пространственным наречием *пер* ‘сюда’.

Например: *Олар пер чалаң килгеннер* (То, 121) ‘Они приехали сюда верхом на коне’; *Кізілер прай пер тисклееннер* (Пт, 84) ‘Все люди бежали сюда’;

2) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{тізгер}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта по направлению тому месту, на которое можно непосредственно указать из точки, где находится субъект речи (с указательным жестом), но в которое он себя не включает». Локализатор выражен пространственным наречием *тізгер* ‘туда’.

Например: *Хароолах, адынаң түзіре сегірібізін, тізгер паза халған* (АТ, 20) ‘Хароолах, прыгнув с коня, ушел туда’;

3) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{андар}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта на более удаленное пространство, возможно за пределами видимости». Локализатор выражен пространственным наречием *андар* ‘туда’.

Например: *Люда андар чүзүрген* (Пао, 66) ‘Люда туда помчалась’;

4) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{нандыра}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «обратное движение субъекта домой или туда, где мыслится начало движения». Локализатор выражен наречием *нандыра* ‘обратно’.

Например: *Пирелері нандыра килгеннер* (Ат, 22) ‘Некоторые пришли обратно’;

5) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Dat + читіре/теере/кире}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта до определенного пространственного ориентира».

Локализатор выражен сочетанием имени существительного в дательном падеже с послелогом *читіре* ‘до, вплоть до’, *теере* ‘до’, *кире* ‘до’.

Например: *Парачах таг идегінде турган ікі тымт=ха теере парған* ‘Парачах шел до двух лиственниц, стоящих у подножия горы’;

6) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Lat + алдыра}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта, направленное в сторону пространственного ориентира, без достижения его». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в назывательном падеже с послелогом *алдыра* ‘в сторону’. Предложения строятся по структурной схеме

Например: *Кізілер аның соонча арыг=зар алдыра субалысчалар* (Ткө, 26) ‘Люди вслед за ним тянутся в сторону леса’; *Хастах Люда, Кайның холын салыбызып, Хара Сүрмеснең хада аал=зар алдыра пастыр сых-*

ханнар (Пао, 63) ‘Хастах Люда отпустила руку Кая, и вместе с Хара Сюрмес побрели в сторону аала’;

7) вариант модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Dat} + \text{удур}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта навстречу кому-либо». Локализатор модели представлен сочетанием имени существительного в дательном падеже с послелогом *удур* ‘навстречу’.

Например: *Хал Петке ага=а удур килир* (Пао, 60) ‘Хал Петке идет ему навстречу’;

8) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{истине/истинзер}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта внутрь определенного объекта». Локализатор может быть выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *истине=(н)е/истине=(н)зер* ‘вовнутрь чего-либо’.

Например: *Өңөң пиг хая=0 исти= (н)зер кир парыбысхан* (Чт, 42) ‘Очен пиг вошел в пещеру’;

9) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom/Gen} + \text{үстүне/пазына}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта на верхнюю часть чего-либо». Локализатор модели представлен сочетанием имени в неопределенном или родительном падеже со служебными именами *үстү=(н)е* ‘на верх’ и *пазы=(н)а* ‘на вершину’.

Например: *Хайзылары пөзик таг=0 үстү=(н)е сыххлааннар* (Ч, 52) ‘Некоторые поднимались на вершину высокой горы’; *Пилика таг=0 пазы=на чадап сыгып алган* (Пт, 64) ‘Пилика кое-как поднялся на вершину горы’; *Олох хыр=нын үстү=(н)е сыхчам* (Аух, 98) ‘[Я] взбираюсь на вершину того же холма’; *Анчада Хурун, күлбүрөп ала, төң=0 үстү=(н)е сыгып одура* (То, 53) ‘В это время Хурун, что-то выговаривая про себя, поднимается на вершину пригорка’;

10) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{чогар}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта вверх по пространственному объекту». Локализатор движения передается сочетанием имени существительного в неопределенном падеже с пространственным послелогом *чогар* ‘вверх’.

Например: *Аңчылар хол=0 чогар чөрібіскеннер* (Пт, 20) ‘Охотники ушли вверх по логу’; *Түлгүчек хол=0 чогар чүгүрібіскен* (Хчн, 15) ‘Лисичка убежала вверх по логу’;

11) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{чогар}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта вверх (в западную сторону)». Локализатор выражен наречием *чогар* ‘вверх’.

Например: *Кавристің ічезі чогар чүгүр нарир* (Кк, 13) ‘Мама Кавриса побежала вверх (в верхнюю сторону села)’;

12) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{индире/төбін}}^{\text{DF}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта вниз по склону или вниз по течению реки». Локализатор движения передается сочетанием имени существительного в неопределенном падеже с пространственными послелогом *индире* и *төбін* ‘вниз’.

Например: *Мыны ла исте, ооллар тура хонганнар, суз=0 индире чүгүр сыхханнар* (АХ А, 91) ‘Услышав это, парни тут же встали и побежали вниз’; *Адым унис=0 төбін ойлабысхан* (Пт, 20) ‘Конь [мой] убежал вниз по склону’;

13) вариант $\{N_{Nom} N_{индире}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта вниз (в восточную сторону)». Локализатор выражен наречием *индире* ‘вниз’.

Например: *Ухчылар, хамчы хагып, индире чөрибискеннер* (Чт, 22) ‘Стрелки, закручивая веревки, ушли вниз’;

14) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom + алтынзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта, направленное вниз подо что-либо». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *алты=(н)зар* ‘под низ чего-либо’.

Например: *Голубок улуг стол=0 алтын=зар атыгыбысхан* (фолькл.) ‘Голубок прыгнул под большой стол’; *Чылан хая=0 алтын=зар кирибискен* (Хчн, 137) ‘Змея уползла под скалу’;

15) вариант $\{N_{Nom} N_{тасхар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта на улицу». Локализатор модели представлен наречием *тасхар*.

Например: *Ол тасхар сых парыбысхан* (Х, 6) ‘Он вышел на улицу’;

16) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom + тастынзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта за пределы пространственного ориентира». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *тасты=(н)зар* ‘наружу’.

Например: *Поко өрингенінең сиден=0 тасты=(н)зар чүзүрген* (Мп, 50) ‘Поко от радости побежал за ограду’; *Оолагас аргызынаң хада ограда=0 тасты=(н)зар сыххан* (Км, 25) ‘Мальчик со своим другом вышел за ограду’;

17) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom/Gen + алнына/алнынзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта в переднюю часть ориентира». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном или родительном падеже со служебным именем *алны=(н)а/алны=(н)зар* ‘вперед’.

Например: *Кустук падаагы кизилер=ниң алны=(н)а чүзүр килген* (Вк) ‘Кустук подбежал к связанным людям’; *Ичезі нес=0 алны=(н)зар пастыр килген* (Пт, 69) ‘Мама (его) подошла к печке (к передней части печки)’;

18) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom + кистинзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта за какой-либо пространственный ориентир». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *кисті=(н)зер*.

Например: *Пабам тура=0 кисті=(н)зер паза халган* (Ат, 12) ‘Отец ушел за дом’;

19) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom + төзіне/төзінзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта к основанию чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *төзі=(н)е/төзі=(н)зер* ‘к основанию чего-либо’.

Например: *Хайди полза, таг=0 төзі=(н)е чидістібіс* (То, 17) ‘Наконец дошли до подножия горы’;

20) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom + хырина/хыринзар/хазына/хазынзар}^{DF} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта к краю чего-либо». Локализатор модели выражен сочетанием

имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *хыри=(н)а/ хыри=(н)зар* ‘к краю чего-либо’, *хазы=(н)а/ хазы=(н)зар* ‘к краю’.

Например: *Ол [Торан], тур килп, кӧрӱндес=0 хыри=(н)зар пастырча* (Аўх, 31) ‘Он [Торан], поднявшись, подходит к зеркалу’; *Хазаа=0 хыри=(н)зар пастыр пардыбыс* (Аўх, 103) ‘Подожли к стайке’; *Тура пулиина кӧлене, иргӱ кузница=0 хыри=(н)зар пастыр сыхханнар* (Аўх, 34) ‘Скрываясь за край дома, стали подходить к старой кузнице’; *Каврис суз=0 хазы=(н)зар парыбысхан* (Кк, 114) ‘Каврис ушел на речку’; *Арминек суз=0 хазы=(н)зар ойлабысхан* (То, 25) ‘Арминек убежал к реке’;

21) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{DF}}^{\text{DF}} \text{Nom} + \text{ортызына/ ортызынар } V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта в середине пространственного ориентира». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *ортызы=(н)а/ ортызы=(н)зар* ‘до середины’.

Например: *Кӧл=0 ортызы=(н)а хайди полза чидп алгабыс* (Ат, 22) ‘Наконец-то доплыли до середины озера’;

22) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{DF}}^{\text{DF}} \text{Nom} + \text{аразына/аразынар } V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта в пространстве между предметами». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *аразы=(н)а /аразы=(н)зар* ‘между’.

Например: *Анаң Чабус, мылтыгын таянып, агас=0 аразы=(н)а нандыра кӱрӱскен* (А, 41) ‘Потом Чабус, опираясь об ружье, обратно ушел в лес’; *Анаң [Арминек], хол сабызып, агастар=0 аразы=(н)зар пастыра халган* (То, 85) ‘Потом [Арминек], махнув рукой, ушел в лес’; *Пис пӱрде сырып-сарып аразы=(н)а кӱрчӱбӱс* (То, 77) ‘Мы то проходим среди сухих веток (букв.: входим в пространство между ветками)’; *Хазыңнар=0 аразы=(н)зар кӱрчӱбӱс* (То, 130) ‘Идем в сторону березовой рощи (букв.: в пространство между березами)’.

4.4.2. Делокативные модели движения $\{NNom NDSAbI V_{\text{дв.}}\}$ «Направленное движение субъекта от/из какого-либо ориентира в пространстве»

В состав модели входят три компонента: 1) субъект, совершающий движение в пространстве; 2) локализатор, указывающий на исходную точку движения; 3) предикат, выраженный глаголом направленного движения.

Субъект представлен именами предметной семантики в именительном падеже. Локализатор представлен именами в исходном падеже, который обозначает значение движения из исходной (стартовой) точки пространства: *тура=даң* ‘из дома’, *оймах=таң* ‘из ямы’, *арыг=даң* ‘из леса’.

В роли предиката выступают глаголы направленного движения, которые в зависимости от лексического наполнения позиции директива-старта в предложении выступают в роли следующих типов предикатов движения:

1) предикаты отбытия, выраженные глаголами *пар-* ‘уходить, уезжать’, *тарас-* ‘расходиться (о многих)’;

2) предикаты прибытия, выраженные глаголом *кил-* ‘прибывать, приходиться, приезжать, прилетать, приплывать’;

3) предикаты возвращения, выраженные глаголом *айлан-* ‘возвращаться’;

4) предикаты движения наружу, выраженные глаголом *сых-* ЛСВ ‘выходить, выезжать’;

5) предикаты удаления, выраженные глаголом *ыра-* ‘удалиться, отдаляться, уходить, отходить, уйти далеко’;

6) предикаты скрытого удаления, выраженные глаголами *тис-* ‘убегать’, *хас-* ‘сбегать, убегать, скрываться от кого-л., бежать’;

7) предикаты движения вниз с высокой точки, выраженные глаголами *түс-* ‘спускаться, опускаться, сходиться, слезать (сверху, с возвышенности)’, *ин-* ‘спускаться (под гору)’;

8) предикаты непроизвольного движения вниз, выраженные глаголом *аңдарыл-* ‘падать’;

9) предикаты начала движения, выраженные глаголом *тибіре-* ‘трогаться, отправляться, сдвигаться (с места)’.

Например: *Кізілер контора=даң агырин сыхлааннар* (Кк, 65) ‘Люди потихоньку выходили из конторы’; *Машина, тізең, ідөк ле піс=тең ырапчатхан* (А, 72) ‘А машина все так же отдалялась от нас’; *Автобус орны=наң тибіребісті* (Т, 4) ‘Автобус тронулся с места’; *Аңчылар иртен иртөк хонган чирлері=нең тибіребіскеннер* (Мн, 23) ‘Охотники рано утром отправились с места ночевки’; *Онсар ат=таң түскен* (Пт, 64) ‘Онсар слез с коня’; *Піс таг=даң ингебіс* (Хп, 4) ‘Мы спускались с горы’.

4.4.2.1. Варианты моделей движения от какого-либо ориентира в пространстве

В зависимости от семантики локализатора выделяются 9 вариантов моделей со значением движения субъекта от какого-либо пространственного ориентира в пространстве:

1) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{дв}}^{\text{DS}} \text{ наречие } V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта от точки пространства, локализуемой относительно действующего лица».

Локализатором являются дейктические наречия *мыннаң* ‘отсюда’, *пеертін* ‘отсюда’, *тигдең* ‘оттуда’, *аннаң* ‘оттуда’ и *аартын* ‘оттуда’.

Например: *Пайаағы кізілер тигдең сыхханнар* (Аўх, 172) ‘Те люди вышли оттуда’; *Ол аннаң айлан килген* (Аўх, 64) ‘Он вернулся оттуда’;

2) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Abl} + \text{истінең}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта из внутренней части предмета». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже в сочетании со служебным именем *исті=нең* ‘из внутренней части’.

Например: *Кошара=0 істі=нең хойлар сыхлапча* (Кк, 65) ‘Из кошары выходят овцы’;

3) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Abl} + \text{сығара}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта от определенного пространственного ориентира». Локализатор представлен сочетанием имени существительного в исходном падеже с послелогом *сығара* ‘из, от, с’.

Например: *Піс Асхыс=таң сығара чазаг килгебіс* (Х, 6) ‘Мы от Аскиза шли пешком’;

4) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{алтынаң}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движение субъекта из-под определенного пространственного ориентира». Локализатор представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *алты=наң* ‘из-под’.

Например: *Сергеек стол=0 алты=наң сых килген* (Т, 10) ‘Сергеек вылез из под стола’;

5) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{аразынаң}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «движения субъекта из промежутка между предметами». Локализатор представлен сочетанием имени существительного, обозначающим скопление однородных неодушевленных предметов (дерева, трава, кустарники) и одушевленных предметов (люди, животные, птицы) со служебным именем *аразы=наң* ‘из промежутка между предметами’.

Например: *[Абачах] агас=0 аразы=наң хут чох сығара ойлап килген* (То, 27) ‘[Медвежонок] сильно испугавшись, выбежал из леса’;

6) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{пазынаң}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «удаление субъекта с вершины деревьев/ с начала села, устья реки». Локализатор модели представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *пазы=наң* ‘с верхней части чего-либо’.

Например: *Пөзік агас пазы=наң сегірібіскен* (Кх, 4) ‘Спрыгнул с макушки дерева’;

7) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom} + \text{үстүнең}}^{\text{DS}} V_{\text{дв.}}\}$ – «удаление субъекта с поверхности какого-либо предмета». Локализатор модели представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *үстү=нең* ‘с поверхности чего-либо’.

Например: *Іцезі тура=0 үстү=нең түскен* (Кх, 13) ‘Мама (его) спустилась с крыши дома’; *Олганнар хаялар=0 үстү=нең түскелечелер* (Мн,

66) 'Ребята спускаются со скал'; *Оолагас хазаа=0 үстү=нең аңдарыл парган* (Км, 34) 'Мальчик упал со стайки';

8) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom+кистінең}^{DS} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта из-за пространственного ориентира». Локализатор представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *кисті=нең* 'из-за чего-либо'. Предикатом данной модели обычно выступает глагол *сых*- 'выходить'.

Например: *Брах нимес турган пөзік күрген=0 кисті=нең чалаң кізі, киикчін чілі, сыга салган* (Нд) 'Из-за высокого кургана, стоящего поодаль, выскочил всадник, словно беркут'; *Хара тал=0 кисті=нең кізі харалып сых чөр* (То, 35) 'Из-за черного тальника выходит человек';

9) вариант $\{N_{Nom} N_{Nom+хазынаң/хыринаң}^{DS} V_{дв.}\}$ – «движение субъекта от края чего-либо». Локализатор данной модели представлен сочетанием имени в неопределенном падеже со служебными именами *хазы=наң* и *хырин=наң* 'от края чего-либо'. Пространственным ориентиром выступают берег реки, край дороги, опушка леса.

Например: *Піс Ольга Ивановнаң суғ=0 хазы=наң ам на айлан килдібис* (Ат, 41) 'Мы с Ольгой Ивановной только что вернулись с речки'; *Чол=0 хыри=наң тогылахтан парыбысхан осхас* (А, 118) 'Видимо, скатился от дороги'.

Таким образом, рассмотренные модели со значением движения откуда-либо являются менее частотными, чем модели со значением движения куда-либо. Это связано с тем, что коммуникативная потребность указывать стартовую точку движения гораздо меньше по сравнению с потребностью фиксировать конечный пункт назначения.

4.4.3. Транслокативные модели движения $\{N_{Nom} N_{Prolat}^{Tirloc} V_{дв.}\}$ «Передвижение субъекта по трассе движения»

В состав модели входят три компонента:

1) субъект действия, обозначающий лицо, совершающее движение; подлежащее конструкции; 2) локализатор, обозначающий пространство, по которому и в границах которого совершается передвижение субъекта; 3) предикат, выраженный глаголами движения.

Локализатор в данной модели представлен именами в продольно-направительном падеже (=ча/=че; =ча/=че): *чол=ча* 'по дороге'; *суғ=ча* 'по воде'; *стол=ча* 'по столу' и др.

В качестве предиката моделей употребляются глаголы направленного движения.

Например: *Тротуар=ча көблче Арчол парчатхан* (Т, 7) 'По тротуару тихо шел Арчол'; *Пүүн мин, иртен иртөк турып алып, тбрген чирім=че*

хуластанчам (Тко, 3) ‘Сегодня я, встав рано утром, шагаю по родной земле’; *Мин чалгыс азах чол=ча ингем* ‘Я спускался по тропинке’; *Ікі хыс чол=ча килчелер* (Хт, 61) ‘Две девушки идут по дороге’; *Игурак, тізең, чол=ча агырин-көблче пастырчатхан* (Ка, 13) ‘А Игурак потихоньку шагал по дороге’.

4.4.3.1. Варианты моделей с семантикой трассы движения

В зависимости от семантики локализатора выделяются 8 вариантов транслокативных моделей:

1) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{мынча}}^{\text{Triloc}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта по трассе, на которое указывает говорящее лицо».

Локализатор модели выражен пространственным наречием *мынча* ‘по этому месту (т.е. пространство, в которое включает себя говорящий)’.

Например: *Пис мын=ча парарбыс* (Ат, 7) ‘Мы вот так (по этому месту) пойдем’;

2) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{тигче}}^{\text{Triloc}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта по трассе, на которое можно указать из точки, где находится субъект речи, но в которое он себя не включает’. Локализатор выражен пространственным наречием *тигче* ‘по тому месту’.

Например: *Хызыцах тиг=че иртібіскен* (Х, 7) ‘Девочка прошла там’;

3) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Gen+устўнче}}^{\text{Triloc}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта над чем-либо». Локализатор может быть представлен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебными именем *устўн=че* ‘сверху чего-либо’;

Например: *Агын хастар піс=тиң ұстўбіс=че иртчелер* (ИК МН, 5) ‘Перелетные птицы пролетают над нами’; *Пірдең, мыннаң көдірілген аарлар олар=ның ұстўн=че иртерге киректер* (Ка 25) ‘Пчелы, которые поднялись с этой стороны, должны пролететь над ними’;

4) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom/Gen+алынча}}^{\text{Triloc}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта перед пространственным ориентиром». Локализатор модели выражен сочетанием имени существительного в родительном падеже со служебным именем *алны=(н)ча* ‘вдоль передней части или плоскости кого/чего-либо’.

Например: *Ўғренчилер школа=0 алны=(н)ча иртібіскеннер* (Т, 65) ‘Ученики прошли перед школой’ и др.;

5) вариант $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom+хыринча/хазынча/тўзінче}}^{\text{Triloc}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта около пространственного ориентира». Локализатор представлен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебными именами *хыри=(н)ча* ‘по краю чего-либо’.

tözi=(н)ча ‘вдоль по основанию чего-либо (гора, забор и т.п.)’ и *хазы*=(н)ча ‘вдоль дороги, реки’.

Например: *Игурак кічицек сууцах=тың хазын=ча агырин пастырчатхан* (Ка, 22) ‘Игурак медленно шел вдоль маленькой реки’; *Нога-да олар [аарлар] пістің отах=0 хырин=ча учухчалар* (Ка, 29) ‘Почему-то они [пчелы] пролетают мимо нашего шалаша’; *Хурун Ивановичтің чурты=0 хыри=(н)ча иртчебіс* (ФБ, ТО, 52) ‘Мы проходим мимо дома Хурун Ивановича’;

6) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Trrloc}}_{\text{Nom} + \text{тастынча}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта по внешней стороне трассы». Локализатор представлен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *тасты*=(н)ча ‘по внешней стороне дороги’.

Например: *Саңай чол=0 тасты=(н)ча килдібіс* (Х, 7) ‘Шли только по краю дороги’;

7) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Trrloc}}_{\text{Nom} + \text{аразынча}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта вдоль по пространству между предметами». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в неопределенном падеже со служебным именем *аразы*=(н)ча ‘вдоль по пространству между предметами’.

Например: *Никлай хаты марли ла түстір, анаң, кил, табылгат=0 аразы=(н)ча үжүс салтыр* (Т, 49) ‘Жена Никлая закричала, а потом как побежала по зарослям таволги’; *Мин ол хузухтар=0 аразы=(н)ча пар сыххам* (Ат, 33) ‘Я стал идти среди тех кедров’;

8) вариант $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Trrloc}}_{\text{Nom/Gen} + \text{ортызынча}} V_{\text{дв}}\}$ – «движение субъекта вдоль по средней части чего-либо». Локализатор выражен сочетанием имени существительного в родительном или неопределенном падеже со служебным именем *ортызы*=(н)ча ‘вдоль по средней части чего-либо’.

Например: *Піс чол=0 ортызы=(н)ча ла парарбыс* ‘Мы пойдем только по середине дороги’ и др.

В хакасском языке транслокативный локализатор может выражаться орудным падежом (=нан/=нең). Структурную схему можно представить следующим образом: $\{N_{\text{Nom}} N^{\text{Trrloc}}_{\text{Instr}} V_{\text{дв}}\}$. Ср., *Мин чол=ча парчам/ Мин чол=наң парчам* ‘Я иду по дороге’.

Такое употребление орудного падежа в значении трассы встречается в шорском языке, где совместно-орудный падеж с показателями =ба/=ма/=па (в недалеком прошлом имел форму =бынаң/=мынаң/=пынаң) может выражать значение движения по поверхности, занимающей большое пространство: *Мен олок чол=ба нандым* ‘Я той же дорогой вернулся’; *Пир тушта пистиң чер=бе шериг партыр* ‘Однажды по нашей земле войско проходило’ [Телякова 1998: 100].

В алтайском языке орудный падеж (=ла/=ле) тоже используется для выражения значения трассы при глаголах движения и перемещения. Это могут быть искусственные пути сообщения: тропа, дорога, переулок, ко-

ридор, напр.: *Та кажсы жол=ло баратан – чек ле айлап болбой турдым* [БУ, Т, с. 43] ‘По какой дороге идти, совсем не могу понять’ [Озонава 2004: 105].

4.4.4. Модель преодоления препятствия $\{N_{Nom} N_{Nom/Acc} V_{Dв.}\}$
«Преодоление движущимся субъектом какого-либо
пространственного объекта»

В состав модели входят 3 компонента:

1) субъект, представленный одушевленным именем в неопределенном падеже; 2) преодолеваемый объект, выраженный именем в винительном или неопределенном падежах, обозначающим пространственный ориентир; 3) предикат, выраженный глаголом движения.

Локализатор в данной модели представлен именем в неопределенном или винительном падеже.

В качестве предиката выступают следующие ГД: *кис-* ‘1) переходить *что-либо*; 2) переправляться через *что-либо*’; *алта-* ‘1) перешагивать; 2) перелезть’; *ас-* ‘переваливать’; *өт-* ‘1) проходить, пробираться; 2) пролезать, проникать’, *урт-* ЛСВ ‘проходить, миновать’; *тобыр-* ЛСВ ‘пробираться’, *ибір-* ЛСВ ‘1) обходить, объезжать, окружая, огибая *кого-либо, что-либо*; 2) пройти по всему пространству *чего-либо*; исходить; 3) объезжать, побывать во многих местах’; *чөр сал-* ‘обойти, объехать’ [ХРС 2006].

«Выбор между неопределенным и винительным падежами определяется желанием говорящего подчеркнуть определенность преодолеваемого пространства (винительный падеж) или, напротив, его неопределенность, втянутость в семантическую структуру глагола и характеризующий оттенок у имени пространства <...>. Винительному падежу в большей степени свойственно значение полного преодоления пространства, в то время как неопределенный падеж чаще имеет значение трассы движения» [Невская 2005: 110].

«Преодолеваемое пространство – это векторно-линейная координата, обозначающая сопостранственность с пространством, выраженным опорным локумом, и достижение его «противоположной стороны» как результат движения при фактитичности значения локативного предиката» [Невская 2005: 111]. Препятствие предстает как прямой объект действия: *перейти реку, проехать станцию, остановку*; сходные сдвиги представления о движении связаны и с «круговым» движением типа *обойти лужу* и т. п. [Черемисина 1998: 51].

4.4.4.1. Варианты модели преодоления препятствия

Варьирование модели зависит от лексического значения глаголов, формирующего предикат модели, и от имени, выступающего в качестве преодолеваемого объекта. В хакасском языке мы выделяем 5 семантических вариантов модели преодолеваемого объекта:

1) вариант со значением преодоления препятствия определенным способом (пешком, вплавь и прыжком). Данный вариант в хакасском языке формируют глаголы *кис-* ‘переправляться через реку, переходить что-либо (дорога)’ и *алта-* ‘1) перешагивать; 2) перелезть’.

Например: *Амды мин чулычахтар=ны кисчем* (Хп, 1) ‘Теперь я перехожу маленькие речки’; *Пайаагы сууцах=ты кис парды* (Аўх, 4) ‘Ту же речку перешел’; *Камзар улуг чол=ны кискен* (Т, 7) ‘Камзар перешел широкую улицу’; *Чурттың иркін=i=н алтабысхан* (Хч, 7) ‘[Он] перешагнул через порог дома’;

2) вариант со значением преодоления какой-либо возвышенности (гора, холм...). Данный вариант формируется глаголом *ас-* ‘переваливать’. Преодоление какой-либо вершины представляет собой двусторонний процесс. Первая фаза – движение вверх до вершины, вторая – движение вниз, спуск.

Например: *Аттар пил=0 ас килгеннер* (Аўх, 156) ‘Лошади перевалили хребет’; *Олар даа ну сын=ны асчаттырлар* (То, 68) ‘И они, оказывается, тоже переваливают этот хребет’;

3) вариант со значением преодоления большого расстояния. Данный вариант формируется глаголами *от-* ЛСВ ‘проходить, пробираться, пересекать (поле)’ и *тобыр-* ЛСВ ‘проходить, пробираться, пробиваться *через что-либо*’.

Например: *Хараа тооза аңчылар кізі ирт полбас тайга=ны тобырганнар* ‘Всю ночь охотники шли через непроходимую тайгу’;

4) вариант со значением полного охвата пространства. Этот вариант модели формируется при помощи глаголов *ибір-* в ЛСВ ‘пройти по всему пространству чего-либо; исходить, объездить’ и *чөр сал-* ‘обойти, объехать’.

Например: *Нинче хати Орис пабазынаң ну чазылар=ны ибір салган* (ТБ О, 18) ‘Сколько раз уже Орис с отцом обошли эти поля’; *Хайзы аңнар кун тооза чазы=0 ибір чөрчелер* (Аўх, 156) ‘Некоторые звери целый день обходят все поле’; *Минің пабам прай Хакасия=ны чөр салган* (Хч, 68) ‘Мой отец объездил всю Хакасию’; *Кичее ну чазы=ны прай чазаг чөр салгам* (Хч, 68) ‘Вчера все это поле обошел пешком’; *Сині көрглеп, прай аал=ны ибірдім* (Аўх, 118) ‘Тебя разыскивая, всё село обошёл’;

5) вариант со значением движения в обход пространственного ориентира. Этот вариант модели формируется при помощи глагола *ибір-* в ЛСВ

‘обходить, объезжать, окружая, огибая *что-либо*’, например: *А мин иби=ни пасха саринаң ибиргем* (Кт, 170) ‘А я дом обошел с другой стороны’.

Таким образом, семантика моделей предложений со значением преодоления преграды на пути движения напрямую зависит от семантики глаголов движения со значением преодоления препятствия.

Изучение пространственных моделей ЭПП статической и динамической локализации и их структурно-семантических вариантов показало:

1. Среди статических выделяются бытийные и модели местонахождения (локативные), среди динамических – адлокативные модели движения, характеризующие конечную точку движения; делокативные модели, характеризующие начальную точку движения; транслокативные, характеризующие трассу движения и модели преодоления препятствия. В зависимости от семантики локализатора выделяются 22 варианта адлокативных моделей движения, 9 вариантов делокативных моделей, 8 вариантов транслокативных моделей и 5 вариантов моделей преодоления препятствия;
2. Главным компонентом и организующим центром для всех пространственных моделей является глагольный предикат;
3. Кроме глагольного предиката для пространственных моделей обязательным компонентом является локализатор. В хакасском языке позицию локализатора могут занимать имена существительные, пространственные наречия, послелоги, сочетания имени существительного со служебными именами.
4. Еще одним важным средством выражения пространственных отношений являются аффиксы пространственных падежей (местный, дательный, винительный, направительный, орудный и продольно-направительный).

ГЛАВА V. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Обилие антонимических пар в естественных языках принято связывать с общечеловеческой тенденцией «поляризовать» опыт и оценочные суждения – или «думать противоположностями» [Лайонз 1978: 495]. Феномен поляризации когниции и оценки становился объектом изучения, начиная с древнейших времен, в том числе в работах Аристотеля. Около 4000 лет назад древние китайские метафизики указывали на биполярную организацию мира и на корреляцию позитивной и негативной оценок с концепцией Ян и Инь, соответственно [Paradis 2016: 132].

Данная когнитивная модель двоичной категоризации мира объективируется в языковых единицах в виде антонимических пар, обладающих сходством семантической и структурной организации. Семантическая противопоставленность может опираться как на качественный признак противоположности значения, так и на его коррелятивный аспект [Ахманова 1969: 47]. В обоих случаях степень оппозитивности значения может различаться в зависимости от ее закреплённости в семантике противопоставления словесной пары или от контекста ее употребления. Для уточнения и дифференциации соответствующих типов антонимических пар были введены термины *канонические антонимы* («canonical antonyms») и *хорошая оппозитивность* («goodness» of opposition), подчеркивающие важность каноничности как «степени, в которой антонимы являются одновременно семантически связанными и воспринимаются как пары в языке» [Murphy 2003: 31].

В отличие от базовых бинарных оппозиций с высокой степенью каноничности, означающей прочную лексико-семантическую закреплённость в языке и памяти носителей разных языков, большое количество антонимических пар, используемых для передачи оппозитивности в дискурсе, не являются такими же прочно спаянными. Это выводит на актуальность перспективы использования семантического измерения канонических антонимов для проведения типологических исследований, уточняющих использование антонимов в их дискурсивном окружении в рамках единой методики в разных языках и культурах. В качестве нового и перспективного направления рассматривается также возможность создания типологического антонимического атласа, позволяющего исследовать роль би-

нарных оппозиций в языке и когниции в целом [См об этом: Paradis at el 2009, Paradis 2016].

Современные исследования в рамках когнитивной лингвистики подтверждают приоритетность семантики слова в качестве важного объекта многостороннего изучения. В них также отмечается определенная лимитированность объема лексикографических значений, представленных в словарях. А. А. Залевская подчеркивает, что, несмотря на функциональную достаточность общесистемного значения слова, более или менее успешно подающегося лексикографическому описанию, необходимо учитывать и богатство «продуктов перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов», которое «отображается в *психологической структуре значения*», выводя в «необъятную систему знаний, переживаний, связей и отношений» [Залевская 2007: 271]. Поэтому в систему ключевых понятий, используемых для всестороннего и взаимосвязанного изучения значения в его динамике, включаются *ассоциативное направление и ассоциативное значение*. Понятие *ассоциативное значение* было сформировано в процессе поиска «*специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова*» [Там же: 191].

Актуальность более углубленного изучения семантической структуры слова связана не только с признаваемой ограниченностью его лексикографического значения, но и со значительно бóльшим богатством семантических коннотаций в единицах лексического уровня языка (в отличие от грамматического), требующих изучения их экспонентов [Paradis 2016: 136].

Для преодоления существующей угрозы лингвистической редукции познания языковой модели мира, по умолчанию состоящей «только из знаний, локализованных в значениях языковых единиц», необходимо проводить конструирование смысла слова через его «овнешнение» при помощи «нескольких принципиально разных знаковых объективаций, дополняющих друг друга» [Тарасов 2010: 6–8]. К номенклатуре таких ведущих знаковых объективаций относятся и ассоциативные тезаурусы, и ассоциативные поля, получаемые при помощи ассоциативных экспериментов как валидных инструментов овнешнения языкового сознания. Именно результаты ассоциативных экспериментов подтверждают справедливость «выбора слова в качестве объекта при изучении сознания», так как получаемое ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культу-

ры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева 2011: 208].

Для обозначения дополнительных значений слов-стимулов, получаемых по итогам ассоциативных экспериментов, используется термин *психолингвистическое значение* – производное от понятия *психологически реальное значение слова*. По мнению И. А. Стернина, его целесообразность связана с содержащимся в нем указанием на «источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент», актуализируя тем самым «изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков...» [Стернин 2010: 58].

Как лексикографические, так и психолингвистические значения разных языков «не изоморфны» – семантические разграничения и категоризации полей могут проводиться разными языками различным образом [См. об этом: Лайонз 1978: 454]. И разница в концептуализации представлена не только на уровне разных языков – одно и то же слово в языковом сознании (далее – ЯС) носителей одного языка может вызывать самые разные ассоциации. Поэтому успешная разработка психолингвистической теории невозможна без продолжения экспериментальных исследований на материале разных языков и введения полученных данных в научный оборот, в том числе и для создания нового поколения лексикографических и ассоциативных словарей как важнейшей основы для дальнейших межъязыковых и межкультурных сопоставлений [Боргоякова, Покоякова 2016].

Стимулом и теоретической основой для психолингвистического направления поиска являются также выводы ученых о конфликтах непонимания или неполного понимания в межкультурном общении, связанных с этнической обусловленностью сознания человека, разницей в системе знаний, ориентиров и культурных стереотипов в языковом сознании носителей того или иного языка [Леонтьев 1993; Тарасов 2003; Уфимцева 2005; Дмитрюк 2015]. Контрастивные исследования помогают также избежать вульгаризации суждений о национально-культурной специфике, сделанных на одноязычном материале [Алефиренко 2012: 136].

Психолингвистические исследования с привлечением хакасского экспериментального материала начались после создания прямого и обратного ассоциативных словарей хакасского языка А. П. Боргояковой по итогам массового свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 1998–2000 годах в Республике Хакасия. Результаты исследования были представлены в ее диссертации на соискание степени кандидата наук с приложением созданных ассоциативных словарей и в монографии «Образ мира в языковом сознании этноса» [Боргоякова 2002, 2003]. Позднее электронная версия хакасского прямого ассоциативного словаря с предид-

словием автора (более 150 ассоциативных полей) вошла в состав эмпирической базы проекта по изучению динамики и констант хакасского языкового сознания. В рамках данного проекта, поддержанного грантом РФФИ (2015–2017), был также подготовлен электронный хакасский ассоциативный словарь, включающий 63 ассоциативных поля.

Появление двух версий хакасских ассоциативных словарей (2002 и 2017 гг.), доступных пока для ограниченного числа исследователей, стало существенным вкладом в создание научной базы для дальнейшего изучения семантики языковых единиц хакасского языка, а также для продолжения и развития сопоставительных исследований. Препятствием для их всестороннего проведения является отсутствие толкового словаря хакасского языка, полного фразеологического словаря хакасского языка, словаря антонимов хакасского языка, национального корпуса хакасского языка и других типов словарей, банков языковых данных и справочной литературы, составляющих минимальную основу для проведения более эффективного и углубленного изучения семантики языковых единиц с выходом на типологические исследования.

К. Парадиз подчеркивает актуальность и явную недостаточность типологических исследований в области лексической антонимии, особенно это касается попыток кросс-культурного поиска, направленного на описание богатства вариаций и многозначности оппозитивного значения канонических антонимических пар в разных языках [Paradis 2016: 133]. В этой связи следует отметить, что психолингвистические исследования на базе хакасского ассоциативного материала с самого начала проводились с привлечением контрастных данных русского и английского языков [Боргоякова 2002, 2003] в русле теоретических положений Московской этнопсихолингвистической школы под руководством Н. В. Уфимцевой.

Данная традиция была продолжена в диссертационных исследованиях, посвященных этнокультурной специфике языкового сознания на материале канонических антонимических пар *сильный / слабый* и *мужчина / женщина* в трех языках – хакасском, русском и английском [Топоева 2011, Покоякова 2014], а также в других работах последних лет [Боргоякова, Покоякова 2016]. Для изучения динамики и констант хакасского языкового сознания привлекаются два прямых хакасских ассоциативных словаря, о которых шла речь выше. Они обычно обозначаются соответствующими аббревиатурами *АП-1* и *АП-2*. В данной главе также будут в дальнейшем использованы данные аббревиатуры.

Одной из основных целей межязыковых психолингвистических исследований является выявление универсалий и этнокультурной специфики, заключенной в семантике единиц языкового сознания. Важным объектом таких исследований в отечественной психолингвистике является **ядро языкового сознания**, которое выявляется с использованием дан-

ных двух типов ассоциативных словарей – прямых и обратных. Такой комплекс на данный момент создан для небольшого количества языков, включая английский, русский и хакасский.

С опорой на опыт создания ядра английского языкового сознания А. А. Залевской и русского языкового сознания Н. В. Уфимцевой, А. П. Боргоякова разработала ядро языкового сознания хакасов, состоящее из 50 слов-реакций. Эти слова имеют наибольшее количество связей с различными другими словами в ассоциативно-вербальной сети, представленной в прямом и обратном ассоциативных словарях хакасского языка [См. Боргоякова 2003: 51–52].

Сопоставительный анализ ядра трех языковых сознаний – хакасского, русского и английского – с опорой на концепцию гештальта и семантических зон Ю. Н. Караулова, выявил наличие и концептуальную общность таких ведущих семантических зон, как: «Человек» (в английском варианте «Me»), «Хорошо / плохо» и «Жизнь». Общность и специфика структуры и содержания семантических зон с детальным анализом особенностей их вербальной экспликации и доли совпадений в трех гештальтах ядра языкового сознания представлена в [Боргоякова 2003: 66, 70].

Ниже мы приведем таблицу, содержащую единицы ядра языкового сознания хакасов, русских и англичан, которые выстроены в виде рейтинга слов-реакций на основе количества их ассоциативных связей. Она позаимствована из работы А. П. Боргояковой с внесением в нее незначительных изменений [Боргоякова 2003: 68–69].

Таблица 1

**Рейтинг единиц ядра языкового сознания хакасов,
русских и англичан**

Хакасское ядро		Русское ядро		Английское ядро	
Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат
1	Кізі	1	Жизнь	1	Me
2,5	Чахсы	2	Человек	2	Man
2,5	Хомай	3	Любовь	3	Good
4	Улуг	4	Радость	4	Sex
5	Магат	5	Дом	5	No
6	Пар	6	Хорошо	6	Money
7	Сіліг	7	Друг	7	Yes
8	Кирек	8	Нет	8	Nothing
9	Маңат	9	Счастье	9	Work
10	Чуртас	10,5	Есть	10	Food
11,5	Чоҕыл	10,5	Свет	11	Water
11,5	Чон	12,5	Плохо	12	People
13	Пала	12,5	Я	13	Time
14,5	Көп	14,5	Деньги	14	Life
14,5	Полча	14,5	Большой	15	Love

Окончание табл. 1

17	Сағыс	16,5	Ребенок	16	Bad
17	Чоон	16,5	Мир	17	Girl
17	Чох	19	Добро	18	Up
19,5	Миниң	19	Жить	19	Car
19,5	Парча	19	Красивый	20	Black
21	Поларга	21,5	Смерть	21	What
22	Тура	21,5	Сила	22	House
23	Чарых	23,5	Сильный	23	Out
25,5	Кічіг	23,5	Всегда	24	Death
25,5	Оол	25,5	Много	25	Home
25,5	Хыныс	25,5	Все	26	Nice
25,5	Чабал	27	Любить	27	Red
28,5	Суг	28	Время	28	Now
28,5	Килген	30,5	Зло	29	Hard
31	Идерге	30,5	Умный	30	White
31	Пай	30,5	Лес	31	Woman
31	Хыс	30,5	Он	32	Bed
34	Ахча	34,5	День	33	School
34	Килче	34,5	Мужчина	34	Help
34	Хыныг	34,5	Хороший	35	PainL
37,5	Көрерге	34,5	Работа	36	Sea
37,5	Пас	41	Большая	37	Dog
37,5	Полар	41	Мой	38	Never
37,5	Хыйга	41	Муж	39	Of
40,5	Чалахай	41	Дело	40	Old
40,5	Чир	41	Думать	41	Book
42	Арыг	41	Люди	42	Paper
45,5	Иптиг	41	Красота	43	Down
45,5	Иче	41	Брат	44	Green
45,5	Өрініс	41	Огонь	45	In
45,5	Ползын	47,5	Моя	46	Person
45,5	Табырах	47,5	Мама	47,5	Fir
45,5	Узун	47,5	Душа	47,5	To
49,5	Агас	47,5	Надежда	49	Rubbish
49,5	Күн	50	Дурак	50	Light

По итогам сопоставительного анализа единиц ядра трех языковых сознаний, систематизированных в таблице 1, в указанной работе также приведены количественные и процентные параметры выявленных межъязыковых совпадений. Они представлены ниже в таблице 2.

Представленные в двух таблицах данные указывают на три основные особенности. Первая связана с количеством и составом ключевых слов, представленных в ядре всех трех языковых сознаний. Таких полных совпадений оказалось 10, что составляет 20 % от количества единиц, представленных в каждом ядре. В состав этих совпавших в трех языках слов входят следующие: *жизнь, человек, любовь, дом, деньги, хорошо, плохо, нет, свет, люди (народ)*.

**Межъязыковые корреляции в ядре языкового сознания хакасов,
русских и англичан**

Языки	Количество слов	Доля (в %)
Хакасский и русский	22 (25)	44 (50)
Русский и английский	15	30
Хакасский и английский	12	24
Хакасский, русский и английский	10	20

Выявленные 10 совпадающих слов представляют важнейшие единицы языкового сознания, отражающие смысловые основы и условия жизни человека и ее оценки. Они также указывают на общность когнитивной организации мышления и восприятия мира носителями трех лингвокультур. В целом можно сказать, что основной вектор их мыслительной деятельности направлен на преимущественно позитивное восприятие мира и социальной сущности человека.

Следующая особенность связана с дифференциацией доли совпадений, отражающих уровень контрастивности или степени близости/дистантности анализируемых лингвокультур. Максимальная доля совпадений выявлена в ядре языковых сознаний хакасов и русских, совместно проживающих на одной территории общего государства в течение более трех столетий. На втором месте по общности единиц ядра языкового сознания находятся русско-английские соответствия, отражающие большую степень совпадений ментально-философского и религиозного характера.

Третье направление анализа связано с концептуализацией контрастивного мышления и его отражения в ядре языкового сознания представителей трех разных лингвокультур. Общность данной стратегии поляризации видения мира оказалась выражена в ядре трех языковых сознаний только одной универсальной аксиологической категорией – «хороший / плохой».

По итогам анализа единиц, представленных в таблице 1 с точки зрения их смысловой оппозитивности, подготовлена таблица 3, в которой представлены сравнительные данные о количественных и содержательных параметрах ассоциативной оппозитивности в ядре трех языковых сознаний.

Предлагаемый рейтинг оппозитивных пар выстроен нами по рангу первого слова оппозиции.

Как видно из приведенной таблицы, в ядре ЯС хакасов антонимическая пара *чаксы/хомай* «хороший/плохой» занимает ведущее положение, открывая рейтинг из шести антонимических пар. Следует отметить, что данная оппозиция получает усиление за счет семантически сопряженной

антонимической пары *манат/чабал* «прекрасный/плохой (злой)», занимающей в рейтинге единиц ядра хакасского языкового сознания девятую позицию. В русском и английском ядре ЯС данная антонимическая пара занимает вторую позицию, пропустив в лидеры бинарные оппозиции *жизнь/смерть* и *man/woman*, соответственно.

Таблица 3

Оппозитивные стратегии в ядре хакасского, русского и английского языкового сознания

№	Антонимические пары в ядре		
	Хакасского ЯС	Русского ЯС	Английского ЯС
1	Чахсы (2,5) / хомай (2,5)	Жизнь (1) / смерть (21,5)	Man (2) / woman (31)
2	Улуг (4) / кичиг (25,5)	Хорошо (6) / плохо (12,5)	Good (3) / bad (16)
3	Пар (6) / чогыл (11,5)	Нет (8) / есть (10,5)	No (5) / yes (7)
4	Чох (17) / пай (31)	Добро (19) / зло (30,5)	Life (14) / death (24)
5	Парча (9,5) / килче (34)	Умный (30,5) / дурак (50)	Up (18) / down (43)
6	Оол (25,5) / хьыс (31)		Black (20) / white (30)
7			Out (23) / in (45)

Следующий параметр контрастивной категоризации в хакасском ЯС представлен антонимической парой пространственно-размерной семантики *улуг/кичиг* с основным значением «большой/маленький», отсутствующей в русском и английском ядре ЯС. И третье противопоставление связано с дихотомией «наличия/отсутствия», выраженного антонимической парой *пар/чогыл* с шестым рейтингом слова *пар* в ядре хакасского ЯС. В ядре русского ЯС данная бинарная оппозиция также представлена, но слово *нет* находится в левой части антонимической пары, опережая показатель наличия – слово *есть*. В английском ядре ЯС к данной оппозиции близко примыкает антонимическая пара более широкого семантического объема *no/yes*. Данная особенность, связанная с выдвиганием отрицательной компоненты в левую часть оппозитивной пары, в хакасском ядре ЯС представлена противопоставлением *чох/пай* «бедный/богатый».

Следует отметить, что в семантике слова *чох* содержится также значение отрицания, представленное в словарной статье после значения «бедный, неимущий». Поэтому вполне возможным представляется объединение слов *чох* и *чогыл* в рамках первого компонента антонимической пары *пар/чогыл*. Однако в данном исследовании мы используем канонические антонимы с высокой степенью лексико-семантической закрепленности в памяти. Дополнительные опросы, проведенные среди хакасских респондентов, подтвердили высокую степень каноничности *чогыл* в качестве антонима к слову *пар*.

Важной для носителей хакасского языка оказалась категоризация противоположной направленности движения *парча/килче* «ухо-

дид/приходит». Вторая компонента представлена также в ядре ЯС дополнительной формой совершенного вида глагола – *килген* «пришел», однако это уже вариация, связанная с выражением совершенного вида глагола. Такие формы учитываются нами при объединении реакций в группы по семантическому признаку. Появление данной глагольной антонимической пары в ядре хакасского ЯС отражает деятельностный характер ассоциативной организации когниции хакасов. Глаголы составляют 20 % в хакасском ядре ЯС (6 % в русском и английском) [См. об этом Боргоякова 2003: 59].

В английском ядре ЯС направленность движения также эксплицирована (не глаголами) и носит более выраженный характер, дифференцируя движение по двум параметрам: по вертикали *up/down* и по наружно-внутреннему пространству – *out/in*. В целом в системе частеречной активности единиц в ядре английского ЯС выявляется значительное присутствие предлогов, частиц, местоимений и наречий – 20 %, которые отсутствуют в ядре русского ЯС. В ядре хакасского ЯС «наречия, местоимения и частицы также составляют 20 %» [Там же].

Русское ядро ЯС на этом фоне выглядит более статичным, лишенным противопоставления деятельного характера. В нем нет антонимических пар, отражающих движение в каком-либо виде или его направленность.

Выражение гендерной оппозиции также отсутствует в ядре русского ЯС. В то же время в семантике и морфологическом облике антонимической пары прилагательных *умный/ дурак* содержится указание на мужской пол. В целом почти четверть всех единиц в ядре русского ЯС также содержат указание на принадлежность к мужскому полу. Приведем их перечень:

Друг, большой, красивый, сильный, он, мужчина, хороший, мой, муж, брат, дурак и умный.

При этом только три единицы содержат маркеры принадлежности к женскому роду: *моя, мама, большая.*

В ядре хакасского ЯС гендерная оппозиция представлена в виде антонимической пары *оол/хыс*, полисемантические компоненты которой имеют значения «юноша/девушка» и «мальчик/девочка», замыкающей рейтинг шести хакасских оппозитивных пар. В английском ядре ЯС гендерная оппозиция *man /woman* занимает ведущее положение (см. табл. 3).

Как отмечает А. П. Боргоякова, было выявлено разное словесное наполнение семантических зон, связанных прямыми или условными соответствиями в трех гештальтах. Так, в семантической зоне «Человек», включающей 13 слов из ядра ЯС, четыре слова обозначают лиц мужского пола (он, мужчина, муж, брат) и одно слово для лиц женского пола (мама). В хакасском и английском ядре встречаются по одному слову, обозначающему лиц мужского пола – оол «юноша» и *man* «мужчина» и по

два слова для лиц женского пола: *хыс* «девушка», *иче* «мать» и *woman* «женщина», *girl* «девушка» [Боргоякова 2003: 67]. Данную особенность гендерной асимметрии в ядре ЯС русских можно объяснить наличием категории рода в русском языке, которая компенсирует лексические маркеры принадлежности человека к мужскому или женскому роду, более активно представленные в хакасском и английском языках.

Как видно из таблицы 3, в ядре русского ЯС выявлено наименьшее количество антонимических пар – пять, в хакасском ядре ЯС их количество возрастает до шести и в английском – до семи. Содержательные параметры контрастного восприятия образа мира в ядре хакасского, русского и английского ЯС имеют как общие, так и отличительные особенности. Как уже было отмечено выше, оппозитивная универсальность связана с наличием общего противопоставления *хорошо/плохо* в русском варианте и *хороший/плохой* в двух других языках, занимая первое место среди оппозиций в хакасском ядре ЯС и второе в русском и английском. Остальные совпадения ограничены рамками ядра двух ЯС. Рассмотрим их ниже подробнее.

1. В **хакасском и английском** ядре ЯС присутствуют:

а) гендерная оппозиция, занимающая первое место в английском ядре оппозиций – *man* (2) / *woman* (31) и последнее (шестое) в хакасском – *оол* (25,5) / *хыс* (31);

б) противопоставление разнонаправленного движения занимает пятое место как в хакасском ядре ЯС, так и в английском: *парча* (9,5) / *килче* (34) «уходит»/«приходит» и *up* (18) / *down* (43) «вверх/ вниз». Однако в английском ядре ЯС выявлена еще одна антонимическая пара, характеризующая движение *out/in* «наружу/внутри», занимающая последнее (седьмое) место в рейтинге ассоциативных бинарных оппозиций.

2. В **хакасском и русском** ядре ЯС представлены антонимические пары наличия/отсутствия: *пар* (6) / *чогыл* (11,5) и *нет* (8) / *есть* (10,5), занимающие третье место в ассоциативном рейтинге. Разница заключается в выведении отрицательного компонента *нет* в левую часть оппозиции в русском ядре ЯС.

3. В **русском и английском** ядре ЯС выявлена оппозиция существования – *жизнь/смерть*. Она занимает первое место в русском ассоциативном ядре – *жизнь* (1) / *смерть* (21,5) и четвертое в английском – *life* (14) / *death* (24).

Наиболее ярко этнокультурная специфика контрастивной категоризации образа мира проявляется в противопоставлениях, представленных только в одном ядре ЯС. В каждом из анализируемых языков нами выявлено по две таких антонимических пары.

1. Только в ядре **хакасского** ЯС представлены:

а) антонимическая характеристика размера: *улуз/кичи́г* «большой/маленький», занимающая второе место рейтинга;

б) противопоставление богатства и бедности – *чоx/най* «бедный/богатый» с отрицательной компонентой в левой части оппозиции на четвертой строчке рейтинга.

2. Только в **русском** ядре ЯС выявлено противопоставление в виде:

а) морально-нравственной оси *добра и зла* на четвертой позиции;

б) контрастивной оценки интеллекта – *умный/дурак*, занимающей последнее (пятое) место рейтинга русских оппозитивных пар.

3. Только в **английском** ядре ЯС имеется противопоставление:

а) отрицания и согласия *no/yes* на третьей строчке рейтинга;

б) цветового контраста *black/white* «черный/белый» на шестом месте оппозитивной шкалы с негативным компонентом в левой части.

Таким образом, анализ полярной категоризации образа мира, «овнешненный» в ядре ассоциативных значений трех языков, позволил выявить ее универсальность и отличия, связанные с глубинными моделями связей и отношений, вытекающих из многостороннего опыта каждого народа. Дифференциация связана не только с количественными параметрами полярной когнитивной организации, но и с ее внутренними характеристиками.

Так, например, при наименьшем количестве антонимических пар для полярного ассоциирования в ядре русского ЯС, в нем наиболее насыщенным оказался параметр «разведения» позитива и негатива (хорошо (6) /плохо (12,5)) с важной дополнительной актуализацией морально-этической оценки *добро/зло*. Несомненно, наличие такой обобщенной формы разграничения нравственного и безнравственного является подтверждением и индикатором тех особенностей русского ЯС, на которые указывает Н. В. Уфимцева, когда говорит о константности в укладе «бессознательной духовности» и системности в образе мира русской культуры, сформированной «именно Православием» [Уфимцева 2010: 75].

Специфика архетипов хакасской традиционной культуры проявляется, на наш взгляд, в особенностях полярной категоризации социального пространства, представленной в ядре хакасского ЯС. В нем заметно актуализирована константа статусной дифференциации и восприятия человека, которая представлена двумя оппозитивными парами: *улуҕ/кiчiҕ* «старший/младший», и *оол/хыс* «парень/девушка, девочка». Обе антонимические пары объединены наличием значения возрастной оппозиции. Она эксплицитно выражена в семантике полисеманта *улуҕ* через значение «старший, взрослый и уважаемый». Оно относится к базовым из восьми значений данного слова, обладая равным весом со значениями размера [ХРС 2006: 725] и лидируя в дискурсивной актуализации, в том числе в хакасском паремиологическом фонде.

Также в семантической структуре антонимического прилагательного *кiчiҕ* выделяются значения, характеризующие не только, а, возможно, и

не столько размер вообще, сколько рост и возраст человека: «младший, детский, юный» [Там же: 180]. Однако в обоих случаях общее значение размера отмечается первым, поэтому мы предложили выше именно такую семантическую трактовку как основную.

Гендерная оппозиция также содержит возрастной компонент, включая противопоставление не мужчины и женщины, как в английском ядре ЯС, а *oolxys* «парень/девушка». Это связано с более высокой оценкой молодости в сравнении со старостью на хакасской традиционной аксиологической шкале характеристики человека. Интересно привести в связи с этим результаты, полученные А. О. Топоевой по итогам сопоставительного анализа антонимической пары прилагательных *сильный/слабый* в английском, русском и хакасском языковом сознании. Оказалось, что в хакасском ассоциативном поле компонентов *күстіг – күзі чох* «сильный/слабый» представлены психолингвистические значения *чит – киир* «молодой/старый», соответственно, что указывает на тесную корреляцию более позитивной оценки молодости в кругу ассоциативных физических характеристик человека, отсутствующую в ассоциативных полях аналогичных антонимических прилагательных в русском и английском языках [Топоева 2011].

Третий параметр социальной иерархии, проявившийся в ядре хакасского ЯС, связан с оппозицией *чох/най* «бедный/богатый», отсутствующей в структуре ядра русского и английского ЯС. Данная оппозиция оказалась представленной и в ассоциативном поле антонимических прилагательных *күстіг – күзі чох* «сильный/слабый». В нем, кроме указанных выше возрастных параметров, также представлена антонимия по признаку материального богатства – *ахчалыг – чох-чоос* «богатый (букв. с деньгами)/бедняк», особенно заметная в периферийных реакциях прилагательных *күстіг – күзі чох* «сильный/слабый». Морально-нравственная оценка в соответствующем русском ассоциативном поле представлена оппозицией *надежный/безответственный* и степени влиятельности – *могущественный/беспомощный* [Там же: 15].

Следует отметить, что данное противопоставление *чох/най* представлено в виде оппозиции «бедный/богатый», отражая вариативность, связанную с выдвиганием отрицательной компоненты в левую часть оппозитивной пары [Боргоякова, Покоякова 2016].

Ведущей когнитивной основой ассоциирования на слова-стимулы *най, чох* в АП-I и АП-II служат синтагматические модели, реализованные реакциями в виде имён существительных. Стратегия ассоциирования рассматриваемых стимулов оказалась тождественной в плане существенной доли реакции *күзі, бедняки* оказавшей семантически близкие ассоциации. К основным изменениям, произошедшим в АП-II, можно отнести следующие:

а) усиление группы, семантически сопряженной со стимульным словом реакции *ахча* ‘деньги’ (29 %→32 %);

б) исчезновение реакций, характеризующих богатство природы и её ресурсов;

в) актуализация интеллектуальных способностей человека: *хыйга* ‘умный’ 5¹, *күлүк* ‘мудрый’, *көйтүк* ‘хитрый’ и др.;

г) появление позитивной оценки богатства (*чахсы* ‘хороший’ 4, *магат* ‘хороший’ 4, *ачых-чарых* ‘весёлый’, *талаанныг* ‘счастливый, удачливый’ и т. д.) и реакций ‘сильный’, ‘состоятельный’, ‘трудолюбивый’ (*күстіг* ‘сильный’ 2, *ник чурттыг* ‘зажиточный’ и т. д.).

В АП –II произошли следующие изменения:

а) повышение доли семантически сопряженных реакций с ведущим ассоциатом *чох-чоос* ‘бедняк’ (10 %→22 %);

б) актуализация реакций с отрицательной характеристикой бедного слоя общества: *аргаас* ‘ленивый’ 6, *изеечи* ‘пьяный’ 2, *нине чарабаан* ‘никчёмный’ и т. д.

Интерес представляет также динамика в содержании оппозитивности социального плана, выраженной антонимической парой *чиит/кири*. В АП ее компонентов произошли незначительные изменения.

Высокая константность восприятия возрастных слов-стимулов *чиит* и *кири* связана с тем, что они относятся к категории хакасских концептов, сохраняющих устойчивую смысловую основу, мало изменяющуюся со временем и с возрастом. Е. В. Старостина отмечает по поводу стимулов *тяжелый, взрослый, школьный*, претерпевших незначительные изменения во времени и в разных возрастных группах, что если представление об этом явлении было составлено в детстве или юности, то «оно будет мало зависеть как от возраста, так и от эпохи» [Старостина 2007: 123].

В отличие от русского прилагательного «старый» в хакасском языке это значение передается двумя прилагательными – *ирги* и *кири*, дифференцирующими старость с точки зрения одушевленности/неодушевленности объектов номинации. Первое применяется для характеристики всего старого, прежнего, ветхого, включая абстрактные понятия и конкретные материальные объекты. Второе – только в значении возраста людей и животных. Возрастные компоненты также содержатся в семантической структуре полисеманта *улуғ* ‘большой’, где дополнительные значения ‘старший’, ‘взрослый’ и ‘уважаемый, почитаемый’ относятся к характеристике людей. В производном глаголе *улуғлирға* ‘уважать’ явно прослеживаются приведённые корневые значения полисеманта *улуғ*, что подтверждается при анализе АП-I ‘улуғлирға’, в котором 54 % реакций относятся к номинации людей и родственников старшего возраста.

¹ Здесь и далее указываются числа, обозначающие общее количество респондентов, представивших данную реакцию.

Прилагательное *чиит* имеет два значения без дифференциации по признаку одушевленности/неодушевленности: ‘молодой, юный (по возрасту)’ и ‘молодой, новый’. В АП-I только 3 % реакций не имеют отношения к характеристике человека, подавляющее большинство их – названия животных (82 %). В АП-II – только 0,2 %, среди которых нет ни одного упоминания животных.

Таблица 4

Динамика аксиологической оценки возрастных стимулов *чиит* и *кири* (в %)

Слова-стимулы	Ассоциативное поле – I		Ассоциативное поле – II	
	Позитив	Негатив	Позитив	Негатив
<i>Чиит</i> ‘молодой’	2	1	28	6
<i>Кири</i> ‘старый’	1,2	2	14	10

Как видно из таблицы, в современном АП *чиит* произошло заметное увеличение как позитивной, так и негативной оценки до 28 % и 6 %, соответственно. В АП *кири* усиление позитива более чем в два раза превосходит рост отрицательной ассоциативной линии, составляя 14 % и 10 %, соответственно. В целом произошедшие изменения свидетельствуют о более выраженной аксиологической оценке возраста современными респондентами при сохранении позитивного восприятия молодого возраста, который ассоциируется в АП-II, прежде всего, с:

силой и подвижностью (*күс* ‘сила’, *күстіг* ‘сильный’, *чапчаң* ‘проворный, быстрый’, *табырах* ‘быстрый’ 15), любовью и радостью (*хыныс* ‘любовь’, *өрініс* ‘радость’ 8), красотой (*сіліг* ‘красивый’, *өкерек* ‘красивый’ 6), здоровьем (*хазых* ‘здоровый’ 3).

В АП-I на первом месте оказались синонимические реакции внешней красоты (*абахай*, *сіліг*, *өкерек* 9 ‘красивый’), силы (*күс*, *күстіг* ‘сильный’ 4) и любви (*хыныс* ‘любовь’, *той* ‘свадьба’, *чүрек* ‘сердце’ 4).

В отрицательной зоне АП-II *чиит* преобладают реакции, связанные с трудностями, водкой и негативной характеристикой молодых:

сидік ‘трудный’ 2, *пөгілбеен сурыглар* ‘нерешённые вопросы’, *чобаг* ‘мука, печаль, беда’, *чабал* ‘зло, злоба’, *харасхы* ‘ночь’, *алыг* ‘глупый’, *арага* ‘водка’ (АП-I – 0,8 %).

Что касается слова-стимула *кири*, то произошедший рост его положительного восприятия связан с оценкой интеллекта и опыта (*хыйга* 5, *тирең сагыс*, *улуг сагыстыг*, *улуг пілістіг*, *улуг көрістіг* (опыттыг) ‘умный’), силы (*күс*, *күстіг*) и уважительным отношением к старым людям (*улугла* ‘уважай’).

Таким образом, в оппозитивных АП *пай* ‘богатый’ и *чох* ‘бедный’ произошло усиление группы семантически сопряженных номинаций с ведущими реакциями *ахча* ‘деньги’ и *чох-чоос* ‘бедняк’ и в актуализации *позитивной и негативной оценки богатых и бедных, соответственно*. Больше влияние временного фактора на изменение и усиление аксиологической оценки в содержательном наполнении АП получено на примере оппозитивной пары возрастной характеристики человека *чиит/кири*.

Следующий аспект изучения оппозитивных АП связан с динамикой стратегий ассоциирования в разрезе синтагматических или парадигматических моделей. Как показано в приведенных ниже таблицах, общая тенденция связана с ростом парадигматических связей, представленных в АП-II.

Таблица 5

Соотношение парадигматических и синтагматических реакций в АП-1 и АП-2 стимульных слов *ЧАХСЫ* и *ХОМАЙ*

Схемы ассоциирования	Ассоциативные поля	<i>ЧАХСЫ</i>	<i>ХОМАЙ</i>
Парадигматические связи	АП-1	12 %	22,8 %
	АП-2	26 %	23,6 %
Синтагматические связи	АП-1	88 %	77,2 %
	АП-2	74 %	76,4 %

Таблица 6

Доля парадигматических и синтагматических реакций в АП-1 и АП-2 стимульных слов *ПАЙ* и *ЧОХ*

Схемы ассоциирования	Ассоциативные поля	<i>ПАЙ</i>	<i>ЧОХ</i>
Парадигматические связи	АП-1	15 %	18 %
	АП-2	37 %	20 %
Синтагматические связи	АП-1	85 %	82 %
	АП-2	63 %	80 %

Отличительной особенностью поляризации образа мира в ядре английского ЯС является более широкий спектр оппозитивных стратегий – их семь. Он включает две ведущие стратегии, представленные и в ядре ЯС русских и хакасов (*жизнь/смерть, хороший/плохой*), и занимающие там первые места. Наиболее актуальным противопоставлением в английском ядре ЯС выступает гендерная оппозиция *man/woman*. Оппозиция отрицания/согласия – *no/yes* – имеет более общую и широкую трактовку, чем противопоставление наличия/отсутствия, представленное в предыдущих примерах.

Более насыщенными оказались противоположные пространственные перемещения, включая два отдельно представленных оппозитива: по вер-

тикали и по движению извне и внутрь. Базовое цветовое противопоставление тоже оказалось одним из параметров концептуализации образа мира, характерных только для ядра английского ЯС (см. табл.1). Следует отметить, что в английском ядре ЯС представлено четыре оппозиции (*black and white, up and down, good and bad, male and female*) из числа 25 английских антонимических пар, приведенных Ч. Огденом, как отличающихся высокой частотностью употребления. Цветовая оппозитивная категория оказалась в данном списке ведущей, занимая первое место [Ogden 2013, 50]. В периферии английских прилагательных выявлены специфические психолингвистические значения, противопоставляющие активность/пассивность *active – passive* и нравственные оценки – *honest / dishonest* [Топоева 2011].

Таким образом, анализ стратегий поляризации образа мира на материале антонимических пар, выявленных в ядре ЯС трех этносов, позволил получить наблюдения, релевантные не только в рамках «внутренних детерминант речевого поведения», но и «внешних, социальных детерминант», обусловленных особенностями культурно-исторического и духовного развития конкретных народов [См. об этом: Тарасов 2010: 23–24]. Представленность аксиологической оценки, основанной на противопоставлении *хорошего/плохого* во всех трех лингвокультурах, отражает важную оценочную универсалию концептуализации мира в языковом сознании человека.

Дальнейшее сравнительное изучение оппозитивных стратегий проведено на примере компонентов важной бинарной оппозиции *жизнь/смерть*. Комплексный подход основан на анализе лексикографической и психолингвистической репрезентации членов данной антонимической пары в хакасской, русской и английской лингвокультурах.

Во всех словарных дефинициях компонентов данной антонимической пары присутствует акцент на значении человеческой жизни. Так, например, оно входит составной частью в первое из двух значений, приведенных в соответствующей статье словаря А. Хорнби: «*life – vital energy thought of as working for the survival of the human race and the individual*» [Hornby 1974: 495]. В толковых словарях русского языка значение физиологического существования человека и всего живого занимает одно из ведущих мест в словарных определениях слов *жизнь* и *смерть* [См. например: Ожегов, Шведова 1996]. В связи с отсутствием толкового словаря хакасского языка мы привлекаем постулаты о восприятии жизни и смерти в традиционном тюркском мировоззрении, в котором жизнь признавалась важнейшей ценностью, а смерть воспринималась не как «абсолютное отрицание жизни», а как переход из одной формы жизни в другую [Традиционное мировоззрение тюрков 1989: 51]. Традиционное общество осознавало жизнь как процесс, имеющий в разных точках

различное наполнение. В его мировоззрении моделируется постепенное «собираение» человеком самого себя и последующее отчуждение, возвращение природе заимствованных у нее качеств, свойств, характеристик [Традиционное мировоззрение тюрков 1989: 222].

Универсальное понимание и определение противоположности значения антонимической пары *жизнь/смерть* связано, прежде всего, с отличием живого от неживого, а также со временем существования от рождения до прекращения земного функционирования человека и других живых организмов. Сходство лексикографической дефиниции членов антонимической пары связано с доминированием антропоцентрического понимания, с одной стороны, и с коррелятивным противопоставлением компонентов друг другу или двучленностью бинарного противопоставления «как обязательного (конституирующего) свойства изучаемого лингвистического объекта и, следовательно, методологической основы его исследования и описания», с другой [Ахманова 1969: 67].

Особого внимания заслуживает психолингвистическая актуализация ассоциативно-вербальной сети слова-стимула *чуртас*. Уточнение динамики и констант ассоциирования жизни в языковом сознании современных носителей хакасского языка представляется важным как для сравнительных психолингвистических исследований, так и для дефиниционной интерпретации соответствующих словарных статей в будущем толковом словаре хакасского языка. Для сравнительного анализа привлекается ассоциативное поле, представленное в хакасском ассоциативном словаре 2003 года (АП-I), и ассоциативное поле, смоделированное в 2015 году по итогам свободного ассоциативного эксперимента с участием 150 респондентов, свободно владеющих хакасским языком (АП-II).

В семантической зоне «Какая» АП-I преобладают положительные и нейтральные характеристики *чуртас* «жизнь». Хотя самой частотной реакцией в ней оказалось слово *хомай* «плохая» (48) и затем слово *чолы*, «чья-либо дорога, путь» (37), преобладающей оказалась общая доля таких частотных позитивных оценок как: *чахсы* «хорошая» (32), *маҗат/манат* «прекрасная» (29 +16), *силіг* «красивая» (16), *хыныҗ* «интересная» (13) и *часкалыҗ* «счастливая» (8) [Боргоякова 2003: 129]. Если сравнить соотношение негативной и позитивной окраски ассоциаций в рамках не только одной семантической зоны, а всего АП -I, то и там позитивная оценка преобладает, составляя 32 % в отличие от 21 % негативных реакций.

Анализ АП-II позволяет выделить список частотных реакций, включающий 20 следующих ассоциаций:

соби́ре 19, *чахсы* 18, *ма(н)ат* 10, *хыныс* 8, *тура(иб)* 8, *пала(лар)* 7, *хыныҗ* 6, *(миниң) хомай нимес* 4, *тогыс* 4, *хоньх* 4, *часка* 5, *өрініс* 4, *часкалыҗ* 2, *пала пархалар* 2, *кеен* 2, *теелбек* 2, *хомай* 2, *аар* 2, *чол(ы)* 2, *иб(де)* 2.

Круг единичных реакций состоит из 40 следующих слов:

ічем, іче-паба, аба- іче, чурт, ӧлім, палығтас, пик, сидік, кўн, чағын кизілер, узах, узун, хазых аймах, узун полча, хазых, хайдаг чаксы, хайыныс, хандыра, чалахай, ах чарых, илбек, иптіг, кӧӧленіс, ол узун чол, опыт, пала тӧреені, чарых, часка, часхы, чиит, чир, чир-чайаан, чолы аймах полча, чолы пірее-пірее сидік полча, чолы узун, чурт, чуртасха тартын-чак, ынаг, ынархас, труд.

В целом современный «профиль» хакасского ассоциативного восприятия жизни базируется на нескольких ключевых позициях. Это, прежде всего, **позитивное восприятие жизни**. Данная доминирующая семантическая группа реакций включает подавляющее большинство ассоциаций, объединяемых вокруг ключевого слова **чаксы** «хорошая/хорошо». Оно занимает вторую позицию в АП-II.

Сразу за ним следует синонимическая ассоциация *мағ(ң)ат* «хорошая», а затем *хыныг* «интересная», *(минің) хомай нимес* «(у меня) неплохая», *часкалыг* «счастливая», *кеен* «красивая», *пик* «крепкая», *хазых* «здоровая», *хайдаг чаксы* «какая хорошая», *хандыра* «очень хорошая», *чалахай* «добрая, ласковая», *илбек* «широкая», *иптіг* «приятная», *чарых* «светлая», *чиит* «молодая», *ынаг* «дружная». Сюда же относятся реакции, выраженные именами существительными с явной позитивной семантикой: *часка* «счастье», *ӧрініс* «радость», *кўн* «солнце», *кӧӧленіс* «улыбка», *часхы* «весна», *ынархас* «дружба». В целом в данную группу входят 73 частотных и единичных реакций (49 %), как правило, относящихся к двум ведущим частям речи – прилагательным и существительным.

Вторая семантическая доминанта – **сӧбіре «семья»**. Данная ассоциация занимает лидирующее положение в АП-II. К этой же группе, несомненно, следует отнести такие 14 частотных и единичных реакций, как: *ічем* «моя мама», *іче-паба* и *аба- іче* «родители», *пала(лар)*, *пала пархалар* «ребёнок /дети, внуки», *пала тӧреені* «рождение ребенка», *чағын кизілер* «родственники», *тура, иб(де)* «дом(а)».

В целом вторая ядерная семантическая группа **сӧбіре** состоит из 41 реакции (27 %). Все члены данной понятийной группы включают важные интерпретационные связи, существующие в языковом сознании хакасских респондентов для маркирования смысла жизни, прежде всего, в кругу семьи и родного дома.

Важно подчеркнуть, что в АП-I реакция **сӧбіре** не была обнаружена, а родственные связи были представлены немногочисленной группой ассоциат: *ир (3)* «муж, мужчина», *пала* «ребёнок», *туган* «родственник», и примыкающей семантической группой: *иб (2)* «дом», *ибде* «дома», *ибде хайынарга* «заниматься домашним хозяйством», *тура* «дом», *пес* «печь».

Синонимические реакции немногочисленны и представлены такими реакциями, как: *ах чарых* «земная жизнь», *чурт, хоных* «жизнь», которые отражают лексикографическое толкование концепта «жизнь» в современных лексикографических источниках.

Хакасские ассоциации, содержащие негативную оценку жизни, представлены следующими реакциями: *аар* «тяжелая», *хомай* «плохая», *палыгътас* «раны», *сидік* «трудная», *өлім* «смерть». В целом их доля составляет 5 %, что существенно ниже, чем в АП-I, где негативная оценка жизни составила 21 % . В семантической зоне «Какая» АП-I реакция *сидік* «трудная» (25) занимает первое место в рейтинге частотности и затем на третьем месте – синонимичная реакция *аар* (16), за которыми следуют *уйан* «плохая» (2) и единичные негативные ассоциаты: *ачырганыстыг, ачыргастыг, парбинче, хатыг, хомзыныстыг, минің аар парча, сині түсче, сайбалча, үрүктірче, оой нимес, чахсы нимес, хомай парча*.

Таким образом, в хакасском ЯС сохраняется высокая доля позитивной оценки жизни как константной доминанты в обоих АП *чуртас*. Наиболее заметное изменение связано с существенным усилением значимости семьи в АП-II, и заметным снижением доли негативной интерпретации анализируемого слова-стимула. Восприятие жизни хакасами, выраженное в его актуализированном ассоциативном поле, отражает повышение их адаптационных способностей, востребованных динамичным временем нового столетия, с одной стороны, и сохранение традиционного мировоззрения, в котором членение мира носит целостный характер, без противопоставления жизни и смерти, характерного, прежде всего, для западных культур, с другой. Сравнение моделей ассоциирования показывает сохраняющееся доминирование синтагматических реакций, среди которых лидируют имена прилагательные.

Вторая часть оппозиции *жизнь/смерть* – *өлім* в ядре хакасского ЯС отсутствует, что подтверждает сохранность архетипов традиционного мировоззрения хакасов. И в составе АП-I, сформированного на основе реакций хакасов, владеющих родным языком, антоним *өлім* составил лишь 2 %, занимая 11 ранг, в то время как в соответствующих АП русских респондентов и респондентов хакасов, не владеющих родным языком, реакция *смерть* занимала первое место. А. П. Боргоякова справедливо связывает это с отсутствием противопоставления *жизнь* – *смерть* в традиционном сознании хакасов [Там же: 129].

Анализ структуры и семантики АП-I показывает преобладание отрицания смерти, выраженного словом *чох* (49), занимающего первое место среди наиболее частотных реакций. К данной семантической группе можно также отнести такие частотные реакции как *чогыл* (16), *полбазын* (11), *көрбеске* (5), *полбас* (4), *кирек чох* (4), *чох ползын* (3), *кирек*

чогыл (2), *килбезін* (2), *чох поларга* (2). В целом данная семантическая группа составляет 19 % общего состава реакций на стимул *өлім*.

На втором месте – укрупненная семантическая группа, объединяющая реакции негатива и скорби, связанные со словом-стимулом *өлім*, составляющая 16 %:

хоргыстыг (25), *хомай* (17), *чобаг* (4), *хыйал* (4), *иреелестіг* (3), *харасхы* (3), *хатыг* (3), *аар* (2), *ачыргас* (2), *ачыргастыг* (2), *пичел* (2), *хомзыныс* (2), *чабал* (2), *ачырганарга*, *мөңістіг* *ниме*, *сидік*, *хоргыста*, *чобатча*, *чобаглыг*, *чобанган*, *ылгирга*.

Заметную группу (12 %) формируют синтагматические реакции, представленные глаголами действия в разных формах, часто составляющие устойчивые сочетания со словом-стимулом и означающие приход смерти или удачное спасение: *килерге* «приходить», *чидерге* «догонять», *кірерге* «входить», *аларга* «принимать», *көрерге* «видеть/встречать», *азарга* «избегать», *ал халарга* «спасать» и т. д.

Значение неизбежности и неизвестности времени наступления смерти представлено в основном формами глагола *пілерге* «знать». Данная группа составляет 8 % всех реакций АП-I.

Оппозитивное значение, представленное каноническим антонимом *чуртас* «жизнь» (37) и его синонимами *чұрт* (2) и *кұн*, а также реакцией *хазых* (2) «здоровье, здоровый», составляет также 8 %.

В АП-II явным лидером является семантическая группа негатива и скорби, представленная более чем третью всех реакций (38 %): *хомай* «плохой» (19), *хоргыс* «страх» (3), *харах чазы* «слезы» (3), *хомай ниме* «плохое дело» (2), *чідіг* «утрата» (2), *чідіріг* «потеря» 2, *чобаг* «горе» (2), *хоргыстыг* «страшный» (2), сыят «плач» (2), *аар ниме* «тяжесть», *ачыргас* «досада», *ачыргастыг* «досадный», *харасха* «темный», *хомзыныс* «горе», *хомзыныс агылча* «приносит горе», *хорылыг* «беспокойство, смятение», *хоргыстыг ниме* «страшное дело», *чабал* «плохой», *чабал чідіріг* «плохая потеря», *чобаг* «горе», *чуртазы чох* «без жизни», *ылган кизілер* «заплаканные люди», *трагедия*, *пір дее ниме кирек чох* «ничего не надо», *пір дее ниме кирек чох полганы* «состояние, когда ничего не надо».

Группа антонимических реакций представлена 8 % реакций: *чуртас* (4), *пасха чуртас* (2), *наа чуртас*, *пасха чир*, *пасха чурт*, *чуртас чолы*, *пасха измерениезер хаалаг* и др. Несмотря на сохранение доли оппозитивной группы в структуре АП-II, в нем, в отличие от АП-I, более зримо проявляется сохранение традиционных архетипов хакасской лингвокультуры. Это подтверждается через реакции, указывающие на формы продолжения жизни (другая жизнь, новая жизнь, другая земля, дорога жизни, шаг в другое измерение) или бессмертия (*өлім чох*, *өлім чох алып*).

Семантическая группа отрицания, лидирующая в АП-I, занимает третью позицию с 7 % реакций: *чох* (7) «нет», *полбазын* «пусть не будет», *полбас учун* «чтобы не было», *чогыл* «нет».

Соотношение парадигматических и синтагматических реакций в АП-II оказалось практически симметричным – по 50 %. Синтагматические реакции представлены преимущественно прилагательными (*чабал* «плохой», *хоргыстыг* «страшный», *аар* «тяжелый», *хомзыныстыг* «горький»), а также развернутыми дефинициями, типа: *пир дее ниме кирек чо-гыл* «когда ничего не надо».

Парадигматические реакции представлены, прежде всего, именами существительными: *чаа* (8) «война», *харах чазы* (3) «слезы», *сыраттар* «кладбище», *хараа* (2) «ночь», *кизи* (2) «человек», *тохтаг* «остановка», *хумартхы* «памятник», *хомды* «гроб», *туганнар* «родственники», *сöдк* «род», *чир* «земля», а также словосочетаниями *хан төгис* «кровопролитие», *кири кизи* «старый человек», *чидіріг* «утрата», *хомзыныс* «скорбь», *харах чазы* «слезы», *ачыргас* «горечь». Это произошло за счет заметного сокращения доли деятельных реакций, представленных глаголами и номинацией жизни как процесса, дороги, по которой движется человек, до 5 % в сравнении с почти 20 % в АП-I.

Таким образом, динамика ассоциативных стратегий на стимул *ölm* связана с большей семантической стереотипностью и соответственным сокращением количества семантических групп в АП-II. Более чем в два раза возросла доля семантической группы ассоциаций, связанных со значением негатива и скорби. В количественном измерении стратегия антонимического реагирования на стимул *ölm* сохранилась без изменений, составляя 8 % в обоих АП. Однако в АП-II более зримо проявляется сохранение архетипов традиционной хакасской культуры в виде реакций, указывающих на продолжение жизни после смерти в других ее формах.

По данным ассоциативного словаря английского языка *English Associative Thesaurus* [Kiss et al, 1972] в АП *life* противоположная по значению реакция *death* занимает первое место, составляя в нем существенную долю в 44 %. Дополнительно можно отметить присутствие таких сходных реакций, как *die* и *dead*, что добавляет еще 2 % к доле антонимических реакций. АП *death* оказалось менее полярным – в нем антонимическая реакция *life* составила 19 %. С учетом таких сходных реакций, как *birth* и *alive*, оппозитивность достигает 22 %.

Проведенный нами ассоциативный эксперимент в университете Аризоны (США) в 2003 году позволил сформировать ассоциативное поле стимулов *life* и *death* (АП-II). Мы приводим ниже АП-II стимула *life* с указанием частотности реакций и их доли для ведущих ассоциат:

death (18, 30 %), *long* (8, 14 %), *magazine* (3), *good* (2), *special* (2), *Sentence* (2), *birth*, *blood*, *cereal*, *choices*, *drank*, *fun*, *game*, *happy*, *happiness*,

house, Housedrank, learn, live, line, lovely, long time, lose, meaning, museum, part, saving, Shamrock, skills, part, style, TV.

Ассоциат *death* занимает первую позицию, составляя треть реакций приведенного АП. Данная закономерность отмечена исследователями также при анализе содержания антонимических ассоциативных полей *man* и *woman*, в которых устойчивая антонимическая дихотомия составляет существенную долю реакций [См: Боргоякова, Покоякова 2012: 47; Покоякова 2015: 168]. Доля реакций, связанных со скорее приятными ассоциациями на слово *life*, составляет более 10 %. Другие реакции связаны с дополнением членов устойчивых словосочетаний – *style, Sentence*, известным журналом, ирландским символом *Shamrock*.

Контрастивное АП *death* оказалось представлено следующими реакциями:

life (18), *end* 4, *sad* 3, *dying* 2, *person* 2, *sentence* 2, *terrible* 2, *after life, Arizpe, birth, black, burial, certainty, destruction, die, final, Grim reaper, ground, gone, hate, heaven, inevitable, rest, restitution, live, mask, quiet, sadness, person, skeleton, sickee, sickle, sucks, tax, till, transition, unknown, wish.*

Лидером в рейтинге частотности в приведенном АП является противоположная часть бинарной оппозиции – реакция *life*, которая составляет также 30 % от общего числа реакций. Тематически близкими являются такие единичные ассоциаты, как: *birth* «рождение» и *live* «жить».

Объединение по семантическому признаку позволяет выделить группу реакций со сходным «профилем», связанным с уходом из жизни. Они приведены выше в АП: *конец, переход, печаль, похороны, после жизни, небеса, скелет, неизбежность, ужасный*, включая персонаж, символизирующий смерть, костюм которого популярен на праздновании Хэллоуина – *Grim reaper* и его орудие убийства – *sickee, sickle* и слэнг *sucks*.

По данным русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь], в АП *жизнь* полярная ассоциация *смерть* занимает первое место, составляя 11,6 % всех реакций. И соответственно в АП *смерть* ассоциация *жизнь* находится также на первом месте с показателем 9,7 %.

Таким образом, сущность бинарной оппозиции, предполагающей ассоциирование образа через обязательную включенность образа второго компонента [См. об этом также: Тарасов, Тарасова 1997: 275], получает наиболее убедительное подтверждение в структуре английского и американского АП *life* с 44 % и 30 % антонимических реакций, соответственно. Это может свидетельствовать о более рациональном типе ассоциативного мышления с высокой степенью поляризации в англоязычной культуре [См. об этом также: Боргоякова 2015: 61]. Более низкая степень маркированности полярного восприятия стимула *жизнь* представлена в русском (11,6 %) и минимальная в хакасском

АП (2 %) при высокой доле оценочных прилагательных с преобладанием позитивно окрашенных ассоциат.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что концептуализация оппозитивности в ядре хакасского, русского и английского ЯС связана с количественными и содержательными параметрами ее репрезентации, детерминированными разными социальными и культурно-историческими константами речевого поведения, жизненного и когнитивного опыта носителей разных языков. Полное совпадение ассоциативных стратегий обнаружено в универсальной константе противоположной параметризации *позитива-негатива*, отражающей исключительную важность оценочного восприятия мира, а частичное – в поляризации *живого-мертвого*, *гендера* и *направленности движения*.

Архетипы хакасской традиционной культуры получили отражение в полярной категоризации социального пространства в ядре хакасского ЯС с актуализацией половозрастной дифференциации, коррелирующей с социальным статусом человека.

Стратегии противопоставления в ядре русского ЯС отличаются определенным минимализмом и статичностью. Актуализация морально-нравственных ценностей через оппозицию *добро/зло* в дополнение к сопряженной антонимической паре *хорошо/плохо* служит подтверждением уже отмеченных учеными особенностей русского ЯС, которые указывают на устойчивые внутренние нравственные константы в укладе «бессознательной духовности» и системности в образе мира русской культуры, сформированной Православием. Высокая доля оценочной составляющей в ядре русского ЯС формируется также за счет оппозиции *умный / дурак*, указывающей на высокую значимость интеллектуальной характеристики человека в антропоцентрической системе русского языкового сознания.

Отличительной особенностью поляризации в ядре английского ЯС является более широкий спектр оппозитивных стратегий. Он включает оппозицию *no/yes* «нет/да», в которой «отрицание / согласие» представлено в более общей трактовке, чем противопоставление *наличия/отсутствия* в хакасском и русском ядре ЯС.

Противоположные направления перемещения в ядре английского ЯС включают два отдельно представленных оппозитива: движение по вертикали *up/down* и движение извне или внутрь *out/in*, акцентируя важность пространственной ориентации в когнитивной организации и практическом опыте народа. Другой оппозитивной стратегией, характерной только для ядра английского ЯС, оказалось цветовое противопоставление базовых колоронимов *black/white* «черный/белый», имеющих спектр прямых и переносных значений, важных для концептуализации образа мира.

Особенности психолингвистической репрезентации антонимических отношений, рассмотренные на примере оппозиции *жизнь/смерть* с при-

влечением данных ассоциативных тезаурусов и ассоциативных экспериментов, выявили канонически ярко выраженную положительно-отрицательную полярность в трех лингвокультурах при разном соотношении в них доли маркеров прямого противопоставления.

Низкая степень маркированности полярного моделирования образа жизни в современном хакасском ЯС проявляется в практически полном отсутствии эксплицитно выраженной контрастивной характеристики стимула *чуртас* с помощью его канонического антонима. Антонимические связи активны внутри АП *чуртас* на горизонтальном уровне, например, в полярной оценке жизни по шкале *хорошая – плохая*, выраженной в высокой доле синтагматических реакций – прилагательных. В то же время антонимическая стратегия ассоциирования в виде реакции *чуртас* оказалась устойчиво более высокой в обоих АП стимула *ölim*.

В целом содержательная направленность оппозитивных стратегий ассоциирования, представленных в ядре языкового сознания и в современных ассоциативных полях носителей хакасского, русского и английского языков, оказалась ориентированной на семантические универсалии, отражающие «взгляд одного и того же субъекта – человека на один и тот же объект–мир» [Цивьян 2009: 6], или иными словами – на антропоцентричность концептуализации и категоризации образа мира, включая оппозитивную двоичность его измерения в языковом сознании представителей разных лингвокультур.

Дальнейшие перспективы психолингвистического направления изучения оппозитивности связаны с углублением семантических измерений ассоциативных значений канонических антонимов и расширением типологических исследований, уточняющих использование антонимов в разных языках в их дискурсивном окружении для уточнения роли бинарных оппозиций в языке и когниции в целом.

ГЛАВА VI. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА» В ХАКАССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Универсальные бинарные оппозиции входят в состав первичных классификаций, составляя основу любой мифологической картины мира и суть «формирующихся в архаической космологии систем». Именно «опозиционные пары формируют границы поля смыслов культуры» [Мель-

никова 2003: 25]. Бинарная оппозиция выражает двоичность восприятия человеком мира как единого и неделимого целого [Малинович М.В., Малинович Ю.М. 2012: 168]. Универсальность дихотомии как основы восприятия, структурирования и репрезентации образа мира отмечается многими учёными [Кирилина 1999; Маслова 2001; Герасимова 2006; Цивьян 2009; Малинович М. В., Малинович Ю. М. 2012; Хейгетян 2014; Marković 2003].

В нашем исследовании обращение к изучению бинарной оппозиции *мужчина/женщина* связано с её универсальностью и значимостью для культуры каждого народа в контексте человеческой эволюции в целом.

В отечественной лингвистике последних десятилетий появилось немало исследований, посвящённых оппозитивным именам существительным в разноструктурных языках: *мужественность/женственность* [Кирилина 2002], *труд/лень* [Каримова 2004], *радость/печаль* [Адамова 2006], *ум/глупость* [Мишин 2007], *жизнь/смерть* [Мишуткина 2004; Тарасенко 2008], *огонь/вода* [Хайруллина 2009], *вера/неверие* [Талапова 2010], *счастье/несчастье* [Маховиков 2011] и др.

Именам существительным как активной основы антонимических отношений отводится особое место не только в исследованиях лексико-фразеологического и паремиологического фондов и дискурсивных практик. В последние десятилетия внимание учёных привлекает также ассоциативно-вербальное богатство языков, в том числе в аспекте частеречной активности в репрезентации антонимических отношений.

Изучение антонимической пары *мужчина/женщина* представлено в работах [Белик 2003; Семенова 2006; Шаманская 2006; Денисова 2006; Калугина 2008; Чехоева 2009; Ефремов 2010 и др.].

Имена существительные *мужчина* и *женщина* относятся к комплементарным антонимам, предполагающим такое противопоставление двух членов, дополняющих друг друга до целого, при котором отрицание одного члена пары имплицитно утверждает другого, и наоборот [Postman, Keppel 1970; Лайонз 1978; Кобозева 2000; Никитин 2007].

В хакасском, русском и английском языках эти антонимические существительные характеризуются высокой степенью употребления. Например, они составляют «лексический минимум, из которого складывается фундамент повседневной коммуникации» современных носителей английского и русского языков [АРС 1992: 35, 61; НУСРЯ 1981: 74, 134]. По данным Национального корпуса русского языка [URL: <http://www.ruscorpora.ru/>] и Google Books Ngram Viewer [URL: <https://books.google.com/ngrams>] частотность лексем *мужчина* и *женщина* растет в последние десятилетия. Их высокая употребительность в период с 2000 по 2015 гг. подтверждается материалами Corpus of Contemporary American English [URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>].

Центральным понятием российской психолингвистики выступает языковое сознание (ЯС), под которым принято понимать «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2003: 16].

Исследование ЯС в отечественной психолингвистике проводится путём анализа вербальных ассоциаций, полученных при помощи ассоциативного эксперимента, который позволяет получить «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отражённого в сознании – среднего носителя той или иной культуры, его мотивов или оценок» [Уфимцева 1996: 144]. Методика свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) с регистрацией первого ответа относится к основным инструментам формирования ассоциативных полей (АП). Их совокупность составляет содержание ассоциативных словарей и тезаурусов, которые являются своеобразной «моделью сознания человека» [Уфимцева 2011: 235].

Следует отметить, что психолингвистические исследования с привлечением хакасского экспериментального материала начались после создания ассоциативных словарей хакасского языка А. П. Боргояковой (прямого и обратного) по итогам массового САЭ, проведённого в 1998 – 2000 годах в Республике Хакасия [Боргоякова 2002].

Введение в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова в 2005 году новых магистерских и аспирантских программ («Общее языкознание, социолингвистика и психолингвистика», «Теория языка») активизировало научные психолингвистические исследования сравнительно-сопоставительного характера с привлечением хакасского материала. Данные исследования проводятся под научным руководством доктора филологических наук, профессора Тамары Герасимовны Боргояковой. Так, в 2011 г. в Иркутске была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка «Этнокультурная специфика прилагательных *сильный-слабый* в языковом сознании носителей английского, русского и хакасского языков». В 2016 году была защищена магистерская диссертация по теме «Репрезентация бинарной оппозиции *хороший/плохой* в языковом сознании носителей русского и английского языков».

Для выявления особенностей репрезентации бинарной оппозиции (БО) *мужчина/женщина* в ЯС представителей хакасской лингвокультуры нами был проведён САЭ в письменной форме в период с 2009 по 2013 годы с привлечением 330 хакасских респондентов («ХР»). Эксперимент был проведён в Хакасском государственном университете имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан, РФ). Возраст, соотношение представителей женского и мужского пола, социальный статус и уровень образования участников САЭ в

целом совпадают по формальным признакам. Соответствие принятым в психолингвистике нормам и требованиям обеспечивает валидность полученных результатов исследования. Возраст участников САЭ варьируется от 16 до 35 лет. К этому возрасту становление «языковой личности» в основном завершается, и у большинства людей «содержательное наполнение языковой способности (т. е. словарный запас, иерархия ценностных категорий, прагматические установки) остается стабильным на протяжении всей жизни» [Караулов 2002: 753].

Основу эксперимента образуют антонимические пары *ип* (*кiзi*)/*ипчи* (*кiзi*)¹, компоненты которых предлагались ХР в качестве стимульных слов.

На первом этапе обработки анкет, полученных по итогам САЭ, были сформированы ассоциативные поля (АП), которые рассматриваются в качестве «модели языкового сознания» каждого этноса [Уфимцева 2011]. Полученные АП были упорядочены от слов с самой высокой частотностью до слов, которые встречаются в единичных случаях. По аналогии с Русским ассоциативным словарем [РАС 2002] введены количественные показатели: *первая цифра* – общее количество респондентов, *вторая цифра* – число разных реакций, *третья цифра* – число отказов, *четвертая цифра* – число единичных реакций. Стимульные слова выделены прописными буквами, а полученные в ходе эксперимента реакции – курсивом с указанием частотности слова.

Для исследования сформированных АП используются следующие методы:

1. Метод построения «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова, апробированный в психолингвистике. Он позволяет выявить внутреннюю семантическую организацию состава АП, характеризующую его как «единицу знаний о мире», и соотнести структуру АП с «отраженной в нем структурой реальности». Выделенные семантические зоны (СЗ) получают местоименные обозначения, помогая передать наиболее общие смыслы. Их число в структуре семантического гештальта обычно колеблется в пределах 7 ± 2 . Они «объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000].

¹ В существующих хакасских лексикографических источниках существительные *ип* и *ипчи* представлены следующими основными значениями: 'мужчина, муж' и 'женщина, жена', соответственно [ХРС2 2006: 130]. В значениях 'муж' и 'жена' лексемы *ип* и *ипчи*, как правило, оформляются аффиксом принадлежности и употребляются в формах *ипi* 'ее муж' и *ипчиzи* 'его жена'. А в значениях 'мужчина' и 'женщина' рассматриваемые лексические единицы используются в устойчивых словосочетаниях: *ип кiзi* и *ипчи кiзi*. Поэтому для САЭ в качестве стимульных слов были выбраны именно эти антонимические словосочетания. Далее по тексту мы используем слова-стимулы ИР и ИПЧИ, опуская факультативный компонент КИЗИ.

В психолингвистике гештальт рассматривается как вид концепта, представляющий собой «закрепленный словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объясняющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [Стернин, Быкова 1998: 57]. Применение гештальтного подхода для структурирования реакций позволяет «упорядочить многообразие отдельных явлений в сознании» в виде комплексных, целостных функциональных структур [ПС 1996: 78].

По итогам уточнения смысловой и лексико-грамматической дифференциации АП, полученных как по материалам САЭ, так и извлеченных из соответствующих ассоциативных словарей и тезауруса, были выявлены следующие СЗ:

- *кто* (персоналии): имена собственные, нарицательные существительные, номинирующие человека; личные местоимения;
- *какой* (признаки и оценки): прилагательные и неличные местоимения;
- *что* (реалии): конкретные и абстрактные нарицательные существительные, обозначающие предметы; названия животных (зоонимы), названия растений (фитонимы);
- *делать* (действия): глаголы и глагольные словосочетания;
- *это*: именные словосочетания.

2. Для исследования динамического аспекта репрезентации образов мужчины и женщины в ЯС носителей хакасского, русского и английского языков был проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей, которые мы будем называть АП-1 и АП-2. АП-1 представлены в Хакасском ассоциативном словаре [ХАС 2002]. АП-2 получены в ходе проведенного САЭ. Валидность сопоставления обеспечивается выявлением показателя «степени наложения» реакций в АП-1 и АП-2. Математическая формула вычисления степени наложения ассоциативных полей была предложена Дж. Дизом и подробно описана в [Григорьев, Клёнская 2000; Палкин 2010]. Данный показатель варьируется, как правило, от 0 до 1.

Приведем в качестве примера анализ ассоциативных полей ИР и ИПЧ.

АП-2 слова-стимула ИР было сформировано по итогам САЭ из 321 реакции: 161 женских (4 отказа от ответа) и 160 мужских (5 отказов от ответа). АП-2 стимула ИПЧ образовано из 329 реакций: 165 женских (отказов не было зарегистрировано) и 164 мужских (1 отказ от ответа). Всего было получено 650 ассоциаций на стимульные слова антонимической пары ИР/ИПЧ. АП-1, представленные в ХАС, включают в себя 504 реакции (19 отказов от ответа), относящиеся к стимульному слову ИР, и 502 ассоциации (17 отказов) – к ИПЧ.

В таблицах 1–5 представлены АП-2 и АП-1, сформированные с учетом рейтинга соответствующих шести СЗ.

На первом месте в рейтинге СЗ находится СЗ «персоналии».

Таблица 1

Содержание СЗ «персоналии» в АП-2 и АП-1 стимулов ИР/ИПЧІ

	ИР	ИПЧІ
	155 ассоциаций	138 ассоциаций
АП-2	<i>паба</i> ‘отец’ 38, <i>оол</i> ‘парень’ 31, <i>харындас</i> ‘брат’ 15, <i>алып</i> ‘богатырь, герой, персонаж традиционных алыптыг нымахов (хакасского героического эпоса)’ 12, <i>тогысчы</i> ‘работник’ 9, <i>ага</i> ‘дедушка по отцу’ 8, <i>аңчы</i> ‘охотник’ 6, <i>абаа</i> ‘старший брат’ 5, <i>апсах</i> ‘старик’ 5, <i>арачылагчы</i> ‘защитник’ 4, <i>туңма</i> ‘младший брат’ 4, <i>табан</i> ‘парень’ 4, <i>аргыс</i> ‘друг’ 2, <i>оолах</i> ‘мальчик’ 2, <i>ирен</i> ‘мужчина’ 2, <i>абааң</i> ‘брат, дядя (обращение)’ 1, <i>апсагым</i> ‘мой муж’ 1, <i>абам</i> ‘мой папа’ 1, <i>пабам</i> ‘мой папа’ 1, <i>ирі</i> ‘ее муж’ 1, <i>тайың</i> , ‘(твой) дядя’ 1, <i>ир табан</i> ‘парень’ 1, <i>оолагас</i> ‘сын’ 1	<i>іче</i> ‘мать’ 73, <i>ууца</i> ‘бабушка’ 19, <i>ниче</i> ‘сестра’ 10, <i>ипчи</i> ‘жена, женщина’ 6, <i>хыс</i> ‘девушка’ 6, <i>хат</i> ‘женщина, баба’ 4, <i>тогынчы</i> ‘работница’ 3, <i>паба</i> ‘отец’ 2, <i>ипчизи</i> ‘его жена’ 2, <i>өрекен</i> ‘старушка’ 2, <i>имчи</i> ‘врач’ 2, <i>үгретчи</i> ‘учитель’ 2, <i>палалар</i> ‘дети’ 2, <i>ічең</i> ‘твоя мама’ 1, <i>ічем</i> ‘моя мама’ 1, <i>хаты аагым</i> ‘моя жена’ 1, <i>ирке аегім</i> ‘моя милая’ 1
	229 ассоциаций	183 ассоциации
АП-1	<i>кізі</i> ‘человек’ 136, <i>ипчи</i> ‘женщина’ 27, <i>табан</i> ‘парень’ 25, <i>пала</i> ‘ребенок’ 10, <i>оол</i> ‘парень’ 8, <i>чон</i> ‘народ’ 3, <i>хыс</i> ‘девушка’ 3, <i>апсах</i> ‘старик’ 2, <i>тогысчы</i> ‘рабочий’ 2, <i>чоңы</i> ‘мужчины’ 1, <i>хакас</i> ‘хакас’ 1, <i>ага</i> ‘дедушка по отцу’ 1, <i>пабаң</i> ‘твой папа’ 1, <i>а ҕазы</i> ‘его брат’ 1, <i>апсаам</i> ‘мой муж’ 1, <i>ирен</i> ‘мужчина’ 1, <i>ирен кізі</i> ‘мужчина’ 1, <i>хат</i> ‘женщина, баба’ 1, <i>апчах</i> ‘муж’ 1, <i>алып</i> ‘богатырь’ 1, <i>ученый</i> 1, <i>нанчы</i> ‘друг’ 1	<i>кізі</i> ‘человек’ 93, <i>ир</i> ‘муж, мужчина’ 20, <i>ир кізі</i> ‘мужчина’ 15, <i>хыс</i> ‘девушка’ 6, <i>іче</i> ‘мать’ 6, <i>хат</i> ‘баба, женщина’ 4, <i>имчи</i> ‘врач’ 3, <i>пала</i> ‘ребенок’ 3, <i>кізілер</i> ‘люди’ 2, <i>нанчы</i> ‘друг’ 2, <i>олган</i> ‘ребенок’ 2, <i>тогысчы</i> ‘работница’ 2, <i>ус холлыг</i> ‘мастерица’ 2, <i>ирен</i> ‘мужчина’ 2, <i>оол</i> ‘парень’ 2, <i>ирі</i> ‘ее муж’ 1, <i>олгым</i> ‘мой сын’ 1, <i>апсах</i> ‘старик’ 1, <i>ипчилер</i> ‘женщины’ 1, <i>іче кізі</i> ‘мать’ 1, <i>хызычах</i> ‘девочка’ 1, <i>хыс кізі</i> ‘девушка’ 1, <i>ниче</i> ‘сестра’ 1, <i>апсах</i> ‘старик’ 1, <i>аргыс</i> ‘друг’ 1, <i>Маша</i> 1, <i>палалар</i> ‘дети’ 1, <i>ниче</i> ‘сестра’ 1, <i>үгретчи</i> ‘учитель’ 1, <i>хызычах</i> ‘девочка’ 1, <i>хыс кізі</i> ‘девушка’ 1, <i>мохайах</i> ‘страшилище’ 1, <i>харындаснаң</i> ‘с родственником’ 1

В данной СЗ в АП-2 обоих стимульных слов самыми частотными реакциями являются ассоциаты *паба* ‘отец’ (38) и *іче* (*ічең*, *ічем*) ‘мать’ (75). В АП-1 доминирует ассоциация *кізі* ‘человек’ как на стимул ИР (136), так и на стимул ИПЧІ (93).

В целом, в АП-2 обоих слов-стимулов наблюдается преобладание группы ассоциаций, обозначающих семейно-родственные отношения, которые в данной СЗ составляют 49 % в АП-2 ИР и 83 % в АП-2 ИПЧІ.

Конкретизаторами родственных связей в АП-2 ИР выступают следующие реакции: *харындас* ‘брат’, *ага* ‘дедушка по отцу’, *абаа* ‘старший брат’, *туңма* ‘младший брат’ и др. В АП-2 ИПЧІ обнаруживаются следующие номинации близких родственников: *ууча* ‘бабушка’, *ниче* ‘сестра’, *паба* ‘отец’ и т. д. Существенный рост ценности родственных связей становится особенно заметным в сравнении с данными АП-1, где данная группа незначительна и составляет 7 % реакций на стимул ИР (*ага*, *а ҕазы*, *ансаам* и т. д.) и 9 % на слово ИПЧІ (*иче*, *ниче*, *ипі*, *палалар* и т. д.).

Оттенок личного отношения респондентов придает характерное для хакасских АП маркирование реакций данной СЗ аффиксальными указателями принадлежности: в АП-2 – *ансагым* ‘мой муж’, *абам* ‘мой папа’, *ипі* ‘ее муж’, *тайың* ‘(твой) дядя’, *ичем* ‘моя мама’, *хаты ҕагым* ‘моя женоушка’, *ирке ҕегім* ‘моя милая’ и т. д.; в АП-1 – *пабан*, *а ҕазы*, *ансаам*, *олгым* и т. д.

В АП-2 ИР отмечается сохранность частотных синонимических номинаций биологического пола (27 %), включая возрастной параметр: *оол* ‘парень’, *табан* ‘парень’, *ансах* ‘старик’, *ирен* ‘мужчина’, *оолах* ‘мальчик’ (21 % в АП-1). В АП-2 ИПЧІ синонимические номинации биологического пола составляют 12 %: *ипчі*, *хыс*, *хат* (9 % в АП-1). В АП-2 ИР обнаруживается отсутствие, а в АП-2 ИПЧІ – значительное сокращение антонимических реакций: с 19 % в АП-1 до 1 % (реакция *паба* ‘отец’). Этнокультурную специфику языкового сознания этноса выражает наличие в АП-2 ИР ассоциата *алып* ‘богатырь’ (12). В АП-1 ИР реакция *алып* единична. В АП-2 ИР присутствуют также реакции *аңчы* ‘охотник’ (6) и *арачылагчы* ‘защитник’ (4), которые не представлены в АП-1.

Таким образом, в СЗ «персоналии» в АП-2 доля ассоциаций, обозначающих родственные связи с ведущими словами *паба* ‘мать’ и *иче* ‘отец’, существенно возросла, составив почти половину (49 %) всех реакций данной СЗ в АП-2 ИР и больше половины (83 %) в АП-2 ИПЧІ. Это свидетельствует о повышении значимости семейных отношений в хакасском ЯС. Существенное преобладание доли ассоциат, номинирующих родственников женского пола, произошло в основном за счет реакции *иче*, которая более чем в два раза (54 %) превышает количество реакции *паба* (25 %).

Второй по частотности является СЗ «признаки», в которой преобладают реакции-характеристики внутренних и внешних качеств мужчины и женщины.

Содержание СЗ «признаки» в АП-2 и АП-1 стимулов ИР/ИПЧИ

	ИР	ИПЧИ
	112 ассоциаций	133 ассоциации
АП-2	<p><i>күстіг</i> 'сильный' 56, <i>махачы</i> 'смелый' 19, <i>күлүк</i> 'умный' 5, <i>най</i> 'богатый' 3, <i>хатыг</i> 'твердый' 3, <i>арах харахтыг</i> 'черноглазый' 3, <i>пөзік</i> 'высокий' 3, <i>абахай</i> 'красивый' 2, <i>сіліг</i> 'красивый, изящный' 2, <i>күлкістіг</i> 'смешной' 2, <i>аргаас</i> 'ленивый' 1, <i>амыр</i> 'спокойный' 1, <i>тілбіреес</i> 'болтливый' 1, <i>табырах</i> 'вспыльчивый' 1, <i>тудысхах</i> 'драчливый' 1, <i>сагыс чох</i> 'глупый' 1, <i>чоон харахтыг</i> 'большеглазый' 1, <i>сагаллыг</i> 'бородатый' 1, <i>паарсах</i> 'ласковый' 1, <i>сагыстыг</i> 'умный' 1, <i>чабал</i> 'злой' 1, <i>сизіктіг</i> 'сообразительный' 1, <i>ізестіг</i> 'надежный' 1, <i>турыстыг</i> 'смелый' 1</p>	<p><i>сіліг</i> 'привлекательная' 23, <i>абахай</i> 'красивая' 22, <i>сагыстыг</i> 'мудрая' 16, <i>хыйга</i> 'умная' 15, <i>иптіг</i> 'аккуратная' 13, <i>көйтік</i> 'хитрая' 9, <i>амыр</i> 'спокойная' 7, <i>ынаглыг</i> 'дружелюбная' 5, <i>палалыг</i> 'имеющая детей' 4, <i>узун састыг</i> 'длинноволосая' 3, <i>улуг</i> 'большая, крупная' 3, <i>күлүк</i> 'умная' 2, <i>чалахай</i> 'приветливая' 2, <i>паарсастыг</i> 'ласковая' 2, <i>нымзах чүректіг</i> 'благодушная' 2, <i>өрчліг</i> 'жизнерадостная' 2, <i>ачых-чарых</i> 'веселая' 1, <i>тарынчах</i> 'обидчивая, сердитая' 1</p>
	144 ассоциации	180 ассоциаций
АП-1	<p><i>күстіг</i> 'сильный' 42, <i>чахсы</i> 'хороший' 16, <i>күлүк</i> 'умный' 13, <i>сіліг</i> 'красивый' 8, <i>соох</i> 'холодный' 6, <i>махачы</i> 'смелый' 5, <i>хомай</i> 'плохой' 4, <i>чабал</i> 'злой' 4, <i>амыр</i> 'спокойный' 3, <i>магат</i> 'хороший' 3, <i>улуг</i> 'большой' 3, <i>өкерек</i> 'красивый' 2, <i>минің</i> 'мой' 2, <i>алыг</i> 'глупый' 2, <i>изірік</i> 'пьяный' 2, <i>турыстыг</i> 'смелый' 2, <i>чапчаң</i> 'быстрый' 2, <i>чітіг</i> 'острый, зоркий' 2, <i>узун</i> 'длинный' 2, <i>пөзік</i> 'высокий' 1, <i>аргаас нимес</i> 'не ленивый' 1, <i>эрістіг</i> 'скупный' 1, <i>ізестіг</i> 'надежный' 1, <i>морсымныг</i> 'внушительный' 1, <i>татхынныг</i> 'вкусный' 1, <i>ус холлыг</i> 'мастер, умелец' 1, <i>хоргыстыг</i> 'страшный, грозный' 1, <i>хыныг</i> 'интересный' 1, <i>чарых</i> 'светлый' 1, <i>погда</i> 'крупный' 1, <i>чишт</i> 'молодой' 1, <i>хысха</i> 'короткий' 1, <i>кирі</i> 'старый' 1, <i>ах</i> 'белый' 1, <i>хара</i> 'черный' 1, <i>тохчах</i> 'короткий и толстый' 1, <i>чох</i> 'бедный' 1, <i>пастагы</i> 'первый' 1, <i>синің</i> 'твой' 1</p>	<p><i>сіліг</i> 'привлекательная' 45, <i>магат</i> 'хорошая' 12, <i>чишт</i> 'молодая' 10, <i>абахай</i> 'красивая' 9, <i>күлүк</i> 'умная' 9, <i>хыйга</i> 'умная' 8, <i>улуг</i> 'большая' 6, <i>чахсы</i> 'хорошая' 6, <i>чалахай</i> 'добрая, счастливая' 5, <i>пөзік</i> 'высокая' 5, <i>иптіг</i> 'аккуратная' 5, <i>маңат</i> 'хорошая' 4, <i>хомай</i> 'плохая' 3, <i>паарсах</i> 'ласковая' 3, <i>сылгагай</i> 'стройная' 3, <i>өріністіг</i> 'радостная' 2, <i>өкерек</i> 'красивая' 2, <i>ніске</i> 'худая' 2, <i>кирі</i> 'старая' 2, <i>чоон</i> 'большая' 2, <i>аның</i> 'его' 2, <i>палалыг</i> 'имеющая детей' 2, <i>турыстыг</i> 'смелая, достойная' 2, <i>амыр</i> 'спокойная' 2, <i>аарлыг</i> 'дорогая' 1, <i>ачых-чарых</i> 'открытая' 1, <i>күстіг</i> 'сильная' 1, <i>күстіг</i> <i>нимес</i> 'слабая' 1, <i>пілістіг</i> 'образованная' 1, <i>сагыстыг</i> 'умная, разумная' 1, <i>таныс</i> 'знакомая' 1, <i>хайхастыг</i> 'удивительная' 1, <i>хэмзыныстыг</i> 'печальная' 1, <i>хылыхтыг</i> 'с характером' 1, <i>чітіг</i> 'энергичная' 1, <i>чагын</i> 'близкая, родственная' 1, <i>орай</i> 'поздняя' 1, <i>пос</i> 'свободная' 1, <i>улуглапчатхан</i> 'уважаемая' 1, <i>нымзах</i> 'мягкосердечная' 1, <i>хайынчах</i> 'погруженная в хлопоты' 1, <i>синің</i> 'твоя' 1, <i>тайызының</i> 'дядина' 1, <i>тайының</i> 'дядина' 1, <i>мөністіг</i> 'грустная' 1, <i>көзліг</i> 'веселая' 1, <i>симіс</i> 'полная' 1, <i>өкер</i> 'красивая' 1, <i>погда</i> 'красивая, видная' 1, <i>кіччек</i> 'маленькая' 1, <i>узун састыг</i> 'длинноволосая' 1, <i>талтах</i> 'косопалая' 1, <i>тулуңныг</i> 'с двумя косами' 1</p>

Анализ содержания данной СЗ выявил, что в АП-2 стимула ИР происходит существенный рост количества реакций с указанием на физическую и моральную силу мужчины. Так, например, ассоциация *kүстіг* 'сильный' занимает первое место по частотности в обоих АП, но в АП-2 она составляет 50 %, лидируя в синонимическом ряду: *махачы* 'смелый', *хатыг* 'твердый', *турыстыг* 'смелый', *ізестіг* 'надежный'. В целом значение «силы и мужества» составляет почти 71 % всех реакций в этой СЗ. В АП-1 доля ассоциации *kүстіг* 'сильный' составляет 29 %. Включение таких близких по смыслу реакций-прилагательных как *махачы*, *турыстыг*, *ізестіг*, *хатыг* увеличивает численность данной группы до 35 %.

34 % ассоциаций данной СЗ в АП-2 составляют две синонимические реакции, характеризующие женскую красоту: *сіліг* 'привлекательная', *абахай* 'красивая'. В АП-1 группа реакций со значением «красивая» составляет 31 %: *сіліг*, *абахай*, *өкерек*, *өкер*, *погда*. В итоге данная группа становится лидером в СЗ «признаки» АП-2.

Изменение в АП-2 ИПЧІ связано с заметным усилением веса реакций с позитивной оценкой женского интеллекта, составляющих 32 % (*сагыстыг* 'мудрая', *хыйга* 'умная', *көйтік* 'хитрая', *күлүк* 'умная') в сравнении с 11 % в АП-1.

Динамика АП-2 проявляется также в сокращении числа реакций, указывающих на внешние и возрастные особенности мужчины (11 %) и женщины (5 %), и в исчезновении прилагательных со значением возраста. Доля данной группы в АП-1 ИР составляет 19 %, включая реакции размеров и особенностей телосложения (9,5 %), внешней красоты (6 %), возраста (3,5 %) и цвета (3,5 %). В АП-1 ИПЧІ данный показатель равен 18 % и представлен ассоциациями возраста (7 %), размеров и фигуры (11 %).

В АП-2 отсутствует общая положительная оценка мужчины и женщины, представленная в АП-1 13 % и 12 % соответственно: *чахсы*, *магат*. В АП-2 исчезли также реакции с лингвистическими маркерами принадлежности. В АП-1 на стимул ИР были получены, например, ассоциации *минің* и *синің*, а на стимул ИПЧІ – *аның*, *синің*, *тайызының*, *тайының*.

В блоке реакций, описывающих внутренние качества мужчины и женщины, наблюдается их существенное сокращение в АП-2 ИР (с 10 % до 3 %) и незначительное уменьшение в АП-2 ИПЧІ (с 12 % до 10 %).

В АП-2 происходит сокращение доли прилагательных с негативной коннотацией при оценке стимула ИР до 5 % (*сагыс чох* 'глупый', *аргаас* 'ленивый', *тілбіреес* 'болтливый', *тудысхах* 'драчливый', *табырах* 'вспыльчивый', *чабал* 'злой') и при оценке стимула ИПЧІ до 3 % (*тарынчах* 'обидчивая' и др.). Для сравнения отметим, что в АП-1 такая группа реакций-прилагательных на стимул ИР составляет 17 % (*соох*, *хомай*, *чабал*, *алыг*, *изірік* и т. д.) и на стимул ИПЧІ – 6 % (*хомай*, *талтах*, *симіс*, *kүстіг нимес* и т. д.).

Таким образом, в СЗ «признаки» общая доля позитивных реакций возросла до 84 % в АП-2 ИР и до 86 % в АП-2 ИПЧІ. Рост составляет соответственно 9 % и 10 % в сравнении с данными этой СЗ в АП-1. В ЯС хакасов сохраняется максимально позитивная оценка *күстиг* ‘сильный’ с увеличением её доли с 29 % в АП-1 до 50 % в АП-2. В структуре позитивной оценки образа женщины на первом месте стоит её красота – 34 % (31 % в АП-1); далее следует интеллект, выражаемый группой синонимических прилагательных, составляющих 32 % (11 % в АП-1). Значимость возрастного параметра оценки в ассоциативной характеристике женщины в два раза больше в АП-1, чем в АП-2.

СЗ «реалии» представлена блоком реакций, выявляющих сохранность и актуализацию архетипов хакасской традиционной ментальности и культуры. При этом реакции на стимул ИПЧІ отличаются бóльшим разнообразием в сравнении с ассоциациями на стимул ИР в обоих АП (см. табл. 3).

Таблица 3

Содержание СЗ «реалии» в АП-2 и АП-1 стимулов ИР/ИПЧІ

	<i>ИР</i>	<i>ИПЧІ</i>
	14 ассоциаций	27 ассоциаций
АП-2	<i>ахча</i> ‘деньги’ 3, <i>ат</i> ‘лошадь’ 2, <i>чібек хур</i> ‘шелковый пояс в мужской одежде’ 2, <i>тогыс</i> ‘работа’ 1, <i>чүрек</i> ‘сердце’ 1, <i>сас</i> ‘волосы’ 1, <i>күс</i> ‘сила’ 1, <i>хысхы</i> ‘зима’ 1, <i>тура</i> ‘зданье, дом’ 1, <i>иб</i> ‘дом’ 1	<i>тура</i> ‘дом’ 5, <i>хыныс</i> ‘любовь’ 4, <i>идіс-хамыс</i> ‘посуда’ 3, <i>ас-тамах</i> ‘еда’ 2, <i>сүрмес</i> ‘сюрмес (множество косичек по плечам у девушек)’ 2, <i>часка</i> ‘счастье’ 2, <i>көгенек</i> ‘платье’ 1, <i>сигедек</i> ‘женский жилет с вышитым орнаментом’ 1, <i>пого</i> ‘пого (нагрудное женское украшение)’ 1, <i>күн</i> ‘солнце’ 1, <i>ай</i> ‘луна’ 1, <i>тон</i> ‘хакасская шуба’ 1, <i>чахай-ах</i> ‘цветок’ 1, <i>мойны</i> ‘(его) шея’ 1, <i>чахайагым</i> ‘мой цветочек’ 1
	16 ассоциаций	19 ассоциаций
АП-1	<i>тогызы</i> ‘его работа’ 3, <i>тура</i> ‘зданье, дом’ 3, <i>күс</i> ‘сила’ 2, <i>көл</i> ‘озеро’ 1, <i>семья</i> 1, <i>чуртас</i> ‘жизнь’ 1, <i>хой</i> ‘овца’ 1, <i>піліс</i> ‘знание’ 1, <i>таг</i> ‘гора’ 1, <i>тайах</i> ‘палка, трость’ 1, <i>сагыс</i> ‘ум’ 1	<i>агырыг</i> ‘болезнь’ 3, <i>тура</i> ‘дом’ 2, <i>идіс-хамыс</i> ‘посуда, утварь’ 1, <i>көгенек</i> ‘платье’ 1, <i>кбріндес</i> ‘зеркало’ 1, <i>суг</i> ‘вода’ 1, <i>улуглас</i> ‘уважение, почитание’ 1, <i>јүлүс</i> ‘доля’ 1, <i>худалааны</i> ‘сватовство’ 1, <i>брініс</i> ‘радость’ 1, <i>ырыс</i> ‘счастье, удача’ 1, <i>кирек</i> ‘дело’ 1, <i>сибері</i> ‘ее нежность’ 1, <i>часказы</i> ‘его счастье’ 1, <i>сагызы</i> ‘ее ум’ 1

В состав этих реакций входят элементы традиционной одежды и прически (*пого* ‘пого (нагрудное женское украшение)’, *сигедек* ‘женский жилет с вышитым орнаментом’, *тон* ‘хакасская шуба’, *чібек хур* ‘шелковый пояс в мужской одежде’, *сүрмес* ‘сюрмес (множество косичек по плечам у девушек)’), а также названия небесных светил (*күн* ‘солнце’ и *ай* ‘луна’)

и фитоним *чахайах* ‘цветок’ (*чахайагым* ‘мой цветочек’), которые отсутствуют в АП-1.

Исследователи хакасского этнического мировоззрения отмечают сакральный характер почтительного отношения к небесам (Тенгри) и к светилам: солнцу, луне и звездам. Солнце (Күн) является для хакасов олицетворением жизни, тепла и благополучия. Луна (Ай) также служит объектом поклонения. С одной стороны, ей приписываются отрицательные характеристики, связанные с опасностями ночи, изменчивостью циклов и неясным, загадочным светом. Но, с другой стороны, луна задает ритм жизни, отвечает за деторождение и рост растений. Она теснее всего связана с женщиной, является покровительницей всего женского рода [Анжиганова 1997: 48]. В известной хакасской поговорке содержится образная характеристика женской красоты, основанная на сравнении с солнцем и луной: *аар айланза – ай осхас, пеер айланза – күн осхас* (букв. ‘туда повернётся – как луна, сюда повернётся – как солнце’).

Ассоциации с постоянством, теплом и светом, излучаемым небесными светилами, отражают гармонию и красоту как главных украшений хакасской женщины. К хакасским архетипам женской красоты относятся также чёрные длинные косички (сүрмес) и косы. Волосы были предметом гордости в девичестве и символом замужества (две косы), а также признаком хорошего здоровья: по числу косичек («пятьдесят на груди, шестьдесят на спине») можно было судить и о «способности женщины стать матерью многочисленного потомства» [Там же: 64].

С традиционной хакасской культурой полукочевого типа связаны реакции-зоонимы *ат* ‘лошадь’ и *хой* ‘овца’ в АП-1 и АП-2 стимула ИР. Лошадь была олицетворением незаменимого верного друга и помощника мужчины. В хакасском фольклоре широко распространены следующие сравнения в пословицах и поговорках: *ир кизінің ісітінде изерліг ат чызаан* ‘мужская стойкость не знает предела’ (букв. ‘внутри мужчины оседланная лошадь разлагается’); *чазыда чортпаан ат чогыл, чазыбин ёскен ир чогыл* ‘нет лошади, которая не пробежала бы рысью по степи, нет мужчины, который не испытал бы тягот жизни’; *ат сыыриры – хамчыда, ир сыыриры – изерде* ‘лошадь набирает силу в беге, мужчина – в работе’ (букв. ‘лошадь крепнет, когда ее погоняешь кнутом, мужчина крепнет, когда садится в седло’); *ат полары – хулуннаң, ир полары – олганнаң* ‘резвый жеребенок – будет добрым конем, хороший ребенок – будет настоящим мужчиной’; *тайга чирче чёрерге аттың чахсызы кирек, чон пазына турарга ирнің чахсызы кирек* ‘по тайге ездить – хорошего коня надо иметь, во главе народа стоять – лучший из мужчин нужен’ [Покоякова 2015: 305].

СЗ «реалии» содержит также ассоциат *тура (иб)* ‘дом’ (2 % в АП-2 и 1 % в АП-1), который подчёркивает важность дома как места проживания для мужчины и женщины.

Таким образом, в СЗ «реалии» более заметно представлены реакции, отражающие этнокультурную специфику восприятия образов мужчины и женщины в хакасском ЯС. В АП-2 также усиливается роль мужчины в зарабатывании денег (*ахча* ‘деньги’, *тогыс* ‘работа’) при сохранении ассоциат, характеризующих «женскую» работу (*идіс-хамыс* ‘посуда’).

В СЗ «это» АП-2 ИР представлено 13 ассоциаций, АП-2 ИПЧІ – 12 и значительно меньше ассоциаций – в АП-1 (см. табл. 4).

Таблица 4

Содержание СЗ «это» в АП-2 и АП-1 стимулов ИР/ИПЧІ

	<i>ИР</i>	<i>ИПЧІ</i>
	13 ассоциаций	12 ассоциаций
АП-2	<i>аар тогыс</i> ‘тяжелая работа’ 4, <i>улуг кизи</i> ‘взрослый человек’ 3, <i>иб/тураның ээзи</i> ‘хозяин дома’ 3, <i>сөбірінең пазы</i> ‘глава семьи’ 1, <i>азырапчатхан кизи</i> ‘кормилец’ 1, <i>хорьхлинчатхан кизи</i> ‘не боязливый человек’	<i>узун сас</i> ‘длинные волосы’ 7, <i>палалыг ипчи</i> ‘женщина с детьми’ 1, <i>пала өскірчең кизи</i> ‘человек, растящий ребенка’ 1, <i>ус холлыг</i> ‘мастерица’ 1, <i>ниик тогыс</i> ‘легкая работа’ 1
	4 ассоциации	7 ассоциаций
АП-1	<i>кизи сагаллыг</i> ‘бородатый человек’ 1, <i>ник кизи</i> ‘здоровый человек’ 1, <i>пірее-нине узун</i> ‘кое-что длинное’ 1, <i>чой кизи</i> ‘лживый человек’ 1	<i>тура/чурт/иб/ ээзи</i> ‘хозяйка дома’ 3, <i>сууліг кизи</i> ‘человек с бородавками’ 2, <i>аар чуртас</i> ‘тяжелая жизнь’ 1, <i>кизинің чуртазы</i> ‘жизнь человека’ 1

Ведущая ассоциация на стимул ИР в АП-2 связана с трудовой деятельностью мужчины. Реакция *аар тогыс* отражает тяжелую физическую работу мужчины, в отличие от легкой женской – реакция *ниик тогыс* в АП-2 на стимул ИПЧІ. К частотным реакциям данной СЗ относится и показатель женского внешнего облика: в АП-2 реакция *узун сас* ‘длинные волосы’ на стимул ИПЧІ занимает первое место. По мнению ХР, мужчина выполняет роль главы семьи и хозяина дома: *иб/тураның ээзи, сөбірінең пазы, азырапчатхан кизи*. Интересно, что подобные реакции занимают первое место в СЗ «это» АП-1, но уже по отношению к стимулу ИПЧІ, например, *тура/иб/чурт ээзи*.

Итак, для СЗ «это» характерно небольшое количество реакций: от 4 до 13. Они представляют собой именные словосочетания. Наиболее заметное изменение связано с переходом роли главы семьи от женщины в АП-1 к мужчине в АП-2.

Таблица 5 показывает существенное различие между АП-1 и АП-2 обоих стимулов в СЗ «действия».

Содержание СЗ «действия» в АП-2 и АП-1 стимулов ИР/ИПЧІ

	ИР	ИПЧІ
	7 ассоциаций	11 ассоциаций
АП-2	<i>тогынча</i> 'работает' 3, <i>аар тогыс итче</i> 'выполняет тяжелую работу' 2, <i>парча</i> 'идет' 2	<i>семья тудылча</i> 'семья держится' 4, <i>чиш хайнатча</i> 'готовит (варит) еду' 2, <i>көзидім полча</i> 'служит примером, образом поведения' 1, <i>ибде хайынча</i> 'занимается домашними делами' 1, <i>иб аразында хайынарга</i> 'хлопотать по дому' 1, <i>тогысхаа хынча</i> 'любит работу' 1, <i>ызыргалар киче</i> 'носит серьги' 1
	60 ассоциаций	91 ассоциация
АП-1	<i>полча</i> 'бывает' 6, <i>поларга</i> 'быть' 5, <i>тогынча</i> 'работает' 4, <i>парча</i> 'идет' 3, <i>тілсрге</i> 'искать, просить' 3, <i>хынган</i> 'любила' 3, <i>узурга</i> 'спать' 2, <i>килді</i> 'пришел' 2, <i>турча</i> 'стоит' 2, <i>парарга</i> 'идти' 2, <i>пол парган</i> 'стала' 2, <i>кізі табарга</i> 'выходить замуж' 2, <i>читкен</i> 'наступило' 1, <i>читсе</i> 'если исчезнет' 1, <i>читті</i> 'исчез' 1, <i>кізі полчан</i> 'человеком был' 1, <i>пасталча</i> 'начинается' 1, <i>польшысхан</i> 'стал' 1, <i>табарга</i> 'находить' 1, <i>чагдапча</i> 'настает' 1, <i>тіпче</i> 'говорит' 1, <i>пол</i> 'будь' 1, <i>полган</i> 'был' 1, <i>ползын</i> 'пусть будет' 1, <i>турган</i> 'стоял' 1, <i>чидерге</i> 'достигать' 1, <i>килген</i> 'пришел' 1, <i>килерге</i> 'приходить' 1, <i>чүгүрче</i> 'бежит' 1, <i>чип тирерге</i> 'собрать' 1, <i>кізі чалтанминча</i> 'не стесняется человека' 1, <i>чит килді</i> 'настало' 1, <i>нимее чарабаан</i> 'ни на что не годится' 1, <i>табан полтыр</i> 'героем оказался' 1, <i>кізее пазырба</i> 'не поклоняйтесь человеку' 1, <i>соонаң көрінер</i> 'потом видно будет' 1	<i>аларга</i> 'брат' 12, <i>тогынча</i> 'работает' 10, <i>парча</i> 'идет' 6, <i>парир</i> 'идет' 4, <i>килче</i> 'приходит' 3, <i>поларга</i> 'быть' 3, <i>өрінче</i> 'радуется' 3, <i>агырча</i> 'болеет' 2, <i>ал</i> 'бери' 2, <i>пар</i> 'есть, имеется' 2, <i>турча</i> 'стоит' 2, <i>хатхырча</i> 'смеется' 2, <i>ылганча</i> 'плачет' 2, <i>ал салган</i> 'взял' 1, <i>албаан</i> 'не взяла' 1, <i>алча</i> 'берет' 1, <i>иртче</i> 'проходит' 1, <i>исче</i> 'пьет' 1, <i>килген</i> 'пришла' 1, <i>килир</i> 'идет' 1, <i>килер</i> 'придет' 1, <i>киртінминче</i> 'не верит' 1, <i>киртінче</i> 'верит' 1, <i>кір килче</i> 'заходит' 1, <i>көрерге</i> 'смотреть' 1, <i>наннарир</i> 'идет домой' 1, <i>одырча</i> 'сидит' 1, <i>пари</i> 'идет' 1, <i>парыбысхан</i> 'ушла' 1, <i>пол парарга</i> 'стать' 1, <i>полча</i> 'быть' 1, <i>пасхан</i> 'писала' 1, <i>сілігленче</i> 'прихорашивается' 1, <i>соохтапча</i> 'мерзнет' 1, <i>суулапча</i> 'шумит' 1, <i>табарга</i> 'находит' 1, <i>тишче</i> 'убегает' 1, <i>тікче</i> 'шьет' 1, <i>узучча</i> 'спит' 1, <i>үгретче</i> 'учит' 1, <i>хынмаан</i> 'не любила' 1, <i>чоохтапча</i> 'говорит' 1, <i>ибде прай ние итче</i> 'по дому все делает' 1, <i>тагды даа айландырар</i> 'гору свернет' 1, <i>чурт тутча</i> 'держит жизнь' 1, <i>кізіні улула</i> 'уважай старшего' 1, <i>палазына хынча</i> 'любит ребенка' 1, <i>хынарга</i> 'любить'

На стимул ИР в АП-1 представлены 15 % реакций, относящихся к глаголам и глагольным словосочетаниям, в которых доминирует значение «быть, существовать» в разных грамматических формах (28 % в данной СЗ): *полча*, *поларга*, *пол парган*, *польшысхан*, *пол*, *полган*, *ползын* и т. д. В АП-1 ИПЧІ зона «действия» также имеет высокий показатель (19 %), но отличается большим разнообразием. Наиболее частотные глаголы и глагольные словосочетания выражают действия, связанные с разнонаправленной ходьбой и движениями, с работой, радостью и болезнями: *аларга*, *тогынча*, *парча*, *парир*, *килче*, *поларга*, *өрінче*, *агырча* и т. д. В АП-2 ИР

зона «действия» занимает лишь 2 %, а образ мужчины связан только с работой: *тогынча, аар тогыс итче* 2. Доля данной СЗ в АП-2 ИПЧІ составляет 3,5 %. Круг женской деятельности ограничен сферой домашнего хозяйства: *чиис хайнатча* ‘готовит (варит) еду’, *ибде хайынча* ‘занимается домашними делами’, *иб аразында хайынарга* ‘хлопотать по дому’. В то же время хакасские респонденты указывают на важную роль женщины в благополучии семьи: *семья тудылча* ‘семью держит’, *кѳзидім полча* ‘служит примером, образцом поведения’. Таким образом, вместе со значительным сокращением доли СЗ «действия» в АП-2 обоих стимульных слов произошло и сужение сфер деятельности с учетом гендерных ролей.

Сравнительный анализ показывает, что в АП-2 обоих компонентов бинарной оппозиции *ип/инчи* произошло увеличение доли реакций в пяти из шести СЗ. Заметно снизилась доля ассоциаций в СЗ «действия», где доля реакций-глаголов в АП-2 ИР сократилась на 13 % и в АП-2 ИПЧІ – на 15,5 %. Лидирующие позиции в обоих АП-2 сохранили СЗ: «персоналии» и СЗ «признаки» (см. рис. 1 и 2).

Общее соотношение доли парадигматических и синтагматических схем ассоциирования в динамике, отраженной в АП-2 и АП-1, представлено в таблице 6.

Как видно из приведённой таблицы, в АП-2 стимулов ИР и ИПЧІ преобладает парадигматическая модель ассоциирования. Она составляет более половины реакций: 55 % в АП-2 ИР и 52 % – в АП-2 ИПЧІ. Следует отметить, что заметные изменения произошли в АП-2 ИПЧІ. Рост доли парадигматических ассоциаций составил здесь 10 %, что подтверждает данные сравнительного рейтинга СЗ, приведённые в диаграмме 2. Это изменение в стратегиях ассоциирования в АП-2 ИПЧІ отражает, на наш взгляд, повышение значимости семейно-родственных отношений, вербализованных через термины родства в СЗ «персоналии», в котором они занимают 82 %.

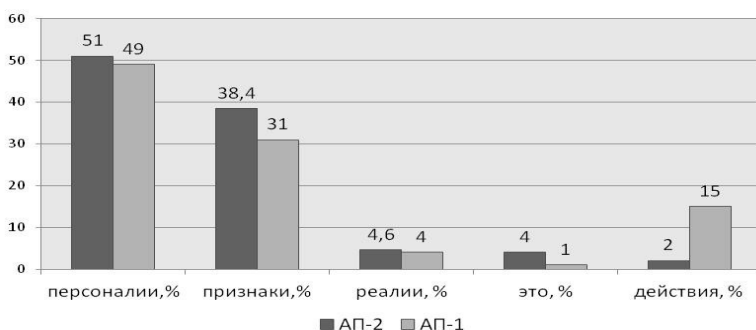

Рис. 1. Сравнительный рейтинг СЗ стимульного слова ИР в АП-2 и АП-1

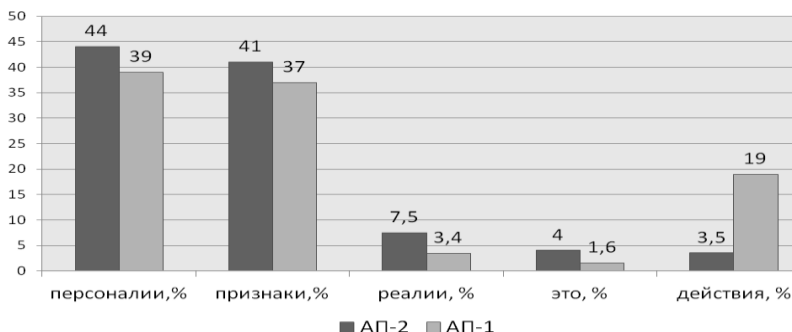

Рис. 2. Сравнительный рейтинг СЗ стимульного слова ИПЧІ в АП-2 и АП-1

Таблица 6

**Доля парадигматических и синтагматических реакций
в АП-2 и АП-1 стимульных слов ИР и ИПЧІ**

Схемы ассоциирования	Ассоциативные поля	ИР	ИПЧІ
Парадигматические связи	АП-2	55 %	52 %
	АП-1	53 %	42 %
Синтагматические связи	АП-2	45 %	48 %
	АП-1	47 %	58 %

Таким образом, сопоставительный анализ СЗ хакасских АП-2 и АП-1 позволяет сделать следующие выводы о динамике и константах восприятия образов мужчины и женщины в ЯС носителей хакасского языка:

1. В структуре хакасских АП антонимической пары *ир/ипчі* лидирующие позиции занимают СЗ «персоналии» и «признаки». СЗ «персоналии» имеет больший удельный вес, составляя 51 % в АП-2 ИР и 49 % в АП-1, 44 % в АП-2 ИПЧІ и 39 % в АП-1.

2. В СЗ «персоналии» АП-2 произошли изменения в сравнении с АП-1:
– усиление семантической доминанты «семейно-родственные связи» обоих стимульных слов с ведущими словами *наба* ‘отец’ (3 %→25 %) и *іҫе* ‘мать’ (5 %→34,4 %). В целом, реакция *наба* составляет 12 % от общего числа реакций в АП ИР и ассоциация *іҫе* – 23 % в АП ИПЧІ;

– увеличение синонимических номинаций биологического пола с учётом возраста в АП ИР (7,8 %→14,8 %) и в АП ИПЧІ (3 %→4,4 %) с ведущими частотными словами *оол* ‘парень’ и *ипчі* ‘женщина’, а также *хыс* ‘девушка’ в этом ассоциативном ряду;

– значительное сокращение доли антонимических реакций (8,4 %→0,6 %) на стимул ИПЧІ и их отсутствие в АП ИР;

– актуализация ассоциата *алын* ‘богатырь, герой, персонаж традиционных алыптыг нымахов (хакасского героического эпоса)’, отражающего традиционные представления хакасского народа о мужчине (0,2 %→4 %);

– появление на стимул ИР реакций *аңчы* ‘охотник’ и *арачылагчы* ‘защитник’, связанных со стереотипными «мужскими» видами деятельности.

3. В аксиологической составляющей АП ИР и ИПЧІ преобладают позитивные реакции, составляя:

– 32 % и 34 % с учётом всех СЗ (реакции с отрицательной оценкой составляют 1,8 % и 3 %, соответственно);

– 84 % на стимул ИР и 86 % на стимул ИПЧІ во второй по частоте СЗ «признаки» с увеличением на 9 % и 10 % по сравнению с АП-1.

4. В СЗ «признаки» в структуре оценки образа мужчины существенно возрастает позитивная доминанта физической и моральной силы (*күстіг* ‘сильный’, *махачы* ‘смелый’), составив половину ассоциат, и сокращение на 12 % доли негативной характеристики (5 %). В восприятии образа женщины происходит рост на 21 % позитивной оценки интеллектуальных способностей, который составляет 32 % при сохранении доли ассоциат, характеризующих внешнюю красоту (34 %).

5. В СЗ «реалии» и «действия» АП-2 актуализируются гендерные стереотипы, связанные с традиционными представлениями о деятельности:

– мужчин: *ахча* ‘деньги’, *тогынча* ‘работает’, *аар тогыс итче* ‘выполняет тяжелую работу’;

– женщин: *ідіс-хамыс* ‘посуда’, *тура* ‘дом’, *ас-тамах* ‘еда’, *чиис хайнатча* ‘готовит’.

6. В АП-2 обоих стимульных слов присутствуют ассоциации, связанные с архетипами хакасской традиционной ментальности и культуры, представленные элементами традиционной одежды (*пого* ‘пого (нагрудное женское украшение)’, *сигедек* ‘женский жилет с вышитым орнаментом’, *чібек хур* ‘шелковый пояс в мужской одежде’, *тон* ‘хакасская шуба’), прически (*сјүрмес* ‘сюрмес (множество косичек по плечам у девушек)’, *узун сас* ‘длинные волосы’, *узун састыг* ‘длинноволосая’), названиями особо почитаемых небесных светил (*кјүн* ‘солнце’, *ай* ‘луна’), домашних животных (*ат* ‘лошадь’), названием главного героя героических эпосов (*алыптыг нымахтар*) (*алын* ‘богатырь’).

7. В АП-2 отмечается существенное сокращение деятельностной характеристики в образах мужчины и женщины по сравнению с АП-1. Более полное представление о динамике восприятия образов мужчины и женщины в хакасском ЯС получено при помощи метода вычисления показателя степени наложения реакций. Этот метод позволяет выявить уровень смысловой близости: чем ближе полученное значение к единице, тем в большей степени совпадает восприятие исследуемого образа у

представителей сравниваемых выборок, и наоборот [Палкин 2010: 64]. С помощью данного метода можно также установить изменения в содержании АП одного и того же стимула в отдельные временные периоды [Усова 2008: 332].

Для установления уровня смысловой близости значений в АП ИР и ИПЧИ использована следующая градация этих показателей: а) высокий (от 0,4 до 0,5 и выше); б) выше среднего (от 0,3 до 0,39); в) средний (от 0,2 до 0,29); г) ниже среднего (от 0,1 до 0,19); д) низкий (ниже 0,1) [Палкин 2010: 85]. Показатель близости в АП ИПЧИ составляет 0,20, а в АП ИР – 0,17, что относится, соответственно, к среднему и ниже среднего уровням семантической близости, и свидетельствует о достаточно заметных изменениях в структуре и содержании АП двух стимульных слов, сформированных с разрывом почти в 10 лет.

Установленный показатель степени наложения реакций ассоциативных полей, сформированных в разные временные отрезки, подтверждает представленные выше результаты их сравнительного семантического и грамматического анализа и, соответственно, валидность использованных методов САЭ и семантического гештальта.

Итак, контрастивный анализ ассоциативных полей антонимической пары *мужчина/женщина* в хакасской, русской и американской лингвокультурах проводился путем выявления в них доли семантических зон и соответствующих семантических доминант с учетом временного параметра.

Общий анализ структуры и содержания 12-ти ассоциативных полей членов БО *мужчина/женщина*, сформированных в разные временные периоды, позволил сделать следующие выводы относительно их динамики, общности и этнокультурной специфики:

1. Основными семантическими зонами в структуре АП-2 и АП-1 рассматриваемых антонимических стимулов во всех трех языках являются «персоналии», «признаки» и «реалии». В хакасских и американских АП-2 лидерство сохраняет СЗ «персоналии», а в русских АП-2 – СЗ «признаки».

2. В хакасских, русских и американских АП-2 парадигматическая когнитивная модель ассоциирования закрепилась как самая продуктивная. В русских АП-2 парадигматические реакции пришли на смену доминировавшей синтагматической модели за счет увеличения количества реакций в СЗ «реалии» и сохранения рейтинговых позиций СЗ «персоналии».

В каждой лингвокультуре доминантные группы парадигматических реакций имеют специфический характер.

Так, в *хакасских АП* утвердилась семантическая группа терминов родства с ведущими реакциями *паба* ‘отец’ (22 % в АП ИР) и *иче* ‘мать’ (44 % в АП ИПЧИ). Это подтверждает уже существующие в психолингви-

стике выводы о важности для хакасского этноса семьи и родственников [Боргоякова 2003: 113].

К парадигматическим ассоциациям, занимающим центральное место в *русских АП*, относятся семейные роли *отца* (10 % в АП МУЖЧИНА) и *матери* (18 % в АП ЖЕНЩИНА).

В *американских АП* позицию наиболее устойчивой модели сохраняет антонимическая схема ассоциирования, представленная парадигматическими ассоциациями *woman* (18 % в АП MAN) и *man* (17 % в АП WOMAN).

В таблице 7¹ представлены установленные доли парадигматических и синтагматических реакций в АП-2 в сопоставлении с данными АП-1.

Таблица 7

**Динамика парадигматических и синтагматических реакций
в АП-1 и АП-2**

АП	Парадигматические реакции, %	Синтагматические реакции, %
	АП-1→АП-2 ²	АП-1→АП-2
ИР	53→55	47→45
ИПЧИ	58→52	42→48
МУЖЧИНА	46→60	54→40
ЖЕНЩИНА	44→62	56→38
MAN	94→58	6→42
WOMAN	92→61	8→39

Что касается синтагматических реакций, то в них доминирует позитивная оценка физической и моральной силы мужчины (*күстиг* (25 %) – *сильный* (20,4 %) – *strong* (15,5 %) и внешней привлекательности женщины (*абахай* (14 %) – *красивая* (16,6 %) – *beautiful* (14,6 %)).

3. Во всех АП-2 в целом отмечается сокращение числа антонимов среди парадигматических реакций в сравнении с показателями АП-1, и рост ассоциаций, в основе которых лежат синонимические отношения (см. табл. 8).

4. В структуре АП-2 четко прослеживается динамика аксиологического подхода, которая выражается в доминировании позитивной оценки внешности и внутренних качеств мужчины и женщины. Данный факт особенно заметен в СЗ «признаки», на которую приходится наибольший процент оценочных характеристик. В таблице 9 представлено соотношение доли положительных и отрицательных ассоциаций в СЗ «признаки».

¹ Данные приведены с учетом только доли парадигматических реакций.

² «→» указывает на количественные изменения, произошедшие в АП-2 и АП-1 (как рост, так и снижение).

Таблица 8

**Динамика антонимических и синонимических реакций
в АП-1 и АП-2**

АП	Антонимические реакции, %	Синонимические реакции, %
	АП-1→АП-2	АП-1→АП-2
ИР	7→0	7,8→14,8
ИПЧІ	8,4→0,6	3→4,4
МУЖЧИНА	58→12	8→8
ЖЕНЩИНА	44→2	6→5
MAN	67→10,4	6→10
WOMAN	60→10,2	8→12

Таблица 9

**Соотношение позитивных и негативных реакций
в СЗ «признаки» АП-1 и АП-2**

АП	Позитивные реакции, %	Негативные реакции, %
	АП-1→АП-2	АП-1→АП-2
ИР	75→84	17→5
ИПЧІ	76→86	6→0,8
МУЖЧИНА	65→95	5→2
ЖЕНЩИНА	70→90	6→3
MAN	80→85	20→5
WOMAN	71→89	0→1,5

Как видно из таблицы, в хакасских, русских и американских АП-2 отмечается динамика роста положительного восприятия образов мужчины и женщины. Негативная оценка находится на дальней периферии во всех анализируемых АП-2. В сравнении с данными АП-1 здесь наблюдается уменьшение числа отрицательно-оценочных реакций.

В нижеприведенной таблице 9 представлено соотношение доли положительных, отрицательных и нейтральных реакций в целом по всем семантическим зонам в АП-2.

Таблица 10

**Соотношение позитивных, негативных и нейтральных реакций
в АП-2**

АП	Позитивные реакции, %	Негативные реакции, %	Нейтральные реакции, %
ИР	32	1,8	66,2
ИПЧІ	34	0,3	65,7
МУЖЧИНА	54	4	42
ЖЕНЩИНА	57	5	38
MAN	21	8	71
WOMAN	29	4	67

Исходя из приведенной таблицы, проанализированная ассоциативно-вербальная сеть оппозиции *мужчина/женщина* в хакасском и американском ЯС оказалась представленной преимущественно нейтральными реакциями: 66,2 % в АП ИР; 65,7 % в АП ИПЧІ; 71 % в АП MAN; 67 % в АП WOMAN. В русском ЯС доминирует группа ассоциаций позитивной оценки: 54 % в АП МУЖЧИНА и 57 % в АП ЖЕНЩИНА. В целом, положительное восприятие образов мужчины и женщины преобладает во всех трех лингвокультурах. Негативные оценки в характеристике мужчины заметны в американском ЯС. В АП MAN они составляют 8 %. К отрицательным качествам мужчины, на которых акцентируется внимание, относятся, например: а) посредственность (*generic person, generic, oversimplified, hollow, close-minded*); б) отсутствие эмоций (*emotionally dysfunctional, emotionless*); неряшливость (*messy, dirt*); в) вредные привычки, связанные с курением и употреблением спиртных напитков (*smoking, beer, etc.*); г) другие качества (*scary, distorted, damn, lost, rowdy, reckless, childish, complicated, etc.*). Что касается образа женщины, то негативная оценка по отношению к ней доминирует в русском АП-2, составляя 5 % (*слабый пол, не человек, измена, стерва, ничего хорошего, коварство, ворчание, слабость и др.*).

5. В структуре позитивной оценки образов мужчины и женщины в АП-2 наблюдается рост реакций, указывающих на мужскую силу и женскую красоту.

Таблица 11

Динамика «мужской силы» и «женской красоты» в АП-1 и АП-2¹

АП	Сила, %	АП	Красота, %
	АП-1→АП-2		АП-1→АП-2
ИР	10,2→31	ИПЧІ	11→14
МУЖЧИНА	12→34	ЖЕНЩИНА	21→23
MAN	3→16	WOMAN	2→17

Необходимо отметить, что семантический компонент «мужская сила» приобретает практически трехкратное увеличение в АП-2 ИР, двукратное – в АП-2 МУЖЧИНА и почти четырехкратное увеличение в АП-2 MAN. Что касается параметра женской красоты, то очевиден значительный рост доли таких реакций в АП-2 ИПЧІ и в АП-2 WOMAN, а также незначительное ее увеличение в АП-2 ЖЕНЩИНА.

Ведущим компонентом образа женщины в хакасской, русской и американской лингвокультурах является физическая красота (*абахай, краси-*

¹ Количественные показатели приводятся от общего числа реакций в соответствующем ассоциативном поле (с учетом всех парадигматических и синтагматических реакций со значениями «мужская сила» и «женская красота»).

vaya, beautiful): 14 % в АП ИПЧІ, 17 % в АП-2 WOMAN и 23 % в АП-2 ЖЕНЩИНА. Однако, в русском ЯС данный компонент приобретает более высокую актуальность. На доминирование оценки внешних данных в содержании обыденного сознания русских обращает внимание Н. В. Уфимцева при анализе содержания АП слова *женщина* [Уфимцева 1996].

7. По сравнению с АП-1 в хакасских, американских и русских АП-2 изменяется восприятие внутренних качеств женщины: происходит актуализация позитивной оценки интеллекта (*хыйга, сагыстыг*) в АП-2 ИПЧІ (4 %→13,5 %) и появляется характеристика «сильная, независимая» (*strong, powerful, independent, etc.; сильная, независимая, феминизм и т. д.*) в АП-2 WOMAN (13 %) и АП-2 ЖЕНЩИНА (3 %).

8. Для хакасских, русских и американских АП-2 в СЗ «персоналии» характерно возрастание доли ассоциативных слов, называющих семейные роли: 7 %→49 % на стимул ИР, 9 %→83 % на стимул ИПЧІ; 7 %→14 % на стимул ЖЕНЩИНА, 2 %→6 % на стимул МУЖЧИНА; 0 %→4 % на стимул MAN.

9. В русских и хакасских АП-2 появляются группы реакций, отражающих стереотипные представления о разделении мужского и женского труда и социальных ролей.

10. Вариативность наполнения АП трех лингвокультур в значительной степени обеспечивается их дифференцирующей этнокультурной спецификой. Наиболее ярко она представлена через «сетку» гендерно дифференцированных метафор, в основе которых лежат зоонимы, природные объекты и явления, часто отражающие соответствующие особенности фауны и климата.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

- 1. Боргоякова Тамара Герасимовна** – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры английской филологии и теории языка ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
- 2. Абдина Раиса Петровна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
- 3. Каксин Андрей Данилович** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
- 4. Покоякова Карина Александровна** – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
- 5. Чертыкова Мария Дмитриевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
- 6. Чугунцова Алена Николаевна** – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдина Р. П. Лексика традиционной одежды в диалектах хакасского языка (в сравнении с алтайским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 28 с.
2. Адамова М. В. Семантически сопряженные категории Freude и Trauer и их актуализация в немецком языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2006. 197 с.
3. Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии / Институт языкознания РАН. М.: Языки Народов Мира, 2016. 248 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.
5. Анжиганова Л.В. Традиционное мировоззрение хакасов. Опыт реконструкции. Абакан: ХРИПКиПРО «РОСА», 1997. 128 с.
6. Апресян В. Ю. Недавние американские исследования в области эмоции и эмоциональной лексики // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995.
7. АРС Англо-русский словарь: 2000 наиболее часто употребляемых слов современного английского языка / сост. А. В. Петроченков. М.: Триада, 1992. 64 с.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
9. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 32 с.
10. Белик Е. В. Лингвокультурологические и гендерные особенности лексики и фразеологии современного английского языка (на материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина (в обществе и семье)»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 255 с.
11. Болотина Т. П. Особенности функционирования глаголов лексико-семантических групп психического состояния в поэзии XIX и XX веков (на материале поэм В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. Т. Твардовского и Е. А. Евтушенко) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 22–24.
12. Боргояков М. И. Развитие падежных форм и значений в хакасском языке. Абакан, 1976. 160 с.
13. Боргоякова А. П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 181 с.
14. Боргоякова А. П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
15. Боргоякова А. П. Хакасский ассоциативный словарь (рукопись). 2002. 235 с.
16. Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Репрезентация образа женщины в разных культурах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. Том 10. Выпуск 2. С. 45–50.
17. Боргоякова Т. Г. Ассоциативное поле бинарной оппозиции жизнь/смерть в разных лингвокультурах // Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 1(13). Том 14. Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2015. С. 58–63.

18. Боргоякова Т. Н. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в языках разных систем (на материале хакасского, турецкого и английского языков) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы Всероссийской научной конференции. 25–27 ноября 2002, Абакан. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 184–187.
19. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. 352 с.
20. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов. М.–Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
21. Гарипов Т. М. «Тюрко-Славика» в «Слове о полку Игореве» // Гарипов Т. М. *Baškiriça*: моносорбник избранных работ по башкироведению и тюркологии. Уфа: Издательство «Восточный университет», 2004. С. 116–125.
22. Герасимова И. А. Принцип двойственности в когнитивных практиках // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 90–101.
23. Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
24. Григорьев А. А., Кленская М. С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 313–318.
25. Денисова Т. А. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в языковом сознании русского народа: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 189 с.
26. Дмитриев Н. К. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш // Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 181–186.
27. Дмитриук Н. В., Байгутова Д. Н., Мезенцева Е. С. Отражение нравственных ценностей казахского этноса в зеркале свободного ассоциативного эксперимента // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1 (23). С. 159–171.
28. Древнетюркский словарь / А. М. Щербак, В. М. Наделяев, Э. Р. Тенишев, И. В. Кормушин. Л.: Наука, 1969. 870 с.
29. Дурова М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири): дис. ... канд. наук. Новосибирск 2016. 198 с.
30. Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина женщина»: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 406 с.
31. Ефремов Н. Н. Локативные конструкции с показателем дательного падежа в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 122–130.
32. Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156.
33. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2007. 560 с.
34. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири – IX первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
35. Изард К. Э. Психология эмоций: пер. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
36. Ильина Л. А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Лингвистический беспредел 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика, 2013. С. 32–47.
37. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. 1972. С. 3–26.
38. Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007.

39. Каксин А. Выражение эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка. *Linguistica Uralica*. 2015. № 2. С. 134–140.
40. Каксин А. Д. Выражение эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка: основные коннотации и формы // *Мир науки, культуры, образования*. 2016. № 1 (56). С. 291–293.
41. Каксин А. Д. Выражение эвиденциальности и миративности в русском и тюркских языках (к вопросу о формальном аспекте сравнения) // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 года)* / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 121–124.
42. Каксин А. Д. Глядь, де и другие средства выражения эвиденциальности и миративности в русском языке (на материале сказок А. С. Пушкина) // *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной научной конференции. Екатеринбург, 1–2 февраля 2013 г.* / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. Ч. II. С. 12–17.
43. Каксин А. Д. Инфинитные формы глагола как средство выражения категории «эвиденциальность» (на примере хантыйского языка) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика*. Выпуск 14. 2012. № 2. С. 85–89.
44. Каксин А. Д. Категория эвиденциальности в разноструктурных языках и способы ее подачи в учебном пособии // *Учебник – основа изучения родного языка в образовательных учреждениях: материалы межрегиональной конференции. 29 ноября 2013 г., г. Абакан*. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 20–27.
45. Каксин А. Д. Категория эвиденциальности в русском и хакасском языках (аспекты сравнения) // *Язык, культура, общество: тезисы докладов VI Международной научной конференции. Москва, 22–25 сентября 2011 г.* М., 2011. С. 81–82.
46. Каксин А. Д. Категория эвиденциальности в хантыйском языке (к вопросу об «эвиденциальном поясе Старого света») // *Историко-культурное наследие Хакасии: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, археолога Якова Ивановича Сунчугашева (г. Абакан, 20–21 октября 2011 г.)* / отв. ред. И. К. Кидиекова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. С. 229–242.
47. Каксин А. Д. Модальная и эвиденциальная лексика в хакасском языке: когнитивный аспект // *Вопросы кавказского языкознания. Научный журнал (Махачкала)*. 2015. Выпуск 11. С. 78–81.
48. Каксин А. Д. Модальная и эвиденциальная семантика в хантыйском языке (на материале северных диалектов) // *Марийская филология: ученые записки Института финно-угроведения*. Вып. 8. Йошкар-Ола, 2012. С. 68–75.
49. Каксин А. Д. Модальные и эвиденциальные слова в хакасском и хантыйском языках: лексикографический аспект // *Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 30-летию кафедры общего языкознания. Том III / ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет»*. Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. С. 48–54.
50. Каксин А. Д. Модальные и эвиденциальные слова и сочетания в хантыйском языке и их представление в словаре // *Вопросы уралистики 2014: научный альманах*. СПб., 2014. С. 397–405.
51. Каксин А. Д. Наклонения в «Сагайской грамматике» Н. Ф. Катанова и современное изучение функционально-семантических категорий в тюркских языках Южной Сибири // *Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16–19 мая 2012 года, г. Абакан* / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2012. С. 20–24.

52. Каксин А. Д. О некоторых средствах выражения эвиденциальности и миративности (на примере хакасского и хантыйского языка) // Урал–Алтай: через века в будущее: материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН (Уфа, 21–22 июня 2012 г.). Уфа, 2012. С. 53–55.
53. Каксин А. Д. О способах введения в текст чужого мнения (формулы отсылки) в современном русском языке // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Международной конференции (Омск, 27–30 июня 2011 г.) / под ред. О. С. Иссерс. В 2-х т. Т. 1. Омск: «Вариант-Омск», 2011. С. 134–140.
54. Каксин А. Д. Об основных способах выражения модальных и эвиденциальных значений в казымском диалекте хантыйского языка // Alkplł bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова / отв. ред. Е. А. Оганова. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 300–306.
55. Каксин А. Д. Осознание и отражение в языке очевидности и понятности окружающего мира (на примере разноструктурных языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Серия: Филология. Искусствоведение. Выпуск 88. С. 143–146.
56. Каксин А. Д. Пересказ и оценка чужого мнения как одно из эвиденциальных значений // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. Спецвыпуск «Русский язык в условиях изменяющейся действительности»: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию выдающегося лингвиста Кыргызстана, известного ученого-педагога, профессора Геннадия Степановича Зенкова (Бишкек, 12 ноября 2014 года). Бишкек, 2014. С. 43–46.
57. Каксин А. Д. Репрезентация эвиденциальности и миративности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 246–249.
58. Каксин А. Д. Роль частиц в выражении модальности и эвиденциальности (на примере хантыйского языка) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 4 (27). С. 259–268.
59. Каксин А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): дис. ... д-ра филол. наук / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск, 2010. 302 с.
60. Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования: научный журнал (Омск). 2014. № 1. С. 252–259.
61. Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. 108 с.
62. Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте типологического языкознания, в контексте евразийского коммуникативного пространства // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: диалог культур в контексте евразийского коммуникативного пространства: материалы VII Международной научно-практической конференции, 24–26 октября 2012 года, г. Абакан / науч. ред. И. В. Пекарская, отв. ред. В. П. Антонов. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2012. С. 5–8.
63. Каксин А. Д. Хакасский язык в лингвистических типологиях: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 88 с.
64. Каксин А. Д. Эвиденциальность в языках разной структуры: основные значения. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Научный журнал (Сочи). 2016. № 21. С. 41–45.
65. Каксин А. Д. Эвиденциальность и миративность тюркских языков в сопоставлении с аналогичными категориями русского языка // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: сборник статей и

- материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре (г. Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г.) / отв. ред. Н. М. Перельгут. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 28–35.
66. Каксин А. Д. Эвиденциальность и мративность тюркских языков: сопоставительно-типологический взгляд // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности): материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). Часть I. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 126–128.
 67. Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 159 с.
 68. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира, 2000. URL: http://www.ilingan.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html (дата обращения: 15.10.2013).
 69. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. [и др.]. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
 70. Караулов Ю. Н. Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1976.
 71. Каримова Р. Х. Концепт «труд / лень» в паремиологии неродственных языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 199 с.
 72. Карлов В. Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Том III: Тюркские языки. М.: Наука, 1966.
 73. Кидиекова И. К. Орнамент хакасов. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1997. 118 с.
 74. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты // Институт социологии РАН. М., 1999. 180 с.
 75. Кирилина А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Второй Международной конференции. Москва, 22–23 ноября 2001. М.: МГЛУ, Лаборатория гендерных исследований, 2002. С. 5–14.
 76. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
 77. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
 78. Кошкарева Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2006. Том 4. Вып. 2. С. 64–76.
 79. Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-манчжурских языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. Новосибирск, 2004. № 4. С. 70–81.
 80. Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-манчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / отв. ред. д-р филол. наук Н. Н. Широбокова. Новосибирск, 2005. С. 74–117.
 81. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М: Наука, 1980. 160 с.
 82. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира. АКД. СПб., 2005.
 83. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Тип. Енисейского губ. упр., 1898. 298 с.

84. Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения) / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2007. 114 с.
85. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа. 1989. 216 с.
86. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 216 с.
87. Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов // Вопросы языкознания. М.: Изд-во «Наука», 1978. № 2. С. 97–103.
88. Кузнецова Э. В., Боровикова Н. А. Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск: Изд-во Иркутского гос-университета. 1989. 177 с.
89. Кызласова И. Л. Категория модальности в хакасском языке. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2010. 149 с.
90. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. Москва: Прогресс, 1978. 543 с.
91. Лемская В. М. Глагольные системы чулымско-тюркских диалектов: временные формы // Урало-алтайские исследования. Научный журнал. 2010. № 2 (3). С. 19–35.
92. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.
93. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
94. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
95. Малинович М. В., Малинович Ю. М. Универсальные смыслы и категории в языке: Классические традиции. Современность. Перспективы // Вестник ИГЛУ. Иркутск, 2012. С. 162–170.
96. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. 452 с.
97. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
98. Махмутова Л. Р. Отражение семантической категории противоположности в энантиосемии // Вестник ЧГУ. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-semanticheskoy-kategorii-protivopozhnosti-v-enantioseмии> (дата обращения: 22.11.2017).
99. Маховиков Д.В. Этнокультурная специфика образа «счастье»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 132 с.
100. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб: Речь, 2003. 320 с.
101. Мельникова С. Е. О глаголах чувств в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. С. 60–74.
102. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Академия, 2007. 432 с.
103. Мишин А. А. Концепты «ум» и «глупость» в немецкой и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2007. 150 с.
104. Мишуткина И. И. Семантически сопряженные категории Leben и Tod и их актуализация в немецком языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2004. 155 с.
105. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 264 с.
106. Насилов Д. М. Конструкции с модальными словами «экан» и «эмиш» в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983. С.175–186.
107. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.

108. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 45 с.
109. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
110. Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 54 с.
111. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург, 1995. 340 с.
112. НУСРЯ 4000 наиболее употребительных слов русского языка / под ред. Н. М. Шанского и др. М.: Издательство «Русский язык», Редакция учебников и учебных пособий для зарубежных школ. 2-е издание. 1981. 368 с.
113. Обвинцева Н. В. Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.
114. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
115. Озорова А.А. Семантика и функция орудного падежа в алтайском языке // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 2004. С. 105–106.
116. Ооржак Б. Ч.-О. Временная система тувинского языка в сопоставлении с древнеуйгурским и южносибирскими тюркскими языками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 21 с.
117. Павлова А. В. Когнитивный подход к семантической структуре слова // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3). Ч. III. С. 169–170.
118. Палкин А. Д. Россия и Япония: динамика нравов. М.: Наталис, 2010. 432 с.
119. Плулган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
120. Покоякова К. А. Гендерные особенности восприятия образов мужчины и женщины в американском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 167–169.
121. Покоякова К. А. Особенности бинарной оппозиции «мужчина-женщина» во фразеологии и паремииологии хакасского языка // Мир науки, культуры и образования. Горно-Алтайск, 2015. № 3 (52). С. 304–306.
122. Покоякова К. А. Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина/женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 210 с.
123. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 172 с.
124. ПС Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.
125. РАС Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
126. Сагаан Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 21 с.
127. Самойлова И. Ю. Глаголы «плакать», «смеяться» как средство выражения внутреннего мира человека в поэзии И. Бродского // Вестник МГЛУ, 2011. № 3. С. 13–20.
128. Самотик Л. Г. Экзотизмы русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 188–193.
129. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск, 2007. 167 с.

130. Семенова Д. В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина»: на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 181 с.
131. Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 21 с.
132. Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири / Новосибир. ун-т. Новосибирск, 1996. 82 с.
133. Сисалиева Г. А. Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «осмеяние» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11, 4 (3) 2009. С. 788–792.
134. Скобелев С. Г. Изображение божества Умай на подвесках из могильника Койбалы // Семантика древних образов: сборник научных трудов / отв. редактор Р. С. Васильевский. Новосибирск, 1990. С. 152–158.
135. Скрибник Е. К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири: сб. научных тр. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 197–215.
136. Скрибник Е. К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке (предложения с именным сказуемым) // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск: ИИФФ, 1990. С. 95–125.
137. Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 519–551.
138. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: Изд-во МГУ, 1998. 319 с.
139. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. 39 с.
140. Соловар В. Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 16 с.
141. Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). М. С. 57–63.
142. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯРАН, 1998. С. 55–67.
143. Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Сборник историко-этнографических очерков, посвященных изучению костюма народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 3–13.
144. Тазранова А. Р. Инновационные синтетические формы алтайского языка // Историко-культурное наследие Хакасии: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, археолога Якова Ивановича Сунчугашева (г. Абакан, 20–21 октября 2011 г.) / отв. ред. И. К. Кидиекова. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 189–195.
145. Талапова Т. А. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира. Абакан: Издательство ГОУ ВПО «Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2010. 144 с.
146. Тарасенко В. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2008. 244 с.
147. Тарасов Е. Ф., Тарасова М. Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / под общ. ред. И. О. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. С. 253–277.
148. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение: новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. 2003. С. 7–22.

149. Тарасов Е. Ф. Проблемы теории речевого общения: научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени д-ра филол. наук по специальности 10.02.19 Теория языкознания. Москва, 1992 // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). М. С. 20–26.
150. Телякова В. Н. Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
151. Темпоральность. Модальность / В серии: Теория функциональной грамматики / отв. редактор А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 263 с.
152. Топоева А. О. Этнокультурная специфика прилагательных «сильный», «слабый» в языковом сознании носителей английского, русского и хакасского языков: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 175 с.
153. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
154. Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. Новосибирск: ИНУ, 1991. 228 с.
155. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Уфа: РИО РУНМЦ, 2002. 212 с.
156. Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Москва-Калуга: ИЯ РАН Институт психологии РАН, 2005. С. 205–217.
157. Уфимцева Н. В. Проблемы аккультурации новых граждан России // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). М. С. 71–75.
158. Уфимцева Н. В. Русские: Опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 139–162.
159. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. 252 с.
160. Фольклор саянских тюрков XIX века: в 2-х т. / сост. А. В. Преловский. М.: Новый ключ, 2003. 542 с.
161. Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 1. С. 3–10.
162. Хайруллина Д. Д. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 237 с.
163. Хакасский героический эпос: Ай Хуучин / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.
164. Хантыйский язык: учебник для педагогических училищ. Л.: Просвещение, 1988. 176 с.
165. ХАС Хакасский ассоциативный словарь (рукопись) / А. П. Боргоякова. 2002. 235 с.
166. Хейтетян Т. В. Бинарная оппозитивность как принцип организации картины мира и ее отражение в языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 2. С. 121–128.
167. Хертек А. Б. Значение локальных падежей в тувинском и хакасском языках / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск, 2013. 274 с.
168. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / под ред. В. Д. Бондалетова. Изд-е 5-е. М.: Флинта, 2009. 181 с.
169. ХРС Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳтiк / авторы О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова и др.; отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
170. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 280 с.
171. Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. 284 с.
172. Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2008. 216 с.

173. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.
174. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. 197 с.
175. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / отв. ред. д.ф.н., проф. Е. К. Скрибник. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2008. 205 с.
176. Черемисина М. И. Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири, 1995. №4. С. 63–68.
177. Черемисина М. И., Ковган Е. В. Хантыйский глагол: методические указания по курсу «Общее языкознание» / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1989. 50 с.
178. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1996. С. 46–57.
179. Чертыкова М. Д. Глаголы радости в хакасском языке (семантика и функционирование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология: научный журнал. 2013а. № 5. С. 150–156.
180. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика / отв. ред. Ю. В. Псянчин. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. 160 с.
181. Чертыкова М. Д. Глагольные синонимы с общим значением «печалиться» в хакасском языке: семантико-функциональный аспект описания // Язык: история и современность: научный журнал. Нальчик. 2017. № 1. С. 111–122.
182. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине: словарь-справочник. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. 172 с.
183. Чертыкова М. Д. Семантика глаголов любви и доброжелательного отношения в хакасском языке // Научное обозрение: гуманитарные исследования: научный журнал. 2013. №7. С. 31–38.
184. Чертыкова М. Д. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (на примере глагола **хын-** «любить») // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 28 февраля 2014 г.) / ИРОФСКС «Ал Хоорай» / науч. ред. Е. П. Баяртуева. Новосибирск, 2014. С. 183–185.
185. Чертыкова М. Д. Способы выражения причины глаголами печали в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы научной конференции (г. Горно-Алтайск, 11–13 сентября 2003 г.). Горно-Алтайск, 2005. С. 234–237.
186. Чертыкова М. Д. Способы выражения причины радости глаголом **õrin-** в хакасском языке // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дещифровки орхоненсейской письменности): материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). Часть I. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 138–141.
187. Чертыкова М. Д., Боргоякова И. Н. Фразеосочетания со значением ненависти в хакасском языке // Урал Алтай: через века в будущее: материалы Всероссийской научной конференции (Горно-Алтайск, 2–5 июля 2014 г.). 2014. С. 377–379.
188. Чехоева Т. С. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2009. 229 с.
189. Чугунецова А. Н. Глаголы вращательного движения в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 3 (58). С. 294–296.
190. Чугунецова А. Н. Глаголы колебательного движения в хакасском языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (108). С. 112–114.

191. Чугунекова А. Н. Лексико-семантическая группа пространственных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с ненецким языком (на материале бытийных глаголов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 1. С. 209–213.
192. Чугунекова А. Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 1. С. 203–206.
193. Чугунекова А. Н. Модели простых предложений со значением наличия или отсутствия объекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филология и культура. Philology and Culture / ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2014. Выпуск № 4 (38). С. 210–215.
194. Чугунекова А. Н. Модели элементарных простых предложений со значением количества в современном хакасском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 2 (Том 1) 2013. Филология. С. 76–80.
195. Чугунекова А. Н. Наречия как средство выражения пространственных отношений в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 190–192.
196. Чугунекова А. Н. Пространственные послелоговые конструкции как средство выражения пространственных отношений в современном хакасском языке (в сравнении с алтайским и шорскими языками) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 4 (Том 1), 2013. С. 128–138.
197. Шагдурова О. Ю. Семантика монгольских глаголов в тюркских языках Южной Сибири // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: мат-лы Межд. научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого (16–19 мая 2012 г., Абакан). Том 2. Абакан. С. 51–56.
198. Шаймердинова Н. Г. Язык в представлении картины мира древних тюрков // Научное обозрение Саяно-Алтая: научный журнал (Абакан). 2011. № 2. С. 74–78.
199. Шаманская М.А. Языковая репрезентация концептов MANN и FRAU: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 180 с.
200. Шамина Л. А. Грамматические средства, используемые для указания на источник получения информации в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 8. Новосибирск, 2002. С. 201–215.
201. Шамина Л. А. Средства выражения эвиденциальности и митаривности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Коллектив авторов. Новосибирск, 2005. С. 146–158.
202. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 106 с.
203. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. Ч. 2. 183 с.
204. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с.
205. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол: пер. с англ. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.
206. Яковлюк А. Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 156–162.
207. De Lancey S. Mirativity: New vs Assimilated Knowledge as a Semantic and Grammatical Category. Linguistic Typology. 1.1. 1997.
208. English Associative Thesaurus. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 05.03.2015).
209. Givyn T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. 6.1. 1982. S. 23–49.

210. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 04.06.2016).
211. Guentcheva Z. (ред.). *L'Ūnonciation mŷdiatisŷe*. Louvain-Paris, 1996.
212. Hornby A.S. (1974). *Oxford Advanced Learner's Dictionary Of Current English*. London: Oxford University Press.
213. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // (Cambridge. Mass.). Russian language project. Dep. Of Slavic languages and literatures. Harvard univ., 1957.
214. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic. *FUF*. 44. 1982.
215. Johanson L. Evidentially in Turkic // A.Y.Aikhenvald & R.M.W.Dixon (eds.). *Studies in Evidentially, Typological Studies in Language* 54. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P.273-290.
216. Karlŷk P. K problematice optativnosti // *Otŷzky slovanskŷ syntaxe*. IV/ 2. Brno, 1980.
217. Kispŷl Sz. M. *A vogul igenŷv mondattana*. Budapest, 1966.
218. Kulonen U.-M. The Passive in Ob-Ugrian. *MSFOu*. 203. 1989.
219. Kuryŷowicz J. The inflexional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
220. Kŷlmŷn B. *Chrestomatia Vogulica*. Zweite neubearbeitete Ausgabe. Budapest, 1976a.
221. Kŷlmŷn B. *Wogulische Texte mit einem Glossar*. Budapest, 1976b
222. Kŷnnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I. Numeruszeichen und Nominalflexion. *MSFOu*. 164. 1978.
223. Laky G. Nordmansische Sprachstudien. *Acta Linguistica*. T.VI. 347-423. Budapest, 1957.
224. Leech G. *Meaning and the English verb*. London, 1971.
225. Lyons J. *Semantics*. Cambridge, 1977. V. 2.
226. Marković L. Beyond Binary Opposition: De-gendering and Redefining Gender // *Facta Universitatis*. Series: Linguistics and Literature. Vol. 2. №10. 2003. P. 403–414.
227. Meunier A. *Modalitŷs et communication* // *Langue franzaise*. 1974. № 21.
228. Moreva L.V. Das Modalfeld des Selkupischen (in Mundarten am Mittleren Ob') // *Шестой Международный конгресс финно-уроведов: Тезисы. Языкознание. Том I. Сыктывкар, 1985. С. 59*.
229. Murphy L.W. *Sosva Vogul Grammar* / Indiana University. 1968.
230. Murphy, M.L. (2003). *Semantic relations and the lexicon: antonyms, synonyms and other semantic paradigms*. Cambridge : Cambridge University Press. p. 236.
231. Palmer F.R. *Modality and the English modals*. London, 1979.
232. Paradis, C. Corpus methods for the investigation of antonyms across languages. In P. Juvonen & M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.), *The lexical typology of semantic shifts* (p. 131-156). Berlin: de Gruyter Mouton, 2016.
233. Paradis, C. Willners, C., Jones S. (2009). Good and bad opposites. Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity // *The Mental Lexicon*. –John Benjamins Publishing Company. P. 380- 429.
234. Pete I. *Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка*. Budapest, 1976.
235. Pirotti G. *Grammatica Vogula (con una scelta di poesie vogule)*. «Quaderni Italo-Ungheresi». 3. Mantova, 1972.
236. Popela J. K вопросу о выяснении сущности и границ модальности в языке // *Otŷzky slovanskŷ syntaxe*, III. Brno, 1973.
237. Reuther T. Verbalbedeutung und Imperativgebrauch: Zum Problem der Intentionalitŷt // *Slavistična revija Ljubljana*, 1985. L. 33. № 2.
238. Salo M. Modal auxiliary verbs in Khanty dialects // *Congressus Nonus International Fenno-Ugristarum*. 7-13. 08. 2000. Tartu. Pars VI. Tartu, 2001. P.138-143.
239. Sammallahti P. *Material from Forest Nenets*. Helsinki, 1974.
240. Sapir E. *The Takelma language of South-Western Oregon*. Washington, 1912. (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Bull. 40. Part 2).
241. Serebrennikov B.A. *Strukturmerkmale der fŷhuralischen Grundsprache*. Ural-Altäische Jahrbŷcher. Bd. 45. Wiesbaden, 1973. S.65-79.

242. Skribnik E. Pragmatische Textstrukturierung im Wogulischen: Passiv, Objective conjugation, Casus Variierung und mehr // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV.* Tartu, 2000.
243. Skribnik E. Zum Modusystem im Nordwogulischen (in modum speculativum) // Hasselblatt C., Јддsalmi-Кръger P. (Hrg.). *Europa et Sibiria. Beiträge zu Sprache und Kultur der kleineren finnougriischen, samojedischen und paldosibirischen Völker.* (VSUA 51). Wiesbaden, 1999.
244. Steinitz W. *Ostjakische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis.* Stockholm, 1942.
245. Steinitz W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. I.* Tartu, 1939.
246. Mazon A. *Emplois des aspects du verbe russe.* Paris, 1914.
247. Panzer B. *Modalität und Modi in der Linguistik // Otčzky slovanskĕ syntaxe, III.* Brno, 1973.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список условных обозначений

- N_{Nom} – имя существительное в форме номинатива (=0),
 N_{Gen} – имя существительное в родительном падеже (=ның)
 N_{Dat} – имя существительное в дательном падеже
 N_{Acc} – имя существительное в винительном падеже (=ны)
 N_{Lat} – имя существительное в направительном падеже (=зар)
 N_{Ablat} – имя существительное в исходном падеже (=дан)
 N_{Prolat} – имя существительное в продольно-направительном падеже (=ча)
 N^{DF} – директив-финиш (локализатор конечной точки)
 N^{DS} – директив-старт (локализатор начальной точки)
 N^{Trloc} – транслокатив (локализатор-трасса)
Loc – локативный локализатор
Loc_{LOC} – локализатор в местном падеже
Quant – количественный маркер со значением ‘много/мало’.
Cop – связка
 V^{ex}_{fin} – предикат экзистенционального типа, выраженный бытийными глаголами
 $V_{дв.}$ – предикат движения, выраженный глаголом движения
букв. – буквально
ед. ч. – форма единственного числа
каз. – казымский диалект хантыйского языка
манс. – мансийский язык
мн. ч. – форма множественного числа
наст.-буд. вр. – форма настоящего-будущего времени
обд. – обдорский (приуральский) диалект хантыйского языка
прош. вр. – форма прошедшего времени
русск. – русский язык
сург. – сургутский диалект хантыйского языка
хак. – хакасский язык
шерк. – шеркальский диалект хантыйского языка
шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка

Приложение 2. Список иллюстрационных источников

А – Халларов А. Акай. Повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986. 184 с.

Аа – Алтын Арыҕ. Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. – Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. – С. 7–132.

Ат – Ах тасхыл литературно-художественный альманах. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1988. № 36. 142 с.

Ка – Султреков А. Күнүр аҕас. Повесть (на хакасском языке). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. 96 с.

Ка – Султреков А. Көглепчеткен аҕас / Поющее дерево. / на хакасском языке. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2009. 180 с.

Ат – Татарова В. Аат табызы. Повесть. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Асаас – Ах сабдар аттыҕ Алтын Сейзең. Алыптыҕ нымах. Составитель В. Е. Майногашева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. 163 с.

Ах – Алтын хыс. Хакасские сказки. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992. – 77 с.

Ахс – Шульбаева В. Ах хазыннаңар сарын. Нанарҕа: Чоохтар // Ах тасхыл. 1989. № 37. С. 13–45.

А – Кобяков В. Айдо. Повесть (на хакасском языке). Абакан, 1969. 200 с.

Ауа – Шульбаева В. Атхан ух айланмачан. Пущенная стрела. Чоохтар // Ах тасхыл. 1989. № 37. С. 13–45

Пао – Казачинова Г. Пістің аалның олғаннары (Ребята нашего аала). Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 112 с.

Д – Айтматов Ч. Джамия. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992. 285 с.

Ач – Аң чолларыңча (Звериными тропами): Рассказы для детей. Абакан, 1960. 59 с.

Чх – Костяков И. Чібек хур (Шелковый пояс): Роман Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1989. 222 с.

Мн – Костяков И. Минің нанчыларым (Мои друзья): Рассказы. Абакан, 1971. 119 с.

Км – Топоев И. Көйтік Миргенек, чоохтар. Абакан, Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1991. 40 с.

Т – Топоев И. Туғаннар, чоохтар, Абакан: Хак. кн. изд-во. 1992. 122 с.

Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарда, роман. Ағбан, 1983. 207 с.

Нчу – Патачаков К. Наа чуртас үчүн: Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1990. 141 с.

Кт – Кічіг туңмачахтарҕа. Абакан 1992.

Іт – Боргояков Н. Ікі іченің тоғазии. (Встреча двух матерей (на хакасском языке). Абакан: Отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО «Роса», 1999. 40 с.

Ткө – Тиников Н. Тіріг кізі өлбечен. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 240 с.

А – Шульбаев О. П. Анчуча. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 28 с.

Аўх – Чарков С. Ах Ыўс хазында. (На берегу Белого Июса): сборник рассказов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. 176 с.

О – Балтыжаков Т. Орис, Абакан, 1975. 67 с.

Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым, Ағбан, 1987. 108 с.

Хт – Хан тигір: альманах.

Хч – Хакас чирі: газета.

Тт – Чанков Д. Торғайах табызы. Песнь жаворонка: повесть и рассказ. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. 94 с.

Чт – Чирім тамырлары, Ағбан, 1982. 167 с.

Чкч – Чарых күнниг чирім. Солнечный мой край: сборник художественных произведений хакасских авторов / сост. А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 348 с.

О – Балтыжаков Т. Орис. Повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1964. 67 с.

Ках – Баинов М. Р. Килдім Ағбан хазынзар: стихи и поэмы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1962. 80 с.

Кк – Тиников Н. Кавристің көглері: повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 135 с.

Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарда: роман. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1983. 243 с.

Кч – Чебодаев М. И. Күргенниг чазы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1967. 70 с.

Ио – Майнашев В. Ирбен от. Стихтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1979. 94 с.

Ит – Иргенгі тан. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986. 184 с.

Мт – Кобяков В. Мылтых табызы. Хасхьларның унадылған ордызы. Кірбске түзіргені: Чоохтар // Мылтых табызы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1966. С. 7–32.

Лч – Ленин чолы. Халых чон газетазы.

Сс – Туран М. Сайалбаан сүрместер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 32 с.

Сс – Шулбаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. Абакан: Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. 206 с.

Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Чоохтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва. 1979. 160 с.

Т – Топоев И. Туғаннар. Чоохтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992.

То – Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 138 с.

Тс – Баинов Б. Тас сом: очерктер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1967.

П – Кильчичаков М. Е. Пьесалар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 264 с.

По – Писательлер олғаннарға. Көглер, чоохтар, нымахтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1988. 278 с.

Пт – Туран М. Пай тирек: повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1981. 135 с.

Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Улуғ чоох. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. 163 с.

Х – Тюкпиеков Н. Хыстаҕда. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 109 с.

Х – Кильчичаков М. Е. Хулгалар: пьесалар. Абакан: Хаk. кн. изд-во. 1991. С. 4–44.

Хо – Хакасия отары: литературно-художественный альманах. Абакан.

Хп – Хара паар. Нымахтар. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1985.

Хт – Хан тигір. Альманах. № 2. Аҕбан, 1995, 133 с.

Хх – Нербышев К. Хорлана хара суҕ. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 98 с.

Хч – Хакас чир: газета.

Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 252 с.

Хчк – Хакас чириниң кизилери: очерктер. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1985. 138 с.

Хчн – Хакас чонының нымахтары. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986. 128 с.

Ыа – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда: роман. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. 328 с.

Чхи – Кильчичаков М. Е. Чүректе халған істер. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1964.

Чт – Бурнаков Ф. Читон тайма. Чоох. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 128 с.

Чт – Чирім тамырлары. Абакан: Хаk. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 157 с.

Научное издание

**Боргоякова Т. Г., Абдина Р. П.,
Каксин А. Д., Покоякова К. А.,
Чертыкова М. Д., Чугункова А. Н.**

**Репрезентация оппозитивности
в хакасском языке**

Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора
Т. Г. Боргояковой

Редактор – Л. Н. Макарова.
Компьютерное обеспечение О. Н. Калининой.

Подписано в печать .12.2018.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 12,25. Усл. печ. л. 11,4. Уч-изд. л. 11,75.
Тираж 500 экз. Заказ № 128.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а; тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru